ЕВА БРАУН
ЕВА БРАУН
Жизнь, любовь, судьба

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Имя Евы Браун долгие годы упоминалось в литературе лишь в связи с описанием последних дней и смерти Адольфа Гитлера.

Она была, наверное, самым таинственным персонажем в не такой уж далекой истории Третьего рейха.

Немецкий журналист Нерин Ган в своей книге «Ева Браун» рассказывает о судьбе женщины, на протяжении 16 лет любившей, несмотря на препятствия, единственного в своей жизни мужчину — Гитлера и добровольно вместе с ним принявшей смерть.

- Нерин Ган
  - Предисловие
  - Девушка, улыбавшаяся одними глазами
  - Девушка из хорошей семьи
  - Первая встреча
  - «…для любви я содержу девушку в Мюнхене»
  - Гитлер и женщины
  - Дневник
  - Письмо
  - Двор в Оберзальцберге
  - Один день в «Гранд-отеле»
  - Дом на Вассербургерштрассе
  - Было ли покушение в Неаполе?
  - «Я — не личная жизнь»
  - «Валькирия»
  - «Чаперль»
  - Tea for two[69]
  - Портрет Дориана Грея
  - Низвержение в ад
  - Свадьба
  - Гибель
  - Послесловие
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90

Нерин Ган
Ева Браун: Жизнь, любовь, судьба

Предисловие

Всего лишь через несколько часов после того, как американские солдаты освободили меня из концлагеря Дахау[1], я узнал, что Адольф Гитлер именно в этот день женился на некой Еве Браун. Такое совпадение (правда, на самом деле они сочетались законным браком не 29 апреля 1945 года, а чуть раньше, и это я докажу в своей книге) почему-то очень сильно поразило меня, заставив в конце концов заинтересоваться судьбой Евы Браун. Должен признаться, что на протяжении всего срока аккредитации в качестве корреспондента ряда печатных изданий нейтральных государств, я, как и большинство журналистов и членов дипломатического корпуса, ничего не знал о ней, хотя совал нос куда надо и куда не надо и в итоге заплатил очень дорогую цену за свое любопытство. Женитьба даже в экстремальных условиях — поступок чисто человеческий, и потому мне особенно хотелось узнать, кто такая Ева Браун и как она смогла заставить пятидесятишестилетнего дьявола в человеческом облике принять такое несвойственное ему решение и не где-нибудь, а в охваченном пламенем Берлине.

Но почему вообще следует писать о Еве Браун? Вроде бы о ней все уже известно. Я лично прочел свыше пяти тысяч посвященных ей статей; разумеется, знаменитые историки недолго уделяли ей внимание. Значит ли это, что я поставил перед собой цель, еще раз поразить читающую публику сенсационными сообщениями?

Ева Браун была, наверное, самым таинственным персонажем в не такой уже давней истории Третьего рейха. Пять тысяч посвященных ей статей и исторических очерков просто поражают обилием вопиющих неточностей. Я это знаю, хотя бы уже потому, что был сам автором некоторых из публикаций. То, что я описывал, настолько не соответствует фактам, что мне до сих пор стыдно за них. В свое оправдание могу только сказать: я был лишь неопытным репортером, пытавшимся разгадать тайны гитлеровского режима. Подлинными же виновниками, злонамеренно способствовавшими сокрытию истинного положения дел, были люди, поддерживавшие достаточно близкие отношения с Евой Браун. Я имею в виду супругов Шпеер, Гофманов и Ширахов, то есть тех, кто своим богатством и властью были обязаны исключительно тому человеку, которого так любила Ева Браун.

Так, например, Шпеер[2] заявил известному английскому историку Тревор-Руперу: «Ева Браун сильно разочарует

потомков». Тревор-Рупер, разумеется, тут же присоединился к его мнению и без ссылки на источник дал в своей книге возлюбленной Гитлера именно такую оценку.

Кто же такой Альберт Шпеер и почему его так волнует, какое место в истории займут другие люди? Он никогда не разделял национал-социалистические идеи и примкнул к Гитлеру исключительно из желания удовлетворить свое неуемное честолюбие. Гитлер, напротив, считал, что он сделал это исключительно из дружеских побуждений, и мало кому известный ранее архитектор стал одним из наиболее влиятельных деятелей Третьего рейха. Я не придерживаюсь принципа, которым руководствовался Международный трибунал в Нюрнберге, и считаю, что победители не вправе судить побежденных. Однако, на мой взгляд, именно деятельность Шпеера на посту министра вооружений продлила войну на два года и поэтому именно он несет полную ответственность за страшные разрушения. Для Гитлера он был не просто министром. «Он твой единственный настоящий друг, — сказала Ева Браун в бункере рейсхканцелярии накануне полного краха. — Он единственный, кто никогда не бросит тебя», Когда Шпеер действительно прилетел в Берлин и оказался едва ли не последним посетителем бункера, Ева вышла к нему навстречу, обняла его и радостно воскликнула: «Я знала, что вы приедете. Вы наш друг, вы последний, кто сохранил нам верность». Прямо-таки Святой Георгий, не побоявшийся войти в пещеру к дракону. Шпеер потупясь, с нескрываемым смущением в голосе ответил, что он вообще-то здесь проездом и в тот же вечер должен отбыть восвояси, так как министр он только по названию и потому уже не в состоянии выполнять свои обязанности. В Нюрнберге Шпеер утверждал — может быть, желая произвести на судей благоприятное впечатление и тем самым повлиять на приговор, — что он якобы намеревался отравить в бункере Гитлера, а вместе с ним и Еву Браун, которая, как уже сказано выше, относилась к нему наилучшим образом. Между прочим, следует отметить, что хотя она и не клялась Гитлеру в верности, но тем не менее без колебаний ушла из жизни вместе с ним.

Бальдур фон Ширах[3] избежал в Нюрнберге смертной казни только лишь потому, что его бабушка была американской миллионершей. Иначе совершенно непонятно, почему к человеку, ответственному за использование в преступных целях идеалов миллионов юношей и девушек, судьи проявили такую снисходительность. В своих недавно опубликованных мемуарах Ширах также попытался сделать сенсацию из судьбы продавщицы в фотоателье его тестя. Ведь свою жену, бывшую подругу Евы Браун, он сделал настоящей «вице-королевой Австрии», а тайная

возлюбленная Гитлера жила в полном уединении в Мюнхене и мир о ней ничего не знал.

Ева Браун хранила верность своему возлюбленному вплоть до самой смерти, а Генриетта фон Ширах развелась с Бальдуром, как только он оказался низвергнутым с высоких постов. Но ведь жена, бросая сидящего в тюрьме мужа, предает его вдвойне. Более того, госпожа фон Ширах не стеснялась появляться на людях в сопровождении любовников, чье расовое происхождение и политические взгляды, мягко говоря, не соответствовали тем идеалам, которые так яростно отстаивал Бальдур фон Ширах.

Затем в 1947 году был опубликован псевдодневник Евы Браун, где вообще не было ни одного слова правды. Его изготовил некий актер, решивший обратить в деньги сведения, собранные при жизни так усердно прославляемого им диктатора. Сразу хочу предупредить читателя, пришедшего после знакомства с этой фальшивкой к ложным выводам, что она не имеет никакого отношения к обнаруженному мной и публикуемому здесь подлинному дневнику Евы Браун.

Судьба женщины, на протяжении шестнадцати лет безумно любившей единственного мужчину в своей жизни и несмотря на все препятствия, угрозы и просьбы добровольно ушедшей вместе с ним из жизни, не может оставить равнодушным читателя, интересующегося историей.

Почему же она так любила этого человека? Любовь не бизнес, когда взвешиваешь все «за» и «против» и рассчитываешь выгоду и убытки с помощью электронного мозга. Любовь — это страсть, и для нее нет логического объяснения.

И не получится ли так, что описание судьбы Евы Браун невольно заставит читателя отнестись к Гитлеру с определенной симпатией? Я не принадлежу к тем, кто слепо верит пропагандистским установкам, на основании которых было поставлено много рассчитанных на невзыскательный вкус фильмов. В них Гитлер представлен монстром, отрывающим у мух крылышки, грызущим ковры и при принятии важных государственных решений руководствующимся главным образом предсказаниями астрологов. Мы должны понять, что великие мира сего, одним словом определявшие судьбы миллионов, — вполне нормальные люди, хорошие отцы и деды, любящие на досуге разводить цветы и играть с животными. Однако эти чисто человеческие качества ничуть не мешают им выступать на политической сцене в роли дьявола.

Нет, любовь Евы Браун не только не делает облик Гитлера более симпатичным, но, напротив, придает ему совершенно дьявольские черты. Ведь именно эта женщина стала его первой

жертвой.

История — изменчивая дама, откровенно надевающаяся над моральными ценностями своих героев. Во времена Наполеона не было более ненавистного человека, чем он. В наши дни туристы со всего мира съезжаются в Париж, чтобы поклониться его могиле. Двести лет в Англии проклинали имя Оливера Кромвеля, теперь же его там считают одним из величайших исторических деятелей. Я не хочу заглядывать в будущее и утверждать, что в один прекрасный день «Берхтесгаден» станет местом паломничества — хотя кое-какие предпосылки для этого имеются уже сейчас, — однако никто не сомневается в том, что Адольф Гитлер повлиял не только на жизнь всех нас, но и на всю нашу историю. Даже теперь, по прошествии многих лет нет ни одного более-менее важного события в мире, которое в той или иной степени не являлось бы следствием проводимой когда-то Гитлером политики или развязанной им войны. Вот почему, на мой взгляд, для нас так важны даже малейшие подробности его частной жизни.

К сожалению, я вынужден констатировать, что известные историки заблуждались не меньше авторов сенсационных публикаций в бульварных изданиях. Тревор-Рупер по крайней мере может оправдываться тем, что он писал свою книгу в сильной спешке и поверил показаниям не слишком сведущих свидетелей. Но обширный труд Уильяма Ширера в значительной степени опирается на солидную документальную базу. Правда, всегда нужно помнить, что историю творят люди и уже потом ее события излагаются на бумаге. Приведем только один пример. Рассказывая о молодости Гитлера, Ширер использовал фактически только воспоминания друга его детства некоего Кубичека. Однако Ширер никогда не встречался с ним лично, иначе бы он сразу догадался, что мемуары Кубичека — плод его фантазии. Позднее это подтвердили многие историки.

В отличие от Ширера, Михаэль Мусмано, правда, сам беседовал со многими основными персонажами грандиозной драмы, в результате его произведение следует отнести к жанру, который Трумен Капоте назвал «документальным романом». Возможно, Мусмано руководствовался исключительно эмоциями или же его собеседники были ослеплены голубым мундиром офицера американских ВМС, но во всяком случае они дружно врали напропалую[4]. Не следует забывать, что его собеседники тогда находились в отчаянном положении. Их государство терпело поражение, их самих взяли в плен, они голодные сидели в тюрьме нюрнбергского Дворца правосудия — этих причин более чем достаточно для дачи именно тех показаний, которых

добивался от них Мусмано.

Как он мог, например, поведать о якобы сожженном летчицей Ганной Рейч последнем письме Евы Браун? Никто, никогда, ничего не слышал о нем, а уж тем более сама Ганна Рейч, которая, кстати, и подтвердила это письменно. Другая свидетельница вынула из ящика письменного стола и показала мне книгу Мусмано, всю исчерканную его рукой. Почти на всех страницах на полях было написано: «Ложь».

Один довольно известный автор в своей книге «Последняя битва» не менее четырех раз упоминает Еву Браун. И хотя над этой книгой он, по собственному признанию, работал много лет при поддержке одного из крупнейших американских издательств, все четыре раза он ошибся.

Нет, конечно, Корнелиус Райан опросил несколько тысяч очевидцев (иногда я сравниваю его с репортером во время пожара, настолько увлекшимся записью фамилий и адресов присутствующих, что даже забыл о самой огненной стихии), хотя ему даже в голову не пришло связаться, например, с личной секретаршей Гитлера. Разумеется, он часто цитирует ее, но, как она сама сообщила мне: «Он воспользовался протоколом допроса меня американскими солдатами двадцатилетней давности… Разве вы не заметили, что он называет меня госпожой Гертрудой Юнге, хотя мое имя Траудль? Просто американцы проформы ради записали в протокол «Гертруда», так как это звучало более солидно». Траудль Юнге уверяет: «Корнелиус Райан говорит обо мне так, будто я его сестра… но я в жизни не встречалась с ним».

Я сделал то, чего не сделали очень многие до меня. Я решил выяснить все досконально и потому разыскал людей, непосредственно причастных к описываемым событиям. Я рылся в уголовных делах, регистрационных книгах отделов записей актов гражданского состояния, посещал школы, монастыри, частные дома, отели, парки и кладбища. Ни одному очевидцу я не верил на слово и сразу же требовал доказательств, а затем еще и еще раз проверял его показания. Я даже сводил одних свидетелей с другими — подругу с подругой, сестру с сестрой, дочь с матерью.

Все эти усилия могли оказаться совершенно напрасными, если бы не помощь тех, кто был рядом с главными персонажами моей книги. Назову лишь нескольких из них: секретарши Гитлера Траудль Юнге, Герда Христиан и госпожа Вольф, его бывший шофер Мориц, другие сотрудники, друзья и школьные подруги Евы Браун, ее парикмахер, горничная, бывший шофер и, главное, ее ближайшая подруга Герда Остермайер, которая впервые после очень долгого периода молчания согласилась откровенно поговорить о ней. Я твердо убежден, что все эти люди видели во

мне не тюремного надзирателя, не врага, не проныру-репортера, а друга, от которого им нечего скрывать. И я очень надеюсь, что моя книга их не разочарует.

Благодаря энергичной поддержке семьи Евы Браун мне удалось обнаружить в одном из укромных уголков Вашингтона 33 альбома с фотографиями Евы. До этого на протяжении двадцати двух лет никто из ее близких родственников не дал ни одного интервью. Такая сдержанность вполне понятна; ведь все это время им ничего не оставалось, как молча смириться с осквернением памяти Евы, бойкой торговлей ее личными вещами, взятыми победителями в качестве сувениров, и появлением бесчисленного множества пасквилей, не говоря уж о печально известной фальшивке — так называемом дневнике. Даже земляки не пощадили семью Евы Браун. Они всячески преследовали и унижали ее. Однако справедливости ради должен отметить, что ее родственникам пришлось расплачиваться за роскошную жизнь в Берхтесгадене и покровительство нацистских властей, избавивших их от тягот войны. Они, правда, до сих пор не понимают этого, и потому хочу напомнить, что даром можно получить только смерть.

Мне удалось убедить их в необходимости пожертвовать семейной гордостью ради исторической истины. Иначе нам придется верить историческим мифам, а этого очень не хотелось бы. Они помогали мне буквально во всем и делились самыми сокровенными тайнами. Особенно я благодарен Ильзе Браун, которая в прямом смысле излила мне душу.

Но я не Уильям Манчестер, получивший от Жаклин Кеннеди заказ на написание книги об убийстве ее мужа. Боюсь, что семья Браун, прочтя эту книгу, горько пожалеет о своих доверительных отношениях со мной. Для них Ева — близкая родственница, жившая в мире грез, а для меня — просто живой человек со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так пусть же они вспомнят, что я обещал им писать только правду, но зато всю правду.

Я убежден, что Ева Браун тоже не захотела бы ничего другого.

Нерин Ган

Девушка, улыбавшаяся одними глазами

Это произошло в пятницу 17 сентября 1931 года в Мюнхене в доме 15 на Принцрегентенплац.

— Пока, дядюшка Ади, пока!

Услышав звонкий девичий голос, невысокий черноволосый мужчина на мгновение замер у подножия лестницы и оглянулся.

Совсем еще юная девушка в баварском национальном летнем платье склонилась над перилами и чуть приподняла подол, обнажив стройные ноги. Спутник брюнета усмехнулся и поднял голову. Шофер стоявшего возле дома черного «мерседеса» нетерпеливо нажал на клаксон, но те, кого он ждал, продолжали стоять как вкопанные, не обращая никакого внимания на гудки.

Наконец Гитлер еще раз прощально вскинул руку, вышел из подъезда и сел в сверкающий лаком автомобиль — знак внимания всемирно известной фирмы. В начале тридцатых годов Гитлер был уже популярен и руководство концерна «Мерседес-Бенц», заботясь о будущем, решило сделать подарок наиболее честолюбивому политическому деятелю из числа крайне правых.

Устроившись поудобнее рядом с шофером открытого автомобиля, Гитлер посмотрел на лоджию второго этажа, где теперь стояла девушка. Он в последний раз помахал ей и сказал шоферу:

— Никто так не умеет улыбаться глазами, как Гели.

Гели — именно так ласково звали дочь сводной сестры Гитлера Анжелу Марию Раубаль. Гитлер всячески опекал их, но его покровительство скорее напоминало ревность Дона Бартоло из «Севильского цирюльника». Ведь Гели была на девятнадцать лет моложе его и к тому же необычайно красива.

«Настоящая принцесса, на которую на улице люди оглядывались, хотя в Мюнхене это не принято» — так отозвался о Гели старый соратник Гитлера Эмиль Мориц, до сих пор — через 36 лет — по-прежнему безумно любящий ее.

Почти всегда, уходя из дома, Гитлер, по обыкновению своему, снова поднимался в квартиру, чтобы во второй раз попрощаться с племянницей. Неужели он питал к ней такое расположение? А может быть, просто хотел лишний раз напомнить ей о необходимости блюсти себя? Во всяком случае ему нравилось постоянно подчеркивать свой авторитет в глазах родственников.

В эту пятницу Гитлера одолевали другие заботы. Он собирался не только перевезти значительную часть своего

имущества в расположенную в Оберзальдберге виллу «Вахенфельд», а и отправиться в предвыборную поездку, которая должна была закончиться в Гамбурге. Кроме того, он не слишком доверял своему новому шоферу Юлиусу Шреку, любящему быструю езду. Гитлер же предпочитал ездить медленно и поэтому хотел выехать из Мюнхена как можно скорее, чтобы не давать Шреку повода изо всех сил нажимать на газ.

В городе чувствовалось скрытое напряжение. В этом не было ничего удивительного, ибо с Альп дул фён[5]. Это типичный мюнхенский феномен, он рассеивает туман над Альпами, и они предстают перед жителями города в своей неповторимой красоте. Однако эмоционально возбужденные люди становятся от фёна рассеянными и очень нервными.

Гитлер надел кожаный водительский шлем, жестом приказал шоферу трогаться, и «мерседес» обогнул расположенную в самом центре аристократического квартала Богенхаузен Принцрегентенплац. По иронии судьбы во время Второй мировой войны английские и американские бомбы пощадили дом, в котором находилась просторная квартира Гитлера, хотя сам город был почти полностью разрушен.

Автомобиль пересек город, направляясь к шоссе, ведущему на Нюрнберг. Гитлер повернулся к сидящему на заднем сиденье своему личному фотографу Гофману:

— Проклятый фён! Из-за него я весь больной. Ну просто с ума схожу. У меня очень дурное предчувствие. По-моему, произойдет что-то ужасное.

Но ничего страшного не произошло. Гитлер благополучно прибыл в Нюрнберг и как обычно переночевал в отеле «Дойчер Хоф».

Однако уже утром, когда Гитлер собрался выехать в северном направлении, посыльный остановил Шрека.

— Господин Гесс срочно просит к телефону господина Гитлера.

Если уж Рудольф Гесс[6], идейный вдохновитель Национал-социалистической партии, позвонил из Мюнхена, значит, действительно произошло что-то очень серьезное. Как выяснилось, он звонил из квартиры Гитлера на Принцрегентенплац.

— Ваша племянница Гели тяжело ранена. Рядом с ней лежит револьвер. Состояние крайне тяжелое, полиция ждет разрешения войти.

Прибыв в Мюнхен, Гитлер не застал Гели Раубаль живой.

Врачи так и не смогли спасти ей жизнь. Ее тело уже лежало в морге, а затем было перевезено в кладбищенскую часовню.

Одна из утренних газет опубликовала 18 сентября 1931 года следующее сообщение:

«Самоубийство. Согласно полицейской сводке в одной из квартир Богенхаузена застрелилась двадцатитрехлетняя Анжела Раубаль. Намеревавшаяся закончить экстерном училище, девушка была дочерью сводной сестры Адольфа Гитлера и проживала в доме 15 на Принцрегентенплац на том же этаже, что и ее дядя. В первой половине дня владельцы квартиры, в которой Анжела занимала комнату, услышали крик, но никто из них ничего не заподозрил. Вечером они постучали в комнату жилички и, когда никто не ответил, решили взломать запертую изнутри дверь. Анжела Раубаль лежала мертвая лицом к полу. Рядом на диване был обнаружен мелкокалиберный пистолет системы «вальтер». О мотивах самоубийства пока ничего достоверно не известно. По одной из версий, фрейлейн Раубаль ранее познакомилась в Вене с оперным певцом, но дядя не разрешил ей поехать туда. Другие утверждают, что несчастная покончила с собой из-за того, что хотела выбрать карьеру певицы, но чувствовала, что не справится».

Появление этого сообщения, которое было опубликовано в газете «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен», Эмиль Мориц объясняет тем, что руководство НСДАП немедленно оказало сильное давление на буржуазную прессу с целью избежать обнародования нежелательных подробностей. Тогда становится понятным, почему Гели Раубаль поселили в другой квартире, хотя она жила вместе с Адольфом Гитлером. Истории о якобы неудавшейся певческой карьере также нельзя доверять: Гели Раубаль никогда не собиралась выступать публично, и ее дядя никогда бы ей этого не позволил.

Автору удалось реконструировать это странное событие во всех подробностях. Помогла ему Анни Винтер, которая с 1919 года, то есть с момента переезда Гитлера на Принцрегентенплац, исполняла там обязанности экономки.

Вот ее рассказ: «17 сентября 1931 года мать Гели находилась в Оберзальдберге. Таким образом, в квартире, кроме нас двоих, никого не было. Как только ее дядя уехал, Гели сказала, что не хочет никого видеть, коротко поговорила по телефону со своей подругой Эльфи Замтхабер, по-моему, написала несколько писем. Затем она заперлась в своей комнате».

Эти письма так и не смогли найти. Эльфи Замтхабер утверждает, что тогда они говорили о каких-то пустяках — покупке нового платья и вечернем спектакле.

Комната, в которой заперлась Гели, была роскошно и со вкусом обставлена. Изысканная мебель в античном стиле была

изготовлена в Зальцбурге, постельное белье вышито шелком, а светло-зеленые стены украшены изображениями крестьянской утвари. Стиль нарушала только выполненная акварелью картина с изображением одного из проходивших на территории Бельгии боевых эпизодов Первой мировой войны. Нет нужды говорить, что ее нарисовал Гитлер.

Госпожа Анни Винтер, которая теперь владеет в Мюнхене антикварным магазином, показала автору несколько предметов мебельного гарнитура, ранее принадлежавшего Гитлеру. Она сказала, что Гели Раубаль очень любила эту комнату в квартире своего дяди и проводила в ней большую часть времени. Поэтому госпожа Винтер не увидела ничего особенного в желании Гели в ту роковую пятницу удалиться в свою комнату. «Гели сказала мне, что не хочет ехать к матери в Оберзальцберг, так как у нее нет по-настоящему красивого платья. Она всегда одевалась очень элегантно. Ее платья, купленные в основном в Вене или Зальцбурге, постоянно производили фурор в арендованной Гитлером близ Берхтесгадена вилле «Вахенфельд». Когда Гели и ее мать гостили там и по воскресеньям ходили в церковь Иисуса и Марии, прихожане, в том числе дети, позабыв о молитве, смотрели на нее во все глаза, такая она была красивая и шикарная».

А вот что поведала мне госпожа Винтер об обстоятельствах смерти Гели Раубах: «Она рассказала мне, что дядя Адольф запретил ей покупать новое платье и не пожелал оплачивать поездку в Вену. Но Гели, похоже, была не слишком разочарована. Кроме того, я знала, что она очень переменчива в своих намерениях и желаниях».

Поэтому госпожа Винтер, как обычно, отправилась домой. Однако госпожа Рейхерт, жившая на том же этаже, что и Гитлер, утверждала, что слышала вечером какой-то шум и крик…

Гели Раубаль терпеть не могла «старуху Раехерт», которая любила ходить взад-вперед по лестнице с ножом в одной руке и куском хлеба в другой. Гели настолько боялась ее, что порой, оставаясь одна, клала рядом револьвер своего дяди.

Гитлер, владевший целым арсеналом оружия, настоятельно советовал племяннице научиться стрелять из пистолета. Он часто повторял:

— Уж если ты живешь с политическим деятелем, научись защищать себя.

18 сентября 1931 года Анни Винтер, как обычно, вошла в квартиру на Принцрегентенплац и очень встревожилась, когда увидела, что дверь в комнату Гели по-прежнему заперта. Она долго стучала в нее, а потом позвала мужа. Вместе они взломали

дверь и ужаснулись. Гели Раубаль неподвижно лежала на полу. Ее голубая, расшитая розами ночная рубашка была покрыта пятнами крови. Одна рука закинута за голову, другая вытянулась в сторону дивана, на котором лежал револьвер.

Гели Раубаль пустила себе пулю в сердце.

Анни Винтер тут же вызвала врача и полицию. Но еще раньше она позвонила в штаб-квартиру нацистской партии и, таким образом, Рудольф Гесс первым оказался на месте происшествия. Вместе с ним прибыл Грегор Штрассер[7].

Госпожа Винтер обслуживала также Гели Раубаль и знала с ее слов, что в полицай-президиуме Мюнхена засели ярые противники Гитлера. Она очень не хотела, чтобы полиция использовала случившееся во вред ее хозяину.

Поэтому она лишь облегченно вздохнула, увидев Гесса и Штрассера.

Когда мать Гели в понедельник 20 сентября 1931 года вернулась из «Вахенфельда», труп ее дочери уже покоился в молельной часовне.

Гитлер был просто потрясен безумным поступком племянницы. (Характерно, что все женщины, позднее страстно любившие Гитлера, пытались тем или иным способом уйти из жизни. Но только после смерти Гели Раубаль он оказался в шоке и все чаще заводил речь о самоубийстве.) Какое-то время Гитлер ни с кем не общался и наотрез отказывался жить в своей квартире. «Даже в двух шагах от ее комнаты я не могу спать». К политике он потерял всякий интерес и уже был явно готов отказаться от возложенной на него миссии.

Автору книги по прошествии более тридцати лет крайне затруднительно четко охарактеризовать отношения Гитлера с племянницей. В дальнейшем он очень редко упоминал ее имя. Мать Гели, в свою очередь, вообще не говорила на эту тему вплоть до самой смерти.

Остальные свидетели противоречат друг другу. Может быть, всему виной их плохая память, а может быть, они стремятся «не быть втянутыми в эту темную историю» и соответствующим образом строят свои показания.

Гитлер не испытывал особой любви к ближним родственникам, но и не отрекался от них. Правда, он предпочел не вмешиваться, когда мать Гели через несколько лет буквально выгнали из Оберзальцберга. Он также наотрез отказался разрешить брату Гели Лео вылететь из расположения окруженной в Сталинграде 6-й армии.

Один из самых старых соратников Гитлера Герман Эссер[8] вспоминает, что красавица Гели Раубаль неизменно

присутствовала на их традиционных встречах в кафе «Хек». Однажды Гитлер не только демонстративно не смотрел на нее, но и с презрением отозвался о так называемом кумовстве как об опасном и омерзительном явлении. Известно, он не упускал случая сравнить себя с Наполеоном и уже гораздо позже заявил: «Наполеон сам во многом виноват в своем падении. Он посадил на троны родственников и щедро наделил их властью и богатством. Поэтому на фоне других исторических личностей он выглядит смешно и нелепо».

Въехав 3 сентября 1929 года в свою новую огромную квартиру на Принцрегентенплац, Гитлер тут же пригласил к себе на должность экономки свою сводную сестру Анжелу, которая недавно овдовела и, как и ее дочери Эльфрида и Анжела, хотела учиться в Мюнхене живописи и пению.

Он сделал это вовсе не потому, что испытывал к сводной сестре теплые чувства или в знак благодарности за оказанную в прошлом услугу, когда он, не имея средств к существованию, какое-то время жил и питался у нее в Линце. Просто он не мог больше оставаться один. Кроме того, Гитлер не хотел, чтобы рядом находились случайные люди. Ведь они могли злоупотребить его гостеприимством или даже выдать партийные тайны. Нет, риск был слишком велик. А своей сводной сестре он мог вполне доверять. Куда-куда, а уж в партийные дела она нос совать не будет. Незадолго до Рождества 1929 года Анжела с двумя дочерьми поселилась у Гитлера. Он был просто ослеплен красотой двадцатиоднолетней Гели. Девушке никак нельзя было дать больше семнадцати и, ко всему прочему, она оставалась еще по-детски наивной и очаровательной. Напротив, ее не менее хорошенькая младшая сестра Фридль не произвела на него никакого впечатления. Гели была высокой и стройной, а овальное лицо она унаследовала от отца, у которого была значительная примесь славянской крови. В 1903 году ее мать вышла замуж за уроженца Богемии, служившего в налоговом ведомстве в австрийской части империи.

«У Гели были такие огромные глаза — ну просто поэма, — так описывает ее Эмиль Мориц. — А еще она очень гордилась своими роскошными черными волосами». Гели наверняка обиделась бы, узнав, что позднее равнодушные к деталям историки назовут ее «светловолосой Гретхен». Она очень гордилась и тем, что венка, и относилась к «глупым светловолосым баваркам» с нескрываемым презрением. У нее был приятный венский акцент. Если добавить сюда упрямство и непредсказуемость, то можно сделать вывод, что уж точно она не должна была понравиться Гитлеру. Он предпочитал совершенно

другой тип женщин — покладистых натуральных блондинок. Главное, чтобы они беспрекословно выполняли его требования и не были безалаберными.

Но Гитлер прямо-таки преклонялся перед своей племянницей. Разумеется, он знал ее с детства. Однако от дома Раубалей в Линце у него остались плохие воспоминания. Муж Анжелы откровенно презирал молодого Гитлера, время от времени приходившего к сводной сестре униженно выпрашивать тарелку супа. Однако Гитлер был отнюдь не в обиде на племянницу за поведение ее отца и ни в коем случае не собирался ей мстить.

«Он с удовольствием ходил с ней гулять, — рассказывает Эмиль Мориц. — Ему очень нравилось появляться с этой восхитительной особой в публичных местах. Гитлер даже в мыслях не допускал, что Гели может не понравиться его товарищам по партии. Следует отметить, что жен их, за немногими исключениями, он очень не любил. Но с Гели Гитлер даже посещал магазины».

Эмиль Мориц не только долгое время исполнял обязанности личного шофера Гитлера, но и считался чем-то вроде его конфидента[9]. «Мы вместе ходили по девочкам. Я следовал за ним как тень».

Мориц принадлежал к числу создателей СА — отрядов, официальной задачей которых было защищать проходившие обычно в пивных залах партийные митинги от любых посягательств. Предки его были гугенотами[10], когда-то эмигрировавшими в Германию. Слухи о том, что он еврей, лишены всякого основания. В конце двадцатых-тридцатых годов Мориц неотступно следовал за Гитлером. После появления Гели возникло своего рода трио. Сам Гитлер яростно отвергал любые попытки женить его, зато неоднократно пытался уговорить Морица вступить в брак. «Если ты женишься, я буду каждый день обедать у вас», — сказал он как-то своему шоферу.

Мориц наконец последовал его совету, но, по мнению Гитлера, лучше бы он этого не делал. «Я уже ни о ком, кроме Гели, думать не мог и в конце концов предложил ей стать моей женой. Как и все, я был безумно влюблен в нее, и она в свою очередь относилась ко мне весьма доброжелательно».

Стоило Морицу рассказать Гитлеру о предстоящей помолвке, как разразился скандал. Гитлер ругался, кричал, осыпал Морица упреками, а затем попросту выгнал его — единственного шофера, которому он полностью доверял. С тех пор он всячески избегал встречи с ним.

Этот инцидент частично проясняет ситуацию. Ведь Гитлер

постоянно подчеркивал, что Гели для него только племянница, которую он просто обязан оберегать. «Он любил ее, — утверждает Мориц, — но это была какая-то странная, скрытая любовь. Гитлер очень боялся признаться в чисто человеческих слабостях, к каковым он относил страсть».

«Да он к ней относился, как отец, — заявляет, напротив, Анни Винтер. — Он хотел, чтобы у нее все было хорошо. Гели была обычной легкомысленной девушкой, испытывавшей чуть ли не на каждом мужчине свое обаяние. Гитлер просто хотел уберечь ее от дурного влияния».

Как бы то ни было, но Гитлер уже не мог скрывать своих чувств. Его соратники с откровенным беспокойством следили за поведением своего «фюрера» и вспоминали его покойного друга поэта Дитриха Эккарта[11], в 1923 году написавшего стихотворение «Вождь должен быть всегда один». Они даже подыскали цитату из Гете с тем, чтобы она содержала намек на переменчивость настроения Гели. Она гласила: «Нужно научиться укрощать женщин».

Гитлер упорствовал, утверждая, что не имеет ни малейшего желания жениться. «Я не собираюсь усложнять себе жизнь. Ни с Гели, ни с кем-либо еще», — заявил он.

Напомним, Гели была его неродной племянницей и, хотя в браке с ней формально не было ничего противозаконного, Гитлер, отец и мать которого приходились друг другу родственниками, активно выступал против любых форм кровосмесительства. По словам его личного фотографа Гофмана, Гитлер заявил ему буквально следующее: «Я люблю ее, но я не верю в брак. Я оставляю за собой право находиться рядом и не спускать с нее глаз до тех пор, пока она не найдет себе мужа, отвечающего моим требованиям».

Таким образом. Гели Раубаль фактически стала пленницей своего дяди. Он, правда, был готов выполнить любое желание племянницы, но запретил ей выходить одной из дома. На улице она могла появляться только в сопровождении его приближенных или матери. Ни на танцы, ни в компанию Гитлер ее не отпускал. Если она выражала желание съездить покупаться на Хилзее или Кенигзее, Гитлер, преодолев отвращение к любому виду спорта и ужас, охватывавший его при одной только мысли о том, что его увидят в плавках, отправлялся вместе с ней. Одно время за ней присматривали члены партии, и госпожа Винтер была обязана сообщать Гитлеру, от кого Гели получает письма.

Любая девушка не стала бы мириться с навязанным ей образом жизни, напоминавшим заключение в золотую клетку. Гели также не стала исключением. Она неоднократно

высказывала свое недовольство, но Гитлер словно заворожил ее. Этот странный человек чем-то притягивал ее. Он как бы воздвиг между собой и женщинами невидимую стену, и Гели поставила перед собой цель пробить ее и завоевать его сердце.

«Гели любила Гитлера, — подтверждает Анни Винтер. — Она неотступно следовала за ним. Несомненно, она очень хотела стать «госпожой Гитлер». Он был, конечно, выгодным женихом, но ведь она флиртовала с кем ни попадя. Гели была очень легкомысленной».

Справедлива ли госпожа Винтер в своей оценке? Можем ли мы полагаться на нее? Ведь о других женщинах, окружавших Гитлера, она отзывалась столь же пренебрежительно.

Гели обожала флиртовать. Все, кто был свидетелем ее короткого платонического романа с Морицем, в один голос утверждают, что она вряд ли хранила бы верность Гитлеру. Сам Мориц позднее женился, у него появились дети. Он считает: брак с Гели не принес бы ему счастья. «Она утащила бы меня вслед за собой в пропасть». По его мнению, она, подобно любой женщине, оказавшейся рядом с Гитлером, не могла противиться его дьявольскому обаянию. «От него исходили какие-то флюиды, он как бы гипнотизировал их».

В письме к подруге Гели называет Гитлера загадочным существом, малейший поступок которого она воспринимает как событие воистину вагнеровского масштаба. Несомненно, его популярность также произвела на нее сильное впечатление. Ведь стоило Гитлеру войти, к примеру, в кафе «Хек», тут же раздавались приветственные крики и его окружали восторженные почитатели. Женщины же постоянно норовили поцеловать ему руки.

Настоящие ли чувства связывали их? Может, это просто любовная интрижка? Автор отвергает обе версии. Гитлер был слишком внутренне холоден и зациклен на себе и вряд ли способен за кем-либо ухаживать, а уж тем более за своей племянницей. Хотя он не прочь был затащить кого-нибудь себе в постель, но держать в своем доме любовницу Гитлер в то время точно не стал бы.

После самоубийства Гели Раубаль Гитлер перебрался к Грегору Штрауссеру и вел уединенный образ жизни. Он часто забывал о еде, почти ни с кем не разговаривал.

Держал Гитлер себя так, будто его мешком ударили, и очнулся он лишь затем, чтобы отправиться в Вену.

Хотя Гели покончила с собой, ее мать добилась от церкви разрешения похоронить дочь по католическому обряду. Ранее власти Австрии запретили Гитлеру въезд на ее территорию. Но в

данном случае было сделано исключение и ему. Поклявшийся вернуться в Вену только триумфатором, из любви к покойной племяннице Гитлер согласился претерпеть унижение и въехать в столицу Австрии просто как частное лицо. На кладбище он возложил огромный букет цветов к могиле Гели и в тот же вечер вернулся в Берхтесгаден.

Автору не удалось найти могилу Гели. К моменту включения Австрии в состав Третьего рейха она находилась прямо посередине кладбища. Австрийцы умеющие как никто другой приспосабливаться к меняющимся политическим обстоятельствам, с легкостью используют в этих целях даже могилы, чтобы избежать ответственности. Поэтому они перенесли захоронение в самый дальний угол кладбища. В управлении бургомистра Вены отрицали даже сам факт ее существования. Но кладбищенский сторож поддался в конце концов на уговоры и отвел автора к засыпанной бурой землей мраморной плите с надписью: «Здесь покоится наше любимое дитя Гели, наш солнечный лучик. Родилась 4.06.1908 — умерла 18.09.1931. Семья Раубаль».

Гитлер несколько лет очень тосковал по племяннице. В комнате Гели ничего нельзя было менять. Заходить в нее разрешалось только госпоже Винтер. «Гитлер приказал мне каждую неделю приносить туда свежие цветы», — вспоминала она.

Ежегодно на Рождество Гитлер приезжал в Мюнхен и запирался в бывшей комнате Гели. Никто не знал, чем он там занимался. Вероятно, просто размышлял о различных проблемах или с тоской вспоминал свою первую настоящую любовь. Этой привычке он оставался верен вплоть до начала войны. Когда в 1938 году возникла угроза военного конфликта с Чехословакией, он впервые составил завещание, в котором отвел целый абзац мебели и платьям Гели. Он написал: «Я запрещаю кому бы то ни стало прикасаться к ним. Пусть они останутся у ее матери».

Позднее вылепленный профессором Тораком бюст Гели установили в рейхсканцелярии. Президенту Германской Академии искусств профессору Адольфу Циглеру Гитлер заказал ее портрет, вывешенный затем в знаменитой Большой комнате в «Бергхофе». Вплоть до самых последних дней Третьего рейха перед ним всегда стояла ваза с цветами.

Руководство Национал-социалистической партии сделало все, чтобы помешать баварской полиции провести тщательное и объективное расследование смерти Гели. Ходили слухи, будто Рудольф Гесс не поверил в версию о самоубийстве и вбил себе в голову, что ночью в квартиру проник ревнивый соперник Гитлера

и застрелил Гели Раубаль. Другие говорили, что Гели ликвидировала группа эсэсовцев, так как якобы перепуганный Гитлер, боясь скандала, потребовал от беременной Гели сделать аборт. Она же, будучи католичкой, отказалась. Затем вновь пошли разговоры об акте отчаяния, совершенном опозоренной и обманутой девушкой. Кое-кто даже утверждал, что обезумевший от ревности Гитлер без ведома своего спутника тайно вернулся обратно и убил так и не сумевшую сохранить ему верность племянницу.

Вообще совершенно непонятно, почему двадцатитрехлетняя девушка вдруг решила покончить жизнь самоубийством. Но не следует забывать о небольшом, вроде бы незначительном инциденте, происшедшем в ту роковую пятницу вскоре после отъезда Гитлера.

«Перед тем как уйти к себе, Гели решила помочь мне прибраться в комнате ее дяди, — рассказывает госпожа Винтер. — На моих глазах она проверила карманы одного из его пиджаков и нашла письмо. Прочтя его, Гели разорвала этот голубой листок и бросила обрывки на маленький столик так, чтобы они сразу бросились в глаза дяде Адольфу».

Позднее госпожа Винтер разложила клочки по порядку. Насколько она помнит, написанное от руки письмо было следующего содержания: «Дорогой господин Гитлер! Еще раз благодарю за чудесный вечер. Я его не скоро забуду. Спектакль мне очень понравился. Я считаю дни до нашей следующей встречи. Ваша Ева».

Наверняка Гели Раубаль сразу догадалась, что письмо отправлено Евой Браун. Гели, вероятно, понимала, что у светловолосой соперницы есть одно неоспоримое преимущество — она на четыре года моложе ее. Разумеется, это еще не повод для самоубийства даже в день, когда в Мюнхене дует фён и многие впечатлительные натуры впадают в депрессию. Но, возможно, все объясняется гораздо проще. Видимо, Гели Раубаль поняла, что теряет власть над своим дядюшкой Ади и что она уже никогда не сможет заставить его жениться на ней. В противном случае разве он заинтересовался бы Евой Браун?

Девушка из хорошей семьи

Накануне 6 февраля 1912 года в трехкомнатной квартире преподавателя ремесленного училища Фрица Брауна в доме 45 на Изабеллаштрассе в Мюнхене царили беспокойство и напряженное ожидание.

Хозяин сидел за столом с незажженной трубкой в зубах и котом Реслем на коленях. Внешне он был совершенно спокоен и иногда даже, вынув изо рта трубку, наливал себе пива из наполовину уже опустошенного кувшина. Внутри у него, правда, все кипело от волнения, но уроженец Рейнской области давно стал по характеру настоящим баварцем и умел сохранять невозмутимость даже в самых сложных ситуациях. В этот день Фрица Брауна тоже, казалось, ничто не могло вывести из себя, хотя его теща, госпожа Кронбургер, супруга господина окружного ветеринара, строго-настрого запретила ему курить.

Двумя днями раньше у его жены Франциски начались первые родовые схватки. Фриц Браун немедленно вызвал повивальную бабку и врача, но его дородная, прямо-таки лучившаяся уверенностью теща сразу же заявила, что излишние заботы ни к чему.

— Нет никаких причин для беспокойства. Моя дочь Франциска только с виду такая хрупкая, а на самом деле она сильная, как лошадь. Вот увидите, она родит сына, и он станет доктором, как и его дед.

Правда, дед был просто ветеринаром сельского округа в Верхнем Пфальце. Однако по должности ему полагался роскошный мундир с вышитым на погонах королевским гербом.

Преподаватель ремесленного училища всей душой надеялся, что 6 февраля 1912 года жена наконец родит ему сына. Ведь три года назад у них в семье появилась дочь. Теперь он считал себя обязанным подарить своему королю будущего солдата. Фриц Браун даже имя ему придумал: Рудольф.

Назвать предполагаемого сына именно так его побудила опубликованная в эти дни одной из мюнхенских газет романтическая новелла под длинным названием «Трагическая история эрцгерцога Рудольфа и его возлюбленной баронессы Марии Ветсера, которые вместе ушли из жизни в замке Майерлинг».

Фриц Браун вновь развернул газету и долго смотрел заголовки новостей. Его не интересовало ни наделавшее столько шума воззвание английских интеллектуалов о «Вечном мире» — оно, впрочем, ничуть не помешало Италии продолжать вести

войну против Турции, — ни сообщение о запрете в великосветских салонах Лондона, Парижа и Берлина считающегося «неприличным» модного танца «Турецкая трусца». И уж тем более его совершенно не тронуло известие о внушительной победе социалистов над католической партией Центра на выборах в Баварский ландтаг. Полночь уже миновала, когда он, тяжело вздохнув, с недовольным видом небрежно отбросил газету и устало подпер лоб рукой.

Ребенок появился на свет лишь около трех часов ночи. День был такой же унылый, как и все предыдущие. За окном непрестанно моросил мелкий дождь. Так во всяком случае отмечала тогда газета «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен». Фриц Браун осторожно взял ребенка на руки и покачал головой — опять девочка. Проснулась трехлетняя Ильзе и сразу же пообещала всю жизнь заботиться о младшей сестренке.

Фриц Браун был не только разочарован, но и сильно встревожен. В семье его жены испокон веков рождались только дочери. У самой Франциски было три сестры. А что, если она так и не подарит ему сына? Фриц Браун помотал головой, отгоняя мрачные мысли, и, чувствуя, что сегодня уже не заснет, дрожащей рукой принялся составлять список родственников, которых надлежало известить об очередном пополнении рода Браунов.

Позднее кое-кто утверждал, что это вовсе не настоящая фамилия Евы. Дескать, она, желая угодить Гитлеру, взяла псевдоним, прямо ассоциирующийся с такими понятиями, как «коричневые рубашки» и «Коричневый дом»[12]. Автор опросил множество лиц из ближайшего окружения Гитлера, от корки до корки прочел «Майн Кампф», но так и не нашел логического объяснения выбора именно этого цвета. Сама же идея одеть членов своей партии в одинаковую униформу принадлежит Муссолини.

«Возможно, — полагает по-прежнему красивая бывшая секретарша Гитлера Герда Христиан, — фюрер выбрал коричневый цвет потому, что все остальные уже стали символами различных политических течений. Потом он не такой маркий и очень подходит людям, вынужденным целыми днями маршировать или падать на землю, чтобы избежать столкновения с полицией».

Делалось для журналистов в Берлине и официальное объявление, согласно которому коричневый цвет выбрали потому, что он символизировал собой цвет исконно немецкой земли.

Как бы то ни было, не подлежит сомнению, Браун — настоящая фамилия Евы.

Основатель их рода, член городского Совета Туттлингена и

владелец трактира «Под солнцем» Каспар Браун, родился в июне 1617 года. Считается, что он взял себе эту фамилию, так как входил в гильдию, члены которой были обязаны носить коричневую одежду. Один из его потомков, чьи заслуги перед отечеством, похоже, сводились к содержанию четырех любовниц, в 1790 году получил дворянский титул и право ставить перед фамилией частицу «фон». Знаменитый создатель обрушившихся на Лондон в годы Второй мировой войны Фау-1 и Фау-2 состоял с ним в отдельном родстве. Напомним, что после поражения Германии Вернер фон Браун имел прямое отношение к запуску американских космических кораблей.

Фриц Браун никак не мог выбрать для новорожденной подходящее имя. Он исповедовал лютеранство и, вступая в брак, обещал крестить детей по католическому обряду. Иначе родители Франциски никогда бы не дали согласия на церковное бракосочетание. Имя первой дочери Фриц выбрал сам и теперь тоже решил настоять на своем и дать второй дочери имя Ева, которое, как известно, символизировало вечно женственное. К сожалению, он забыл заглянуть в церковный календарь своей жены. Ведь Ева — имя каноническое. Впоследствии дочь неоднократно попрекала отца тем, что по его вине она была вынуждена справлять именины накануне Рождества.

Царившая в семье Браунов атмосфера полностью соответствовала традиционным бюргерским представлениям о счастливом браке. Правда, при скромном жалованье преподавателя ремесленного училища ни о каких излишествах не могло идти речи. После рождения второй дочери Фриц Браун был вынужден еще больше ограничить свои потребности, но семья его по-прежнему не испытывала ни в чем недостатка.

Его жена, Франциска Катарина Кронбургер, сокращенно Фанни, до замужества много занималась спортом и в 1905 году даже выиграла соревнования по лыжам. Этот вид спорта отличался тогда повышенным травматизмом, но зато считался передовым. Она великолепно плавала, как-то даже спасла утопающего и попала на страницы газет. Фанни обладала также яркой внешностью. Она прекрасно сохранилась, у нее были утонченные черты лица, и с трудом верилось, что перед тобой женщина 1885 года рождения[13].

Отец отправил ее в Мюнхен осваивать профессию. На прощание он сказал: «Если уж Фанни любит хорошо одеваться, пусть научится шить себе платья сама». В столице Баварии девушка устроилась на работу в модное ателье и поселилась у своих сестер.

«Через две недели, — вспоминает Франциска Браун, —

сестры предложили отметить мое восемнадцатилетие в кафе «Петерсхоф», расположенном прямо напротив ратуши. Там молодой человек пригласил меня на танец. Мы немного поболтали и, к моему удивлению, выяснилось, что он тоже увлекается лыжами. Он немедленно пригласил меня в воскресенье за город.

Через неделю неожиданно приехал чем-то очень недовольный отец, вытащил из кармана исписанный листок бумаги и раздраженно заявил: «Какой-то Браун просит руки моей дочери. Что все это значит?»

Мы недоуменно переглянулись. Слово «замужество» в те времена звучало для девушек как заклинание. Оно означало достижение совершеннолетия и открывало двери в неведомый мир, говорить о котором можно было только шепотом. Но, самое главное, оно давало право называться «милостивой государыней».

Завидев мое смущение, отец неожиданно сказал: «Я согласен, а ты, Фанни?»

Это был чисто риторический вопрос. Ничье мнение, кроме своего собственного, отца не интересовало, и я бы никогда не осмелилась ему возражать. Но ради соблюдения правил приличия мне пришлось немедленно вернуться домой. Фриц приезжал каждое воскресенье и очень трогательно ухаживал за мной. 27 июля 1908 года мы поженились. На мне было подвенечное платье моей бабушки. Я так хотела, чтобы его потом надела Ева».

Они прожили вместе пятьдесят четыре года. Фриц Браун скончался 22 января 1964 года в Рурпольдинге. Его вдова осталась там, чтобы ухаживать за могилой мужа.

«Мы даже никогда по-настоящему не спорили, а ведь на нашу долю выпали две мировые войны, две инфляции, финансовые кризисы. Я уже не говорю, какими страшными были годы после разгрома Германии в сорок пятом» — так закончила свои воспоминания Франциска Браун.

Эффи — так иногда сокращенно называли Еву — внешне очень походила на мать. Такие же светлые волосы и пухлые щеки. Ее улыбка будто ярким светом озаряла квартиру. Ее гороскоп постоянно обещал ей ожидание хороших новостей. В действительности же судьба Евы и ее сестер целиком зависела от желаний родителей. «Ева должна стать портнихой в модном салоне в Берлине близ Кайзеровского замка», — твердо заявил Фриц Браун.

Однако развязанная владельцем этого замка в 1914 году война перепутала все семейные планы, и лейтенант Фриц Браун отправился воевать во Фландрию. Автор приложил немало усилий, чтобы выяснить, не встречался ли он на фронте с

Адольфом Гитлером, который также сражался в Бельгии, а разница в возрасте у них составляла всего десять лет. Но все его усилия выяснить это оказались совершенно напрасными.

Госпожа Браун и три ее дочери — самая младшая Маргарет, или просто Гретль, — как и большинство немцев, терпели нужду и лишения. Мать шила солдатскую форму и абажуры для настольных ламп. Она была вынуждена уволить горничную и сдать одну из комнат. Старшая дочь Ильзе присматривала за сестрами, играла с ними в куклы и даже устраивала домашние спектакли, в которых Ева изображала прекрасную принцессу. Роль принца обычно отводилась коту.

Франциске Браун часто приходилось выпрашивать возле кафе и пивных куски хлеба. Иногда сестры находили дома немного масла. Как-то, услышав стенания Ильзе и Гретль, Ева сказала: «Подержи свой ломоть на свету, если блеснет, значит, на нем еще осталось чуть-чуть масла». Эти слова стали чем-то вроде семейного девиза. Зачастую Ева произносила их даже в «Бергхофе», и Гитлер всякий раз хвалил ее за находчивость и наблюдательность.

В школьном возрасте Еву отослали к родителям матери, чтобы те отдали ее на обучение в близлежащий монастырь. Тамошние монахини до сих пор помнят, что Ева была «очень прожорливой» и постоянно доедала за другими их десерт.

В народную школу Ева пошла только после возвращения с войны отца. Один из ее учителей вспоминает: «Совершенно дикий ребенок, на уроках вечно отвлекалась, никогда не делала домашних заданий и очень любила спорт. Все остальное ее совершенно не интересовало. Но с головой у нее было все в порядке, и мы все думали, что в жизни она найдет себе достойное место».

Ева была очень капризной. Однажды мать так разозлилась на нее, что окунула головой в таз с холодной водой, это не помогло. За прогулы Еве порой доставалось от отца, но даже телесные наказания на нее не действовали, Сестры до сих пор помнят, как она, стоя на коленях, одной рукой писала сочинение по английскому языку, а другой — неторопливо причесывалась.

Если Ева опасалась, что за проделки ее строго накажут или заставят есть ненавистное пюре из брюквы или овсяную кашу, она сразу делала вид, будто у нее желудочный спазм. Получалось у нее это настолько мастерски, что в конце концов она сама поверила в собственные страдания и впоследствии постоянно жаловалась на больной желудок. На самом деле Ева отличалась необычайно крепким здоровьем и никогда не страдала ни от каких недугов.

в 1925 году доходы Браунов значительно увеличились, и они переехали в просторную квартиру, расположенную на третьем этаже дома 93 на Гогенцоллернштрассе. Теперь семья снова могла позволить себе нанять горничную и принимать гостей.

Девочки брали уроки рисования и музыки, учились танцевать, посещали лицей на Тенгштрассе. Они выросли и начали проявлять интерес к молодым людям. Вскоре их дом, по ассоциации с одной из оперетт Франца Шуберта, стали называть «Домом трех девушек».

Ильзе очень любила танцевать, и ей хотелось устраивать в доме танцевальные вечера. Но молодые люди, как правило, отдавали предпочтение разыгрываемым Евой домашним спектаклям. Звучала записанная на пластинках старинная и современная музыка, извлеченные из кладовой старые платья превращались в роскошные одеяния. Вместо платы за вход гости приносили с собой «Бразильянца» — пирожное с шоколадным кремом. «Она всегда была сладкоежкой, — подтверждает друг детства Евы Ганс, ныне директор сталелитейного завода в одном из западных районов Германии. Под его фотографией в альбоме Евы ее рукой написано «Мой первый флирт».

«Многие парни были без ума от Евы, но она не обращала на них внимания, — говорит ее другой друг детства, ставший теперь владельцем авторемонтной мастерской на Гогенцоллернплац. — Здесь на площади мы всегда играли в лапту. Ева носилась как угорелая и с дикими криками каталась по земле. Мать, выйдя вечером на балкон, чтобы позвать Еву ужинать, с трудом узнавала ее. Ева и флирт? Едва ли. Она стремилась побеждать нас на спортивном поприще. У нее был совершенно неистощимый запас шуток и проказ. А если говорить о внешности, на мой вкус, она была излишне полновата. Ганс рассказывает: «Как-то мы решили опробовать мой новый мотоцикл. Мы — это наша общая приятельница Инге Шроп, Ева, ее подруга Герда и я. Внезапно — я как раз увлекся разговором и пропустил момент — эта сумасшедшая Ева завела мотор и скрылась за углом. А ведь она вообще не умела водить! Слава Богу, ничего не случилось, она вернулась целой и невредимой и спокойно так заявила: «Нет, мотоцикл — это не для меня. Мне больше по душе шикарные автомобили». Такие выходки были вообще в ее стиле».

В хранящемся в архиве лицея аттестате зрелости Евы много хороших оценок. «Разумеется, она самый настоящий «enfant terrible»[14], и ни одна выходка в классе без неё не обходилась. Она была довольно смышленой и быстро схватывала самое главное, — рассказывает ее учительница фрейлейн Хайденхаберг. — Если от нее требовали вести себя спокойно, она

садилась читать Карла Мая. Любовные истории ее вообще не интересовали, но один из учителей привил ей любовь к прозе Оскара Уайльда». Даже в Оберзальцберге Ева не расставалась с переплетенным в тонкую кожу томом, хотя, по настоянию Гитлера, сочинения этого писателя и драматурга были запрещены в Германии.

Ева обожала джаз и американские мюзиклы. Ее любимым актером был Джон Гилберт. Она также восхищалась исполнительницей главной роли в фильме «Метрополис» Бригитой Хелм, так как, по словам отца, немного походила на нее.

В 1928 году мало кто думал, что в Германии вскоре воцарятся нищета и безработица. Тем не менее девушки из богатых семей уже тогда стремились научиться сами зарабатывать себе на хлеб.

Брауны взяли за правило отправлять дочерей на время в монастырские пансионаты для совершенствования знаний. Монахини католического ордена «Английские девушки» снискали репутацию опытных воспитательниц тех дочерей бюргеров, которые хотели бы заодно брать уроки хороших манер и освоить какую-либо профессию.

Монастырский пансионат располагался на берегу реки Инн, прямо на границе с Австрией, у въезда в небольшой городок Зимбах. Еве пришлось там очень нелегко. Ее раздражали как сами монахини, так и установленная ими дисциплина. Обучение в пансионате продолжалось обычно два года, но Ева не собиралась оставаться в нем так долго. Она даже пригрозила матери, что убежит и отправится искать счастья в Вену или в Берлин.

В пансионате сохранился классный журнал с фамилией Евы. По словам сестры Марии-Магдалины, она была «очень честолюбивой, сообразительной, обладала приятным голосом и играла в спектаклях. Подруг у нее здесь не было. Церковную службу она никогда не пропускала.

Обряд конфирмации Ева прошла еще в Мюнхене. Позднее семья пышно отпраздновала ее приобщение к Святым таинствам. Ни у кого из проживавших в ее квартале девочек не было такого красивого белого платья. Кроме того, дедушка подарил Еве изящные наручные часы. В монастыре она, как и положено, исповедовалась два раза в неделю и принадлежала к числу немногих избранных «детей Марии», которым разрешалось украшать алтарь.

Перед встречей с настоятельницей — за это время здание обросло многочисленными пристройками, а в пансионате училось уже четыреста девушек — автор всерьез опасался, что монахини откажутся отвечать на его вопросы и вообще не станут говорить о

своей «печально знаменитой» бывшей ученице. Но все произошло с точностью до наоборот. Они буквально засыпали его вопросами: «Он действительно любил ее? Она на самом деле погибла?»

В сущности, у монахинь не было никаких оснований быть благодарными бывшей выпускнице своего пансионата. «Когда нацисты в 1940 году хотели отобрать у нас монастырь и открыть на его территории курсы по подготовке пропагандистов, — рассказала настоятельница, — я твердо решила сделать все, чтобы отвратить от нас беду. Случайно я узнала, что Ева Браун в Берхтесгадене, и с неимоверным трудом дозвонилась до нее. Она выслушала меня и холодно сказала: «Ну хорошо, я поговорю с партайгеноссе Борманом[15]. Он как раз у меня в салоне. — Она отложила трубку, я услышала обрывки фраз, раскатистый мужской и звонкий женский смех. Затем она снова взяла трубку и с утешительными нотками в голосе сказала: — Ни о чем не волнуйтесь. Я лично прослежу, чтобы все было в порядке». Однако через несколько недель нас выселили из монастыря. Вернулись мы туда только после прихода союзников».

На вопрос, испытывают ли монахини чувство стыда или хотя бы угрызения совести из-за того, что одна из их учениц попала в зависимость от самого настоящего чудовища, настоятельница Тереза Непорочная с грустью ответила: «Неужели вы думаете, что мы настолько наивны и верим, будто за два пфеннига можно спасти душу? Мы молимся, терпим лишения и знаем, что наши девушки, такие с виду чистые и невинные, за воротами монастыря превращаются в самых настоящих «Манон Леско», готовых тут же за углом броситься на шею первому же попавшемуся «кавалеру де Грие».

Ева Браун покинула монастырь в конце июля 1929 года. С гордым видом стояла она на перроне небольшого вокзала в Зимбахе. Хлопчатобумажное платье казалось слишком тесным для ее заметно округлившихся бедер, юбка уже не прикрывала колени, шерстяные чулки туго обтягивали красивые, чуть полноватые ноги. Шляпа с широкими полями только подчеркивала излишнюю припухлость щек. За время учебы в пансионате она сильно поправилась. Семнадцатилетняя девушка с аттестатом зрелости в сумочке и без всякого жизненного опыта, еще ни разу не целованная, ждала отправления поезда на Мюнхен.

Первая встреча

Держа в руке газету с обведенными красными чернилами в разделе объявлений двумя абзацами, Ева Браун остановилась перед домом 50 на Шеллингштрассе. (В современном Мюнхене зачастую забывают об историческом значении этой ныне выглядящей чересчур буржуазно улицы, расположенной в богемном квартале Швабинге.)

Семнадцатилетняя претендентка на вакантную должность только четыре месяца назад покинула монастырские стены. Она не знала, что за порогом серого, ничем не примечательного дома ее ожидает встреча с судьбой. Она мельком взглянула на примыкавший к массивному строению садик, где по неизвестной причине вдруг пышно разросся каштан, и нажала на ручку двери.

За эти месяцы она очень сильно изменилась внешне. Грудь, правда, по-прежнему была несколько плосковата, что не вполне отвечало вкусам баварцев. Ева начала подкрашивать красной помадой губы и обильно пудрить щеки. Клетчатое летнее пальто и школьную папочку она со спокойной душой отнесла в кладовую, распустила косы, и длинные волосы волной ниспадали на плечи. Позднее она решила их немного подстричь, чтобы выглядеть более взрослой. Ева носила теперь зеленый жакет и шапочку такого же цвета, придававшую ее лицу несколько шаловливое выражение. Коричневая сумка не очень сочеталась по цвету с одеждой, и Ева оставляла ее теперь дома. (Желание добиться абсолютной цветовой гармонии не покидало Еву до конца жизни. Она скорее вышла бы на улицу босиком, чем надела туфли неподходящего цвета.)

Столь быстрой метаморфозе она в значительной степени была обязана Ильзе. В первые дни после своего возвращения из монастыря Ева с нескрываемым удивлением смотрела, как старшая сестра красится и приводит себя в порядок. «Фу! — громко возмутилась она. — Как ты можешь так пачкать лицо!» Позднее она выяснила, что Ильзе носит шелковое белье, и прочитала ей целую лекцию, повторив буквально все то, что ей вдолбили в голову монахини.

Но однажды она сама начала вертеться перед зеркалом и как-то даже, приняв ванну, смерила талию и объем бедер у Ильзе, затем сравнила ее параметры со своими и твердо решила похудеть.

Ильзе восемь лет работала секретаршей у врача Мартина Леви Маркса, еврея по национальности, до тех пор, пока он не эмигрировал в США (он и в послевоенные годы жил в

окрестностях Нью-Йорка). Естественно, Ева также захотела устроиться на работу в частную клинику. Ей повезло, ее взял к себе доктор Гюнтер Гофман, от которого она ушла через два месяца. Еве очень не понравилось сидеть в белом халате в приемной. К тому же ее страшно раздражали бесконечные вопросы пациентов, а на кровь и гноящиеся раны она вообще смотреть не могла. (Тем не менее позднее она сумела убедить Гитлера в том, что хорошо разбирается в медицине, и фюрер очень серьезно отнесся к ее словам.) На другом месте Ева сразу же возненавидела пишущую машинку, на которой была вынуждена постоянно печатать. Разумеется, оттуда ей также пришлось уйти.

Тем временем Фриц Браун получил большое наследство и мог позволить себе не только отложить деньги на приданое дочерям, но и купить малолитражный «БМВ», считавшийся тогда предметом роскоши. Еве уже не нужно было зарабатывать на хлеб, но она во всеуслышание заявила, что намерена жить на свое жалованье и ходить, куда хочет. Ведь Фриц Браун обращался с дочерьми так же сурово, как и со своими учениками, и тщательно проверял круг их знакомых. Он постоянно спрашивал, куда они идут, во сколько вернутся и, не таясь, подслушивал телефонные разговоры. Более того, ровно в десять часов вечера он отключал в квартире электроэнергию, и девушки были вынуждены купить себе карманные фонарики, чтобы читать по ночам в постели под одеялом.

Разбогатев, Фриц Браун даже не подумал давать дочерям деньги на карманные расходы. Из-за этого они иногда оказывались в неловком положении. Однажды Ильзе познакомилась с молодым человеком и решила сходить куда-нибудь вместе с ним и Евой. Напомню, Ильзе не просто самозабвенно любила танцевать, она завоевала первое место на Европейском конкурсе любителей бальных танцев. Они доехали на трамвае до отеля «Регина». Входной билет стоил две с половиной марки, у Евы с собой не нашлось даже мелочи. От стыда ее лицо покрылось красными пятнами. Приятель Ильзе улыбнулся и заплатил за нее. Однако Еве было настолько неловко, что вскоре она с плачем убежала домой. И поклялась пойти работать, чтобы не зависеть от отца и не чувствовать себя больше униженной.

Теперь она стояла возле подъезда с табличкой «Фотоателье Генриха Гофмана. Изготовление художественных фотографий».

Ева ничего не знала ни о тесных связях своего будущего шефа с руководством Национал-социалистической партии, ни о том, что ее официальный орган «Фелькишер Беобахтер» находился

совсем рядом, и его сотрудники ежедневно собирались в расположенном поблизости ресторане «Остерия-Бавария». Тем более ей было совершенно невдомек, что вместе с ними туда частенько захаживал Адольф Гитлер.

Тогда фамилия владельца небольшого фотоателье на Шеллингштрассе почти ничего никому не говорила. Доходы его были довольно невелики. Зато после прихода нацистов к власти выяснилось, что Генрих Гофман поступил весьма разумно, наладив близкие отношения с их руководителями. Его расчет полностью оправдался. Гофман стал «имперским фотокорреспондентом НСДАП» и, соответственно, мультимиллионером.

Германия переживала экономический спад. Профессия фоторепортера не считалась тогда престижной, а редакторы иллюстрированных изданий еще не догадывались, какой мощный взлет тиражей ожидает их. Добродушный толстяк Гофман, слывший большим любителем поесть и выпить, всегда веселый и жизнерадостный, начинал свою карьеру отнюдь не с нуля. Он был фотографом во втором поколении и дебютировал в этом качестве при дворе короля Баварии. Часто, крепко выпив, он хвастался, что снимал многих знаменитостей, в том числе английского короля Эдуарда VII и Карузо. Одна из его фотографий кайзера даже вызвала политический скандал.

С Гитлером Гофман познакомился через два года после того, как тайно вступил в НСДАП и получил членский билет за номером 427. Некое не слишком известное фотоагентство заказало ему множество фотографий будущего диктатора в различных позах. Но Гитлер, подобно Грете Гарбо, наотрез отказывался сниматься, всерьез полагая, что завеса секретности в гораздо большей степени привлечет к нему внимание широких масс. Сперва казалось, что Гофману не удастся заставить его изменить свое мнение. Однако вскоре они, к удивлению многих, подружились, так как весельчак Гофман превосходно умел поднимать настроение и в его присутствии Гитлер забывал о повседневных тяготах и заботах.

Гитлер не любил посвящать приближенных в свою личную жизнь. Но Гофман же формально не занимал никаких партийных постов и никогда не выходил за рамки отведенной ему роли доверенного лица. Следует отметить, что в окружении Гитлера у каждого, включая его возлюбленную и собаку, была своя четко определенная функция.

После поражения Германии Гофман горько жаловался на жестокое обращение с ним офицеров и солдат союзных войск и называл себя «жертвой дружбы с Гитлером». Какое лицемерие!

Ведь этого человека следовало называть «Господин чего изволите». Именно он обладал монопольным правом на фотографирование Гитлера и сумел заработать миллионы. Наверное, он вообще греб бы деньги лопатой, если бы не интриги начальника партийной канцелярии Мартина Бормана. Тем не менее ему удалось убедить американцев вернуть ему большую коллекцию фотографий.

Именно активной деятельностью Гофмана в значительной степени объясняется огромная популярность Гитлера. Именно он превратил фотографию в чрезвычайно эффективное средство политической борьбы. Впервые в этих целях ее использовали в США и затем в значительно более широких масштабах в фашистской Италии. В Германии все это было в новинку, и до сих пор солидные немецкие и швейцарские газеты редко публикуют фотографии на первых полосах. Таким образом, Гофман, поставив изготовление фотографий Гитлера на поток и постоянно оказывая ему моральную поддержку, сыграл в недолгой истории Третьего рейха роль, которую ни в коем случае нельзя недооценивать. Он был человеком весьма практичным и слишком любил материальные блага, чтобы не извлечь для себя пользу из дружеских отношений с фюрером.

Формально Еву взяли в фотоателье на должность бухгалтера, тем более, что в монастырском пансионате она изучала основы бухгалтерского дела. Однако дочь ее шефа Генриэтта утверждает — явно из ревности, — что основным занятием будущей соперницы была продажа фотопленки. На самом деле Еве приходилось заниматься всем понемногу, поскольку под началом Гофмана трудилось немного людей. Она продавала фотопленку, писала письма, выписывала счета и помогала проявлять снимки, что доставляло ей удовольствие.

Генрих Гофман хорошо знал, какой тип женщин нравится Гитлеру — молоденькие, хорошенькие, невинные девушки, — и подбирал соответствующий женский персонал.

Сперва, правда, он попытался подсунуть Гитлеру свою дочь. Она родилась 3 февраля 1912 года, то есть была на три дня старше Евы. Генриэтта — или Генни — обладала изящной, но чересчур худощавой фигурой. В своих мемуарах она утверждает, что ее мать работала певицей в кабаре, и поэтому в их семье царила «творческо-богемная атмосфера». Сама Генриэтта сперва позировала отцу, а затем снялась в нескольких быстро сошедших с экрана и тут же забытых фильмах. Вот как она описывает одну из своих встреч с Гитлером:

«Он часто приходил к нам ужинать. Выглядел он весьма внушительно — черное кожаное пальто до пят, на руке плеть, у

подъезда «мерседес» с шофером. После ужина Гитлер — тогда мы еще называли его «господин Гитлер» — садился за рояль и играл произведения Вагнера и Верди. «Узнаешь лейтмотив «Власти и судьбы»?» Он говорил мне «ты», так как мне было семнадцать, а ему за сорок. Затем он обычно уезжал вместе с отцом. Я оставалась одна. Однажды, вскоре после их ухода, раздался звонок, я открыла дверь и увидела, что он стоит на пороге. «Я забыл плеть». Гитлер считал ее своим талисманом. Он забрал ее, но продолжал стоять на разостланном посреди прихожей красном ковре, держа в другой руке широкополую шляпу. Внезапно, к моему глубокому удивлению, он очень серьезно спросил: «Хотите меня поцеловать?» Впервые он обратился ко мне на «вы». Он вплотную подошел ко мне, но я твердо сказала: «Нет!» Тогда он резко повернулся и захлопнул за собой дверь. Позднее я рассказала о случившемся отцу, а он лишь рассмеялся мне прямо в лицо: «Ты все это выдумала, дурочка…»

Трудно понять, что же в действительности произошло. Возможно, Генрих Гофман прав, и данный случай не более чем плод фантазии его дочери, решившей доказать всему миру, что при желании она могла бы занять место «простушки, работавшей у моего отца за нищенскую плату». Не исключено, однако, что Генриэтта позволила себя поцеловать, но потом чем-то разочаровала Гитлера. Ведь была не совсем в его вкусе.

И все-таки благодаря Гитлеру Гофман как нельзя лучше устроил личную жизнь дочери. Она стала женой спешно вернувшегося из США Бальдура фон Шираха, который, в свою очередь, возвел ее в ранг «вице-королевы Австрии». Отныне если она не спала в постели Габсбургов, не прогуливалась в садах, окруживших Бельведер или дворец, отнятый ее мужем у Ротшильдов, то вполне могла наслаждаться жизнью в собственном роскошном замке. Ведь Бальдур происходил не только из дворянского рода, но еще был и миллионером. Впоследствии Генни, наверное, горько пожалела, что развелась с ним, так как, выйдя на свободу, он получил в наследство от бабушки с материнской стороны солидный пакет акций, высоко котирующихся на Уолл-Стрите.

Мать Шираха — уроженка Нью-Йорка, Эмма Мидлтон Луна-Тиллоу — после начала войны осталась в Германии и в 1944 году сгорела заживо, когда объятый пламенем самолет, пилотируемый ее земляком, рухнул прямо на ее дом в Висбадене.

В первые три недели Еве так и не представился случай увидеть Гитлера. В политике она совершенно не разбиралась: в монастыре любые разговоры о ней были строго запрещены. С другими девушками, работавшими в фотоателье, она

предпочитала обсуждать новые платья и фильмы, не обращая никакого внимания на людей, приходивших фотографироваться к ее шефу.

Между тем среди них попадались весьма любопытные персонажи, с которыми Еве впоследствии пришлось часто общаться. Так, чопорного человека в пенсне, похожего на типичного чиновника средней руки, звали Генрих Гиммлер[16]. Будущий рейхсфюрер СС занимался тогда разведением кроликов. Нельзя не сказать и о седовласом прибалтийском немце Альфреде Розенберге[17], постоянно носившем подмышкой папку, или управляющем имением в вечно грязных сапогах Мартине Бормане. Многие вели себя довольно странно. Рудольф Гесс всякий раз заходил в аптеку напротив и покупал какой-нибудь широко разрекламированный лекарственный препарат для продления жизни, а Юлиус Штрейхер[18] гордо вскидывал голову так, чтобы девушки испуганно вздрагивали при виде висящей у него на шее, словно на виселице, деревянной фигурки раввина.

Однажды в начале октября в фотоателье появился Адольф Гитлер. Ева так рассказала эту историю своей сестре:

«После работы я решила еще немного посидеть и привести в порядок бумаги. Только я залезла на лестницу, чтобы снять со шкафа папку, как вошел шеф, а с ним какой-то мужчина с дурацкими усиками, в светлом английском пальто и с широкополой фетровой шляпой в руке. Они сели напротив в углу, и я заметила, что мужчина пристально смотрит на мои ноги.

В тот день я надела юбку покороче и очень боялась, что неправильно нашила на нее кайму. Ты же знаешь, я очень не люблю обращаться за помощью к маме. Я слезла с лестницы, и Гофман тут же представил меня: «Это господин Вольф, а это наша очаровательная фрейлейн Браун». Помолчал немного и попросил: «Будь любезна, сходи на угол, принеси нам пива и печеночного паштета».

Еву в монастыре приучили говорить только правду, и поэтому ей даже в голову не могло прийти, что просьба шефа — всего лишь предлог. Просто Гофман сразу заметил, какое внимание произвела на Гитлера его сотрудница.

Вот как, по словам Евы, закончилась их первая встреча:

«Я страшно проголодалась, быстро съела бутерброд с паштетом и из вежливости выпила немного пива. Знакомый шефа буквально пожирал меня глазами и непрерывно говорил комплименты. Мы побеседовали о музыке и обсудили последний спектакль в Государственном театре. Было уже довольно поздно, и я собралась уходить. Он предложил подвезти меня на своем «мерседесе», но я отказалась. Представляешь, какое лицо было бы

у папы! Перед уходом Гофман отвел меня в сторону и спросил: «Неужели ты не догадалась, кто такой господин Вольф? Разве ты никогда не видела у нас его фотографии?» Я смущенно покачала головой. «Да это же Гитлер, наш Адольф Гитлер». «Вот как…» — пробормотала я».

Придя домой, Ева сделала вид, что опять страдает от желудочных спазмов, и не стала ужинать. Она уже села на диету и сейчас решила, что бутерброда с печеночным паштетом и нескольких глотков пива ей на сегодня вполне достаточно. Ева выпила полстакана чая и внезапно прервала мирную беседу за столом вопросом:

— Папа, а кто такой Гитлер?

— Гитлер? Это молокосос, у которого хватает наглости утверждать, будто он знает все на свете, — с презрением отозвался Фриц Браун.

Вновь о Гитлере в семье Браунов заговорили только через два года.

«…для любви я содержу девушку в Мюнхене»

На следующий день после своей случайной встречи с Гитлером Ева изменила привычке и не пошла обедать. На протяжении всего обеденного перерыва она пристально рассматривала фотографии фюрера НСДАП, пытаясь получить представление о нем.

К этому времени у Гофмана уже хранилось множество фотоизображений будущего диктатора; «Гитлер в партийной униформе», «Гитлер в окружении штурмовиков», «Гитлер посреди ликующей толпы», «Гитлер на фоне знамен со свастикой». На фотографиях он резко отличался от худосочного человека, накануне вместе с шефом пришедшего к ним в фотоателье. Военная форма или по крайней мере военизированная одежда тогда очень привлекали женщин. Видимо, поэтому Ева заинтересовалась новым знакомым.

Но жидкие, словно приклеенные усики, ниспадавшая на лоб зализанная прядь волос, неестественно бледное лицо со впалыми щеками? Неужели семнадцатилетней, неиспорченной девушке с хорошим вкусом оно не показалось смешным или по меньшей мере каким-то странным?

За ответом на этот вопрос, наверное, нужно обратиться к психологам или специалистам по физиономистике, хотя я лично сомневаюсь в их способности найти происшедшему логическое объяснение. Почему, к примеру, молодые девушки просто боготворят французского актера Жана-Поля Бельмондо и считают неотразимыми музыкантов группы «Битлз»?

Почему во всех китайских деревнях развешаны портреты председателя Мао? И почему, наконец, столько женщин в Голливуде были влюблены в Чарли Чаплина?

Однако если вспомнить, как выглядели тогда сверстники Гитлера одинакового с ним социального статуса с их отвислыми животиками, лысинами и бородами, то невольно приходишь к выводу, что внешне Гитлер выглядел не хуже их.

Презрительное же высказывание отца только пробудило в Еве дух противоречия. Она принялась расспрашивать Гофмана и знакомых из его окружения и вскоре узнала много нового о различных аспектах такого политического течения, как национал-социализм. Правда, она так и не вступила в НСДАП. Уже была сказано, Ева ничего не понимала в политике. В людях же она еще не научилась разбираться, была слишком молодой и наивной, и

собеседники с легкостью убедили ее в том, что Гитлер — великий человек и истинный патриот, которому суждено спасти Германию.

В конце 1929 года НСДАП переживала второе рождение, став мощным фактором в политической жизни Германии. Если еще совсем недавно партии предрекали скорый распад, то теперь в обществе все чаще раздавались голоса в ее поддержку. Многие начали задумываться над высказываниями Гитлера и поражаться его политическому чутью, в конце концов разве не он предсказал мировой экономический кризис с катастрофическими последствиями для Германии? И разве стремительное падение акций на нью-йоркской бирже не подтвердило его правоту? По случайному совпадению именно после первой встречи с Евой Браун пресса и радио стали уделять Гитлеру особое внимание. О нем писали, говорили с восторгом, озабоченностью и ненавистью. Но он уже никого не оставлял равнодушным, и ни одно политическое событие не обходилось теперь без участия Гитлера и его партии. Еве Браун стало ясно, что ею заинтересовался не просто мужчина, но «выдающаяся личность».

«Переломные годы» — так руководитель пропагандистского аппарата НСДАП Йозеф Геббельс[19] назвал период, непосредственно предшествовавший взятию власти нацистами. У Гитлера почти не оставалось времени для посещения своего приятеля Генриха Гофмана. Он целыми днями разъезжал по стране и выступал на партийных митингах. Число их участников постоянно росло.

Но, приезжая хоть ненадолго в Мюнхен, он всякий раз непременно спрашивал: «Как поживает малышка Ева Браун, с которой нам всем так весело и хорошо?» Приходя в дом на Шеллингштрассе, он тут же начинал изображать из себя кавалера старых времен, с низким поклоном целовал Еве руку и называл ее «моя прекрасная нимфа». Гитлер всегда дарил ей конфеты и цветы, и Ева сохранила на память первую подаренную им желтую орхидею. В одном из обнаруженных автором фотоальбомов лежало несколько засохших листков. Гофман поначалу не придавал никакого значения этим знакам внимания. Ведь Гитлер всегда был подчеркнуто вежлив с женским персоналом его фотоателье, раздавал направо и налево букеты цветов и рассыпал комплименты.

В 1930 году Ева Браун пока еще воспринимала Гитлера просто как известного политического деятеля, почему-то иногда демонстративно ухаживавшего за ней. Она по-прежнему с удовольствием ходила на танцы. Обычно компанию ей составляли друзья детства или единственная дочь Гофмана Генриэтта,

которую она вскоре по-свойски стала называть Генни. Зимой Ева бегала на лыжах, летом плавала и постоянно занималась гимнастикой. Особенно ей удавались упражнения на брусьях. Хотя ее целью было исключительно сохранение фигуры, она добилась неплохих результатов и даже стала членом гимнастического клуба квартала Швабинг. Одевалась Ева всегда по последней моде, пользовалась дорогой по тем временам косметикой и носила купальные костюмы с вызывающе глубоким вырезом.

«В ожидании Гитлера, — рассказывала Генриэтта Гофман, — она всегда подкладывала в бюстгальтер носовые платки. Ведь Гитлер просто обожал пышные формы».

В последние месяцы 1930 года Гитлер уже не скрывал, что всерьез увлекся Евой Браун. Однажды он пригласил ее в оперу, а потом прямо спросил: «Позвольте попросить вас поужинать со мной? Я бы очень хотел появиться в вашем обществе в «Остерия-Бавария».

При посещении театра или во время частных визитов в фотоателье Гитлера неизменно сопровождал его первый адъютант, обер-лейтенант запаса Брюкнер или двое-трое его подчиненных. Еще остались свидетели, утверждающие, что, хотя за столом Гитлер всегда сжимал ладонь Евы Браун, однако они совершенно не походили на любовников. Гитлер тогда относился к ней по-отцовски. Он строго следил за тем, чтобы она возвращалась домой не позднее полуночи, и в ее присутствии избегал любых разговоров на скользкие темы.

Их вместе часто можно было видеть в кинотеатре «Шаубург» или посещаемой исключительно солидной публикой чайной «Карлтон», расположенной прямо напротив знаменитого кафе «Луитпольд». Лица из ближайшего окружения Гитлера никогда не бывали там, предпочитая другие, более скромные заведения. Зато они регулярно выезжали вместе с Гитлером на столь любимые им пикники в окрестностях Мюнхена. Все отправлялись туда, сидя на задних сиденьях огромных хромированных «мерседесов» в сопровождении ординарцев и охраны. И это, естественно, производило очень сильное впечатление на Еву Браун. Как нечто само собой разумеющееся воспринимала она желание Гитлера никогда не ездить с ней в одной машине.

Этот период в их жизни был окутан неким ореолом таинственности. Гитлер вел себя так, словно Ева для него просто одна из тех его бесчисленных почитательниц, кто при первом же удобном случае найдет себе новый предмет для обожания. Он не хотел, чтобы даже его ближайшие соратники Геринг[20] и Геббельс думали иначе. Поэтому он тогда крайне редко звонил в

фотоателье Гофмана, а в своих редких письмах избегал любых намеков на близкие отношения.

Еве Браун это было только на руку. Она знала, что если отец узнает о ее близости с человеком на двадцать три года старше ее, скандала уж точно не миновать. Поэтому она тоже вела себя довольно сдержанно. В свою очередь, у Гитлера была весьма своеобразная манера беседовать с нравящимися ему женщинами. Обычно он немедленно заявлял, что к политическому деятелю нельзя подходить с обыкновенными мерками. «Он вынужден постоянно разъезжать, не вправе позволить себе такую роскошь, как домашний очаг, и, кроме того, жизнь его постоянно в опасности». Однажды он прямо заявил: «Женщины всегда играли роковую роль в жизни политических деятелей. Вспомните Наполеона! А танцовщица Лола Монтес? Разве не она погубила короля Баварии Людвига I? Если бы не она, это был бы воистину выдающийся монарх. А безумная мадам Чан Кайши? Ненависть и честолюбие — вот что двигало ею, когда она спровоцировала войну с Японией и навлекла несчастье на свою страну».

В лице Евы Браун Гитлер нашел благодарную слушательницу. Рядом с ней он мог говорить о творчестве Грильпарцера[21], Шекспира, обсуждать феномен лох-несского чудовища и даже заявлять, что он непременно наладит производство космических ракет, и тогда благодаря ему люди полетят на Луну.

После каждого такого монолога Ева, вернувшись домой, с жадностью набрасывалась как на художественную литературу, так и на справочники. Она стала читать гораздо больше, чтобы не уронить себя в его глазах. Но позднее у нее упал интерес к бесконечным рассуждениям Гитлера. По свидетельству ее подруги Мици Йостен, «она предпочитала читать романы Перл Бук, Кэтрин Холланд и Маргарет Митчел, а также журналы мод». Тем не менее Ева постепенно прониклась симпатией к идеям национал-социализма. Их сторонницей объявила себя и ее мать. Только Фриц Браун и Ильзе пока даже слышать не хотели о них. Между сестрами все чаще вспыхивали жаркие споры и, если Гретль не принимала в них участия, то лишь по причине своего отсутствия. Согласно семейной традиции, ее отправили учиться в монастырский пансионат.

Когда Ева за семейным столом просто повторяла высказывания Гитлера, Ильзе, напротив, отстаивала взгляды, заимствованные у своего шефа доктора Леви Маркса. Видимо, она была влюблена в него. Между сестрами наметились принципиальные разногласия, которые им так и не удалось преодолеть. Личные проблемы в разговорах почти не затрагивались.

Вот как уже в наши дни описывает ситуацию Ильзе Браун: «Ни сестра, ни я не отличались словоохотливостью и не любили говорить о своей личной жизни. Даже в спальне мы не обсуждали отношений с мужчинами. Вообще наша семья отличалась строгостью нравов, не забудьте также про монастырское воспитание… Одним словом, я знала, что Ева встречается с Гитлером, но не имела представления о ее подлинных чувствах».

Безусловно, сестры Браун обладали эдиповым комплексом. Оба мужа Ильзе были гораздо старше ее. Гретль также отдавала предпочтение пожилым мужчинам. Возможно, это объясняется тем, что, хотя отец очень сурово обращался с ними, все три сестры в душе восхищались им.

Ева Браун твердо верила в предсказание некоей пророчицы, согласно которому однажды весь мир заговорит о ее великой любви. Гитлер притягивал к себе женщин, как магнит железо, неудивительно, что Ева также не смогла противостоять его чарам. Но увлечение переросло в любовь только после самоубийства Гели Раубаль.

Необъяснимая страсть Гитлера к очень красивой племяннице, которая была моложе его на семнадцать лет, заставляла его забыть обо всем и проводить почти все свое свободное время вместе с ней. Иногда, правда, он появлялся вместе с Гели в одном из трех небольших ресторанов, ставших излюбленным местом встреч членов его партии. Разумеется, он старался не сводить вместе двух девушек. Гели знала о существовании Евы Браун, она, естественно, видела в ней соперницу и запретила себе переступать порог фотоателье Гофмана.

В свою очередь, Ева Браун не понимала, почему Гитлер вдруг стал редко появляться на Шеллингштрассе. О причинах, побудивших Гитлера изменить свое отношение к ней, она узнала лишь после трагической гибели его племянницы. Только теперь Ева поняла, что в жизни Гитлера была другая женщина, которую он считал своей настоящей возлюбленной. Только теперь она действительно полюбила этого человека.

Ильзе так рассказывает о чувствах Евы, охвативших ее в тот момент, когда она после долгого перерыва в начале 1932 года снова увидела Гитлера: «Вчера он снова появился у нас по приглашению Гофмана. Шеф говорил, что он очень страдает и никак не может прийти в себя. Теперь я знаю: смерть Гели обернулась для него катастрофой. Наверное, она была совершенно необыкновенной женщиной».

У Евы хватило такта и вкуса не сразу, а постепенно начать подражать покойной. Она собрала сведения о ее внешнем облике, стала носить такие же платья, сделала себе такую же прическу и

даже переняла ее манеру говорить.

При жизни племянницы Гитлер никогда бы не осмелился пригласить Еву к себе на Принцрегентенплац. Доступ в дом в Оберзальцберге ей был также закрыт, поскольку там всем заправляла мать Гели. После гибели дочери она почти не показывалась в Мюнхене, и у Евы появилась возможность впервые войти в квартиру своего возлюбленного. «Когда Гитлер приезжал в Мюнхен, Ева Браун часто приходила на Принцрегентенплац, — говорит Анни Винтер. — Она прямо-таки сгорала от любви к нему». Пусть историки относятся к ее высказываниям с изрядной долей скепсиса, тем не менее из них следует, что в первые месяцы 1933 года Ева Браун стала любовницей Гитлера. Правдивость слов ее бывшей домоправительницы подтверждает следующая реплика Евы Браун. Рассматривая через несколько лет фотографию участников переговоров в Мюнхене, с важными лицами сидящих в квартире Гитлера на обтянутом красным бархатом диване, она с улыбкой сказала своей лучшей подруге: «Если бы Чемберлен знал историю этого дивана…»

1932 год потребовал от Гитлера совершенно немыслимой политической активности. Из-за нескольких избирательных кампаний, прокатившейся по всей Германии волне митингов и демонстраций и непрекращающихся правительственных кризисов он был вынужден постоянно находиться в разъездах и много времени проводить в Берлине. В Мюнхене он почти не появлялся и все реже и реже писал своей возлюбленной.

Ильзе Браун говорила что, по ее мнению, из-за интриг внутри руководства НСДАП и ближайшего окружения Гитлера многие его письма не попали к адресату. Так, тогдашний адъютант Гитлера Вильгельм Брюкнер, выполнявший обязанности «связного» между ним и Евой Браун, был «редкостным хамом, не скрывавшим своих враждебных отношений к сестре». Генриэтте Гофман доставляло огромное удовольствие показывать вконец отчаявшейся Еве фотографии, изображающие Гитлера в окружении красивых женщин.

Это окончательно переполнило чашу терпения Евы, 1 ноября 1932 года в День всех святых она после полуночи заперлась в спальне, достала из ящика туалетного столика пистолет отца и попыталась покончить с собой.

«В ту ночь было очень холодно, — рассказывает Ильзе Браун. — Родители уехали, и некому было даже растопить камин. Ева лежала на диване, раскинув руки. На полу валялись оконные стекла. Розовая подушка, простыня и одеяло забрызганы кровью. Пуля засела рядом с сонной артерией. В обойме оставалось еще пять патронов, и возникло предположение, что на Еву было

совершено покушение. Якобы, защищаясь, она уронила с туалетного столика стакан, а потом выстрелила в нападавшего, наконец я выяснила, что просто в стакане замерзла вода и поэтому он треснул».

Несмотря на ранение, Ева сохранила присутствие духа и, придя в себя, тут же позвонила доктору Плате, который затем отвез ее в больницу. Но почему она не вызвала шефа ее сестры доктора Леви? Ведь его клиника находилась гораздо ближе. Еврейское происхождение врача здесь совершенно ни при чем, просто Ева хорошо знала: быстрее сообщат Гитлеру о случившемся именно через доктора Плате. Ведь он был шурином Генриха Гофмана.

Расчет Евы полностью оправдался. На рассвете Гитлеру передали ее прощальное письмо, он немедленно приехал в больницу с огромным букетом цветов и сразу же начал выспрашивать у заведующего отделением, не инсценировала ли Ева самоубийство.

— Она целилась в сердце, — заверил его врач. — Мы вовремя вмешались, удалили пулю, и теперь ее жизнь вне опасности.

— Она сделала это из любви, — заявил Гитлер Гофману и, когда личный фотограф согласно кивнул, добавил: — Теперь я просто обязан позаботиться о ней. Не должно повториться ничего подобного.

После выписки из больницы Ева попыталась убедить родителей в том, что вовсе не пыталась покончить с собой, а просто проверяла состояние пистолета и случайно нажала на курок. Фриц Браун и его жена сделали вид, что поверили ей.

Рана быстро зажила, но на душе остался рубец. Одна ко именно попытка самоубийства заставила Гитлера переменить свое отношение к Еве и окончательно связала их судьбы.

Как известно, в годы Первой мировой войны Гитлер служил под началом одного из своих будущих адъютантов Фрица Видемана. В ответ на его вопрос, не кажется ли ему холостяцкая жизнь лишенной смысла, Гитлер только улыбнулся: «У нее есть свои преимущества. А для любви я содержу девушку в Мюнхене».

Гитлер и женщины

Одно самоубийство и одна попытка уйти из жизни. Две девушки, показавшие себя готовыми покончить с собой ради Гитлера. Но череда самоубийств на этом не кончилась.

Шофер Гитлера рассказал автору, что очень часто четырнадцати- и пятнадцатилетние девочки бросались под его машину в надежде попасть под колеса и получить помощь от Гитлера. Излишне говорить о целых кипах писем с объяснениями в любви, эротических подарках, как правило, крайне безвкусных, и вязаных подушках, которые поклонницы непрерывно отправляли в «Бергхоф».

Чем объясняется такая власть над противоположным полом в период, когда Гитлер еще не занимал пост рейхсканцлера, а, напротив, постоянно подвергался нападкам немецкой прессы и жил под угрозой ареста? Внешне он никак не походил на покорителя женских сердец. Вообще как могла женщина в кафе «Грёссенван»[22] согласиться сесть за столик к человеку в униформе с болтающейся на руке плеткой из крокодиловой кожи? К тому же его сопровождали два здоровенных свирепого вида телохранителя.

В приватном общении Гитлер вел себя отнюдь не как главарь бандитской шайки. Тут его противники и, в первую очередь, Бертольд Брехт со своей знаменитой, обошедшей весь мир сатирической пьесой[23] совершенно не правы. С женщинами Гитлер вел себя необычайно вежливо, всегда пропускал их вперед, никогда не садился в их присутствии и по любому поводу целовал руки. Гортанный голос становился при них бархатным и вкрадчивым с той долей теплоты, которая характерна именно для жителей Вены. У любой женщины создавалось впечатление, что он хочет понравиться только ей одной. Многие из них ожидали встречи с неотесанным мужланом, хамом и наглецом и были просто поражены, увидев перед собой учтивого, хорошо воспитанного человека, чуть ли не светского льва. Неудивительно, что они открыто восхищались Гитлером.

Кроме того, он как бы завораживал почти всех, кто с ним встречался, — от генералов, дипломатов и министров до детей и простых посыльных. «Я готова была сделать для него все», — уверяет Траудль Юнге.

Все его секретарши в один голос говорят, что он никогда ни в чем не попрекнул их, ни разу не повысил голос и с готовностью повторял непонятную для них при диктовке фразу. Он называл их «Дитя мое» или «Моя красавица», никогда не начинал день, не

отозвавшись с похвалой о новом платье или прическе, интересовался их личной жизнью и вообще вел себя, как добродушный начальник, с которым, однако, нужно быть очень осторожной.

Гитлер утверждал, что не подвержен влиянию женщин. «Я никогда не говорил с ними на политические темы и не просил у них совета, — как-то с гордостью объявил он. — Вся тактика утонченных женщин сводится к тому, чтобы прикинуться робкой и послушной, втереться в доверие к мужчине, затем потуже затянуть удила, прибрать его постепенно к рукам и заставить танцевать под свою дудку».

Он демонстративно робел перед женщинами, и они объясняли это его неопытностью в любовных делах.

Однако, по свидетельству младшей сестры Евы Гретль, «Гитлер на самом деле с женщинами был далеко не робок».

Представление о застенчивом перед женщинами Гитлере родилось в годы Первой мировой войны, когда тот, будучи иностранцем, вступил в германскую армию и был направлен в запасной полк, сформированный буквально в последнюю минуту и носивший имя его командира Листа. Во главе роты, в которой служил Гитлер, стоял Фриц Видеман, выходец из семьи с давними военными традициями. Он оказал автору поистине неоценимую помощь в его поисках.

«Гитлер никогда не получал писем, у него не было подружек. Я даже предложил нескольким девушкам писать ему. Так как на Рождество он не получал денег, сослуживцы даже хотели устроить складчину и собрать ему 10 золотых марок, но Гитлер отказался. Он никогда не жаловался на свое одиночество и даже написал: «Полк — вот мой дом».

На фронте Гитлер отличался храбростью. Он занимал должность полкового курьера и зачастую был вынужден передавать сообщения под вражеским огнем. Два раза его представляли к «Железному кресту» 1-го класса. Получил он награду только один раз и то по настоянию сменившего Видемана на посту полкового адъютанта обер-лейтенанта Гутмана, еврея по национальности.

По возвращении в Мюнхен Гитлер с головой окунулся в политику и сразу же нашел союзников в лице женщин. Все они были достаточно богаты, все в зрелом возрасте и все в той или иной степени влюблены в него. Жена богатого владельца фабрики по изготовлению музыкальных инструментов Карла Бехштейна Елена, или просто Лотта, ввела его в высшее общество. Он даже длительное время пользовался ее гостеприимством. По словам Гитлера, Елена Бехштейн была необычайно ревнива и стоило ему

на приеме лишь несколько минут постоять с какой-нибудь красивой женщиной, она устраивала затем дикую сцену ревности. Жена издателя Гуго Брукмана Эльза также сыграла значительную роль в жизни Гитлера. Вдова профессора Мюнхенского университета Карола Гофман часто приглашала Гитлера на свою виллу и расточила похвалу господину Вольфу. Все эти женщины оказывали Гитлеру и его партии весьма значительную финансовую поддержку, так как вначале германские промышленники вели себя по отношению к нему довольно сдержанно. Зато, по слухам, деньги ему выделил Генри Форд, а посредником между ними служил Эрнст Ганфштенгль, по прозвищу Пуцл. Его мать была американкой, а сам он учился в Гарвардском университете.

О его сестре Эрне Гитлер рассказывал так: «Однажды в отеле «Байерришер Хоф» собралось множество красивых женщин, одна краше другой и все увешанные бриллиантами. Вдруг появилась настолько роскошная женщина, что все остальные рядом с ней сразу же поблекли. Она вообще не носила никаких украшений». Гитлер долго и с серьезными намерениями ухаживал за ней. Все полагали, что они в конце концов вступят в брак. Но Эрна слишком часто вмешивалась в его политические дела.

С Гитлером также связывают имя жены генерала фон Людендорфа, которая, опять же по слухам, способствовала их сближению.

Другая не менее честолюбивая женщина приложила все усилия для того, чтобы способствовать политической карьере Гитлера. Речь идет о бывшей жене принца Фридриха Франца фон Гогенлоэ Вальденбурга-Шиллинга — Стефании. Именно она побудила лорда Ротермира приехать в Берхтесгаден и устроила встречу Фрица Видемана с лордом Галифаксом. Но Гитлер оказался совершенно невосприимчив к ее чарам.

В свободное от политической деятельности время Гитлер принимал в своей скромной квартире на Тикштрассе хорошеньких жительниц Мюнхена, «Он всегда дарил им цветы, даже когда у него не было денег, — вспоминает Эмиль Мориц. — Особенно его привлекали балерины». Танцоров он не любил, но для балерин хотел создать Фонд социального страхования с целью обеспечить им гарантированный минимальный оклад и пособие по безработице.

Он восхищался американской балериной Мариям Берне, которая, по его словам, «словно парила в воздухе». Гитлер даже пригласил ее в «Бергхоф». Вообще он любил вальсы и совершенно не воспринимал современную музыку и танцы.

Следует также уделить внимание слухам, которые не нашли

документального подтверждения. Но надо учесть, что вплоть до окончания войны о существовании Евы Браун мы также знали только по слухам.

Так, например, автор одной из биографий Гитлера Конрад Гейден пишет, что в 1923 году его герой сожительствовал с сестрой своего шофера Дженни Хэйг. Эти сведения он заимствовал у Уильяма Ширера. Из документальных источников, обнаруженных в Лондонской библиотеке, явствует, что якобы некая жительница Вены Сюзи Липптауэр в 1921 году пыталась повеситься в номере одного из отелей Мюнхена из-за того, что Гитлер порвал с ней. Генрих Гофман подтвердил эту информацию и добавил: «Сюзи Липптауэр позднее вышла замуж, и Гитлер всячески покровительствовал ей». Интимные отношения с Гитлером поддерживала также бывшая монахиня Элеонора Бауэр, в ноябре 1923 года решившая изобразить из себя современную амазонку и потому принявшая участие в пресловутом шествии к Галерее полководцев. Вроде бы она даже родила от Гитлера ребенка, которого воспитывала за счет партийной кассы. Затем по протекции Кристиана Вебера[24] его приняли на работу в редакцию «Фёлькишер Беобахтер».

История же Марии Рейтер-Кубич, напротив, уж никак не из области фантазии. Правда, ее сестра, Анни Штегер-Хель, в беседе с автором осторожно намекнула, что далеко не все здесь соответствует фактам. Сам автор после бесед с несколькими бывшими обитателями Берхтесгадена пришел к выводу, что у них в голове смешались домыслы и реальные обстоятельства.

Мария Рейтер-Кубич, по прозвищу Мици, родилась 23 декабря 1909 года. Она училась в монастырском пансионате, а затем перебралась к своей сестре, владевшей магазином модной одежды в Берхтесгадене прямо напротив отеля «Дойчер Хоф», где в 1925 году проживал Гитлер. Во время прогулок в курортном парке овчарка Гитлера, по кличке Принц, увязалась за собакой Мици. Гитлер немного пофлиртовал с девушкой, а затем зашел в магазин и попросил у сестры разрешения пригласить Марию на концерт. «Вам тридцать шесть, а ей только шестнадцать. Сами понимаете…» — резко ответила Анни.

Гитлер обиделся, однако пришел в магазин еще раз и уговорил сестер сходить с ним на партийный митинг. После своего выступления он так нежно разговаривал с Мици, что влюбленная в него дочь владельца отеля Метке «даже пожелтела от ревности». (Сразу оговорюсь, автор передает рассказы других.) В один из вечеров он попросил у Мици разрешения поцеловать ее, а когда та отказалась, помрачнел и твердо заявил: «Мы больше не увидимся». Но Мици написала ему письмо с просьбой зайти к

ней. На прогулке он поцеловал ее в губы и, по словам Мици, «крепко прижал к себе и сказал: «Я хочу сломать тебя». Настоящая буря страсти».

В Мюнхене Мария Рейтер неоднократно навещала Гитлера, и тот уже поговаривал о совместном проживании. Однако в июле 1927 года после возвращения от сестры Мария узнала, что Гитлер в Берхтесгадене, но уже ухаживает за другой женщиной. Вне себя от ревности, она привязала к двери бельевую веревку и сунула голову в петлю. Спасло Марию только появление ее шурина Готтфрида Хеля.

Три года Мария Рейтер ничего не слышала о бывшем возлюбленном, как вдруг Макс Амман[25] потребовал, чтобы она написала, будто у нее с Гитлером ничего не было, и заверила заявление у нотариуса. Она выполнила это требование и 10 мая 1930 года вышла замуж за владельца отеля в Инсбруке. Но их брак не был счастливым, и Мария вскоре бросила мужа.

С Гитлером она снова встретилась в 1932 году в его новой квартире на Принцрегентенплац, и он будто бы предложил ей остаться у него на ночь. Мария тут же согласилась.

Вскоре Мария вышла замуж за гауптштурмфюрера СС Кубича и в 1936 году добилась от Гитлера его перевода в Берхтесгаден. После его гибели во Франции Гитлер прислал ей сто красных роз. Больше никаких контактов между ними не было.

Автор сильно сократил рассказ Марии Рейтер-Кубич, которая ныне проживает неподалеку от Гамбурга. У него создалось впечатление, что она просто повторила историю, сочиненную для нее сотрудником многотиражного иллюстрированного журнала. Мария Рейтер утверждает, будто все ее письма Гитлеру пропали с появлением в Берхтесгадене американских солдат. После краха Третьего рейха она долго жила у сестры Гитлера Паулы, под фамилией Вольф снимавшей дом на Вандзее. Паула ничего не знала о любовной связи брата с ее постоялицей, так как в то время довольно редко посещала его. Но если она действительно подтверждает правдивость данной истории, это свидетельствует только о ее легковерии.

Хорошенькая блондинка Инге Лей всегда восхищалась Гитлером, который как-то сказал ее мужу: «С такой женщиной мужчина не может не чувствовать себя, как в раю». Но ее муж — руководитель Трудового фронта[26] Роберт Лей[27] — был хроническим алкоголиком, и с ним Инге никак не могла чувствовать себя счастливой. Однажды она даже сбежала от него в Берхтесгаден. Обе сестры Евы и секретарши Гитлера в один голос утверждают, что между ними никогда не существовало близких отношений. В 1943 году Инге Лей выбросилась из окна,

предварительно написав письмо Гитлеру. Прочтя его, Гитлер был очень опечален.

Версия о предпринятой Мартой Додд попытке самоубийства ничем не подтверждается, но в данном случае дело могли просто замять, так как речь шла о дочери посла, а у дипломатов очень развито чувство солидарности. Отец Марты, профессор Уильям Додд, бывший декан исторического факультета Чикагского университета и ученик Вудро Вильсона, представлял в Берлине интересы США. Он ничем особенным не выделялся и плохо понимал по-немецки, хотя год проучился в Лейпцигском университете. Его дочь, выпускница одного из лучших колледжей США, была типичной американкой — хорошенькой, кокетливой и очень жизнерадостной. Она не боялась носить короткие платья и танцевать чарльстон, и журналисты бульварных изданий собирали имена мужчин, с которыми она флиртовала.

Гитлер обратил на нее внимание в Байрейте на торжественном представлении «Парсифаля». Внешне она напоминала Гели. (Гитлер всегда утверждал, что все женщины, которые ему нравятся, похожи на покойную возлюбленную.) Он пригласил Марту в отель «Кайзерхоф» на чашку чая и потом еще несколько раз встречался с ней. Сразу же пошли разговоры о наметившемся сближении между Германией и США, и Пуци Ганфштенгль стал частым гостем в американском посольстве. Марта заявила, что страстно влюблена в фюрера и намерена устроить ему триумфальную поездку по США.

Но, видимо, их отношения крайне не понравились Герингу, который с помощью начальника гестапо Рудольфа Дильса вовсю ловил рыбку в мутной воде. Он передал Гитлеру досье, содержащее порочащие молодую американку сведения. Оказывается, в Чикаго ее неоднократно задерживали за рулем в пьяном виде и пытались привлечь к ответственности за торговлю наркотиками. Кроме того, она развелась с мужем уже через несколько месяцев после вступления в брак. Гитлера эти сплетни совершенно не волновали. Но он пришел в ужас, узнав, что Марта Додд подозревается в сотрудничестве с советской разведкой.

Теперь он больше не подходил к ней на дипломатических приемах. Говорили, что Марта в отчаянии даже попыталась вскрыть себе вены, хотя в это никто не поверил.

А как же версия о ее причастности к советской разведке? После войны Марта Додд вышла замуж за миллионера Штерна. В эпоху маккартизма их обоих обвинили в прокоммунистической деятельности.

В Праге Марта жила на правах беженки. Иногда ее имя всплывало на страницах американской прессы в связи с какими-

то таинственными актами шпионажа за железным занавесом.

Гитлер, в детстве боявшийся заговорить с понравившейся ему девочкой и в годы войны не обзаведшийся даже случайной подругой, теперь воспринимал повышенное внимание женщин как вполне естественное явление. «Женщины любят героев, — говорил он, имея в виду прежде всего самого себя. — Без мужчины женщина чувствует себя совершенно потерянной. Герой же дает женщине ощущение безопасности. Но, заполучив героя, она очень неохотно возвращает ему свободу».

Эта свобода была нужна Гитлеру как воздух. Он искренне полагал, что потеряет очень многое в глазах немецких женщин, если женится на одной из них. «В политике, — заявил он как-то в узком кругу, — мужчины в любом случае подчинятся вождю, а вот поддержку женщин нужно завоевать». Видимо, по этой причине, отвечая на вопрос, нет ли у него намерений жениться, он всякий раз неизменно отвечал: «А я женат, но моя жена — Германия».

Дневник

Ильзе и Ева были необычайно педантичны. Это чувство они унаследовали от отца. В доме у каждого предмета было свое определенное место, они хранили даже использованные трамвайные билеты. Уже на Пасху они заводили разговоры о рождественских подарках. Разумеется, обе сестры вели дневник. Гретль же по характеру была совсем другой. Она считала, что не следует усложнять себе жизнь.

Страницы дневников не содержали каких-либо подробностей личной жизни девушек. Они добросовестно записывали свои расходы, отзывы о спектаклях, адреса и номера телефонов хороших партнеров по танцам. В записной книжке Евы нет даже никакого намека на Гитлера. Очевидно, она боялась, что ее дневник может попасть в посторонние руки.

Зато в Берхтесгадене Ева могла себе позволить вести другой дневник, уже ни от кого ничего не скрывая. Эта переплетенная в зеленую кожу записная книжка хранилась в бронированном сейфе.

В 1947 году актер из Тироля Луис Тренкер опубликовал сборник откровенных признаний Евы Браун, которые та якобы передала лично ему. Никаких документальных подтверждений Тренкер не предоставил, но этот «дневник» ввел в заблуждение даже серьезных историков, не говоря уже о простых читателях. Хотя данный опус теперь вычеркнут из каталогов всех серьезных библиотек, однако до сих пор многие представляют себе Еву Браун в виде некоей второй маркизы де Помпадур, создающей вокруг себя атмосферу разврата, купающейся голой при луне и спящей на простынях с вышитой свастикой.

В результате знакомые Евы Браун вообще отказывались говорить о ней. Правда, семья Браун подала на фальсификатора в суд, и 10 сентября 1948 года он был приговорен к большому денежному штрафу и шести месяцам тюремного заключения. Кроме того, псевдодневник изъяли из продажи. На процессе было доказано, что почти все приведенные в книге подробности никак не соответствуют фактам. Ева Браун никогда не путала даты, не могла забыть адрес собственного дома и уж тем более не могла написать, что познакомилась с Гитлером на пять лет позже реального дня их первой встречи.

Одна из случайно оказавшихся на процессе женщин заинтересовалась подделанными мемуарами Евы Браун, провела собственное расследование и обнаружила, что Тренкер просто взял и слово в слово переписал книгу графини Лариш-Валлерзее,

посвященную трагической любви Рудольфа Габсбургского и Мари Веспера. Только она превратилась под его пером в Еву Браун, Рудольф сделался Гитлером, принц Отто — Штрейхером, а Меттерних — Риббентропом.

Тем не менее действительно существует подлинный дневник Евы Браун. Двадцать две написанные от руки страницы охватывают период с 6 февраля по 28 мая 1935 года.

Ильзе под присягой подтвердила, что это почерк Евы, что она знала о нем с 1935 года и что все приведенные в нем сведения подлинные. Наконец, семья Браун предоставила в распоряжение автора свою переписку с Евой для сверки почерков.

Еве было очень тяжело привыкнуть к неожиданным визитам Гитлера. Не понимала она также причины частой смены настроений, когда сегодня он был ласков, на следующий день не проявлял к ней ни малейшего интереса, а еще через день постоянно обижался на нее. Сама же она жила в постоянном страхе потерять его. Приводим этот дневник почти полностью.

6.2.1935

В 23 года я, наконец, чувствую себя счастливой. Госпожа Шауб[28] привезла мне от него множество цветов и телеграмму. Вся моя комната стала похожа на цветочную лавку, а пахнет в ней так, будто ее освятили.

Главное — не терять надежды, а уж терпению я научусь.

С каким удовольствием я съездила бы с Гердой, Гретль, Ильзе и мамой на Цугшпитце[29]. Но, увы, из поездки ничего не получится.

Вечером я иду с Гердой в гости. Что еще остается делать одинокой двадцатитрехлетней девушке, как не завершать свой день рождения «грандиозной пьянкой». По-моему, его это вполне устраивает.

11.2.1935

Он снова здесь. Но ни собаки, ни платяного шкафа. Даже не спросил о поздравлениях.

Пришлось самой покупать себе украшения: 1 цепочку, серьги и кольцо, всего на 50 марок. Очень красивые. Надеюсь, ему тоже понравится. Если нет, пусть сам что-нибудь подберет.

15.2.1935

Похоже, с Берлином все получается. Но пока я не окажусь в рейсхканцелярии, я в это не поверю. Надеюсь, там я приятно проведу время.

Жаль, что вместо Чарли[30] не могу взять с собой Герду. Тогда

уж точно было бы весело.

Как же я хочу, чтобы все получилось. Мы все надеемся.

18.2.1935

Вчера он приехал неожиданно, и был совершенно восхитительный вечер. Самое приятное, что он хочет забрать меня с работы и… — но я очень боюсь загадывать… — подарить мне небольшой домик. Я просто боюсь об этом думать. Не нужно будет больше отворять двери нашим «уважаемым клиентам».

Господи, сделай так, как я хочу, и как можно скорее.

Бедная Чарли заболела и не смогла поехать со мной в Берлин. Но, может быть, так даже и лучше. Ведь Бр.[31] очень груб с ней, и она чувствовала бы себя очень несчастной.

Я же так счастлива оттого, что он любезен со мной.

4.3.1935

Он приехал в субботу. Я провела с ним 12 чудесных часов, а затем с его разрешения сходила на Бал города.

В воскресенье он обещал мне еще раз прийти, тем не менее на всякий случай я позвонила в «Остерию» и попросила Верлина[32] передать, что я жду известий от него. Вместо этого он просто отправился на празднование Дня павших героев и даже не пришел к Гофману на ужин.

Возможно, он просто хотел побыть наедине с доктором Г.,[33] но тогда он мог хотя бы известить меня. Я сидела у Гофмана, как на раскаленных углях, и ждала, что он вот-вот придет.

Затем мы узнали, что он внезапно решил уехать, бросились на вокзал и увидели только хвостовые огни. Я даже не успела проститься с ним.

Может быть, все не так уж страшно, но ведь его не будет целых две недели и все это время я места себе не найду.

Не знаю, почему он вдруг обиделся на меня, может, из-за того, что я пошла на бал, но ведь он мне сам разрешил.

Нет, как бы я ни ломала голову, причины так и не узнаю.

11.3.1935

Как бы мне хотелось тяжело заболеть и дней 8 ничего не знать о нем. Ну почему, почему я должна все это выносить?

Лучше бы я его никогда не видела.

Я в полном отчаянии. Я теперь постоянно покупаю себе снотворное, хожу полусонная и уже меньше думаю о нем. Хоть бы меня черт забрал. Уж в аду точно лучше, чем здесь.

Три часа я ждала возле отеля «Карлтон», чтобы затем увидеть, как он дарит цветы Ондре и приглашает ее на ужин.

Нет, я нужна ему только для вполне определенных целей.

Если он говорит, что любит меня, то это лишь в данный момент. Этим словам такая же цена, как и его обещаниям, которые он никогда не выполняет. Почему он мучает меня и когда же это наконец кончится?

16.3.1935

Он снова уехал в Берлин. Я просто с ума схожу, если вижу его реже, чем обычно. Но вообще-то понятно, что сейчас у него почти нет интереса, ведь сейчас он занят только политикой[34].

Хочу съездить сегодня с Гретль на Цугшпитце, может быть, там хоть немного успокоюсь. Все будет хорошо, нужно только уметь ждать.

1.4.1935

Вчера нас пригласили на ужин в «Четыре времени года». Я три часа сидела рядом с ним, и он мне даже слова не сказал. На прощание протянул конверт с деньгами. Так уже было один раз. Но лучше бы он тепло попрощался со мной или хотя бы доброе слово сказал. Как бы я была рада! Но он об этом даже не думает.

Почему он не приходит к Гофманам на обед? Тогда бы он мне хоть несколько минут уделил.

29.4.1935

Мне очень плохо. Даже слишком. Во всех отношениях. Я стараюсь убедить себя, что «все обойдется», но это не помогает. Квартира готова, а я не могу приехать к нему. О любви, похоже, он сейчас вообще не думает. После того как он уехал в Берлин, я понемногу отхожу. Но на этой неделе я столько плакала ночами, особенно когда на Пасху осталась дома одна.

Я экономлю, экономлю буквально на всем. Как же это действует на нервы, когда столько всего хочется купить. Начиная от юбки с жакетом и фотоаппарата и кончая билетами в театр. Но ничего, все обойдется. Долги мои не так уж велики.

10.5.1935

Как деликатно сообщила госпожа Гофман, он нашел мне замену. Ее зовут Валькирия, и выглядит она весьма аппетитно. Но ничего, от горя она еще похудеет, если не сможет, как Чарли, толстеть от забот. Они у нее только вызывают аппетит.

Если госпожа Г. сообщила мне правду, как же это подло, что он мне ничего не сказал.

В конце концов он должен понимать, что я не стану ему мешать, если другая вдруг займет место в его сердце. Подожду до

3 июля, когда исполнится четвертая годовщина нашего знакомства, и попрошу объяснений.

28.5.35

Только что отправила ему письмо. Сочтет ли он нужным ответить?

Посмотрим — посмотрим.

Если до 10 вечера я не получу ответа, то приму 25 таблеток и тихо усну навсегда.

А ведь он уверял, что безумно любит меня. Какая же это любовь, если он вот уже 3 месяца не дает о себе знать.

Ну хорошо, у него сейчас голова занята политическими проблемами, но ведь недавно ситуация немного разрядилась и потом, разве в том году не происходило то же самое? Разве тогда не возникли трудности из-за поведения Рима, и тем не менее он смог выкроить для меня время. Не знаю, может быть, нынешняя ситуация гораздо сложнее, и все же он мог бы хоть немного отвлечься.

Боюсь, здесь кроется что-то другое. Но моей вины здесь нет. Точно нет.

Здесь же последняя запись Евы Браун, датированная тем же числом.

Господи, как я боюсь, что он сегодня не ответит.

Хоть бы кто-нибудь помог, все так ужасно.

Может быть, он получил мое письмо в неподходящий момент. А может быть, мне вообще не следовало ему писать. Как бы то ни было, но лучше страшный конец, чем эта неопределенность.

Господи, сделай так, чтобы я поговорила с ним сегодня, завтра будет поздно.

Я решила принять 35 таблеток, чтобы уж наверняка не проснуться.

Хоть бы он позвонил…

В ночь с 28 на 29 мая 1935 года Ильзе зашла к сестре, чтобы вернуть ей вечернее платье. Она обнаружила Еву в бессознательном состоянии. У Ильзе был неплохой опыт работы ассистенткой врача, и поэтому она смогла оказать сестре первую помощь. Затем Ильзе вызвала врача, в чьем умении держать язык за зубами она была полностью уверена.

Пока врач осматривал сестру, Ильзе обнаружила дневник и вырвала из него страницы. Она сразу же предположила, что Ева просто инсценировала попытку самоубийства. Ведь дневник

лежал на видном месте, а Ева приняла только двадцать таблеток ванодорма. Кроме того, она знала, что Ильзе сегодня ночью точно придет с конкурса бальных танцев, не говоря уже о том, что Гретль также должна вот-вот вернуться домой.

Позднее Ильзе вернула Еве вырванные страницы. Незадолго до смерти Ева попросила сестру их уничтожить. Однако Ильзе предпочла спрятать страницы в надежном месте в Австрийских Альпах в доме матери офицера СС, служившего в личной охране Гитлера.

Неизвестно, знал ли Гитлер о существовании дневника, но через несколько месяцев он выполнил свое обещание и купил Еве виллу в одном из наиболее красивых кварталов Мюнхена — Богенхаузене. Ей больше не нужно было работать у Гофмана. Теперь даже в самые драматические моменты войны с Россией Гитлер находил время, чтобы чуть ли не каждую ночь звонить своей возлюбленной или хотя бы написать ей письмо.

Письмо

Сестра милосердия из приюта для бедных с плетеной корзиной в руке позвонила в дверь квартиры на Гогенцоллернштрассе, чтобы, как обычно в конце месяца, попросить какой-нибудь еды и немного денег. На медной табличке прямо над кнопкой звонка было написано «Фриц Браун, преподаватель ремесленного училища». В этот раз монахиня, помимо благословения, произнесла еще следующие слова: «Какое счастье, что господин Гитлер пришел к власти! Слава Богу».

Франциска Браун облегченно вздохнула и тут же привела Еву, которая решила в первой половине дня 30 января 1933 года хоть немного отдохнуть. Накануне она напряженно работала вплоть до глубокой ночи, так как Генрих Гофман получил очень большой заказ от руководства Национал-социалистической партии. Таким образом, о том, что ее возлюбленный, которого отец иначе как австрийским бродягой не называл, стал преемником Бисмарка, она узнала из уст монахини.

Первой реакцией Евы было: «Я выиграла пари!» Она поспорила с Ильзе на двадцать марок, что Гитлер непременно войдет в состав кабинета министров. Ильзе, впрочем, так и не отдала деньги, посчитав, что «подруга рейхсканцлера Германии» вполне может позволить себе отказаться от выигранной суммы.

Франциска Браун от души радовалась вместе с Евой, в то время как Фриц Браун только угрюмо пробурчал: «Они у нас сменялись один за другим, этот тоже ничего не сделает». Вывший офицер кайзеровской армии по традиции считал себя приверженцем монархии и после увольнения со службы в 1919 году вступил в «Добровольческий корпус Оберланд», освободивший Мюнхен от коммунистических мятежников. Затем он стал членом «Союза участников войны», известного больше под названием «Стальной шлем». Теперь он узнал, что глубоко почитаемый им фельдмаршал Гинденбург[35] пожал руку глубоко презираемому им Адольфу Гитлеру.

Все последующие дни Ева собирала у Гофмана фотографии с изображениями состоявшегося в Берлине по случаю прихода Гитлера к власти грандиозного шествия. Сотни тысяч людей прошли с факелами в руках по Унтер-ден-Линден и мимо старого здания рейхсканцелярии. Казалось, улица превратилась в сплошное море огня. Никогда еще мир не видел ничего подобного. Ни королеву Англии Викторию, ни последнего германского кайзера ни разу не встречали такие ликующие толпы.

— Смотри, папа, — с гордостью сказала Ева отцу, — весь Берлин вышел на улицы. Это все-таки столица Рейха, а не захолустный городишко типа Мюнхена.

Когда восторженное чувство несколько улеглось, Ева — так, во всяком случае, вспоминают ее мать и сестра — надолго погрузилась в раздумье. Ей стало ясно, что новый статус Гитлера непременно отразится на их отношениях. Гитлер теперь жил постоянно в Берлине, сперва в отеле «Кайзерхоф», затем в рейхсканцелярии. Теперь исполнение обязанностей рейхсканцлера занимало почти все его время, однако он не стал прерывать контактов с Евой Браун. Он даже собирался позвонить ей вечером 30 января 1933 года, хотя все телефонные и телеграфные линии были почти полностью блокированы из-за бесчисленного множества телефонных звонков и поздравительных телеграмм. Отныне она была для него не просто «одной из знакомых девушек». И он все чаще приглашал ее в Берхтесгаден.

Ева Браун говорила родителям, что чрезвычайно загружена работой, брала маленький зеленый чемодан и, выйдя из подъезда, доходила до угла Тюркенштрассе, где ее уже ждал серебристо-черный «мерседес».

Концерн «Даймлер-Бенц» предоставил в распоряжение нового рейхсканцлера еще больше машин, чем прежде. Гитлер всегда проявлял интерес к развитию автомобилестроения в Германии и даже лично занимался усовершенствованием автомобильных рам. Генерального директора концерна Берлина часто приглашали в Берхтесгаден, и вскоре он вошел в круг близких знакомых Гитлера.

Гитлер пытался убедить Еву в том, что новый пост в большей степени не позволяет ему даже думать о женитьбе. Гораздо важнее для него голоса избирателей, помогающие расширить социальную базу правительства. Он не считал себя обычным государственным деятелем, верил в свое высокое предназначение и чувствовал себя кем-то вроде папы римского, которому по должности запрещено вступать в брак. Напомним, в детстве он восхищался мистицизмом, присущим католическому вероучению, и даже собирался стать священником.

Пока Гитлер был еще просто лидером пусть набиравшей силу и располагавшей военизированными отрядами, но все-таки обычной политической партии, он, несмотря на английский дождевик, плетку, многочисленные автомобили и ультрарадикальные политические взгляды, вел обыденный образ жизни. Он посещал мюнхенские кафе и жил в квартире, хотя по размерам во много раз превосходившей жилье его родителей, но

все же в обычной квартире. В Берлине он обитал в настоящем дворце, министры, дипломаты, генералы, промышленные магнаты почтительно приветствовали его, солдаты при появлении брали на караул, государственные деятели со всего мира искали знакомства с ним. Одним словом, Гитлер представлял теперь великую нацию.

Ева Браун выезжала только в окрестности Мюнхена. У нее не было возможности купить себе красивое платье, и она шила себе сама, никогда не бывала в светском обществе и не имела драгоценностей.

Теперь же газеты дружно писали о торжественных приемах и официальных мероприятиях в Берлине, на которых неизменно присутствовал одетый во фрак Гитлер. Он презирал эту слишком роскошную, по его мнению, одежду, но хотел доказать тем, кто считал его «выскочкой», что может одеваться не менее элегантно, чем они. Его видели в окружении красивых женщин, среди которых он отдавал предпочтение знаменитым актрисам — Ольге Чеховой и Лили Дагобер. На одном из приемов он даже предложил Ольге Чеховой руку, посадил ее рядом с собой и весь вечер непрерывно ухаживал за ней. Он считал, что светские сплетни только повышают его авторитет, тешат его самолюбие, а главное, позволяют скрывать от мира подлинный интерес к одной женщине.

Ольга Чехова была слишком умна и независима, чтобы попасть в сети к Гитлеру. Разумеется, она пользовалась у него определенным авторитетом, и, когда автор своим опубликованным в годы войны в нейтральной прессе репортажем об ужасающем положении евреев в Варшавском гетто навлек на себя гнев нацистских властей, знаменитая актриса даже заступилась за него.

Ева Браун очень хотела сниматься в кино. Она гордилась удачными ролями в любительских спектаклях и намеревалась брать уроки пения и учить иностранные языки. Но отец наотрез отказался исполнить ее желания: «Откуда мы возьмем деньги на твои безумства?» Он не предполагал, что в этом его поддержит могущественный союзник. Гитлер также считал, что Ева ни при каких условиях не должна выступать на сцене или появляться на экране. Но Ева не отказалась полностью от своего желания и однажды в Берхтесгадене призналась: «Шеф (официально она называла Гитлера только так) обещал мне, что, победив, разрешит мне поехать в Голливуд и сыграть там историю нашей с ним жизни». Она утешала себя тем, что Гитлер позволил ей стать чем-то вроде тайного верховного цензора. Ева писала ему критические отзывы на многие фильмы и спектакли, поскольку у

самого Гитлера не было времени все смотреть.

Еву Браун интересовало, главным образом, американское кино. В Оберзальцберге для нее устраивались просмотры даже тех фильмов, прокат которых был невозможен в Германии по идеологическим или финансовым соображениям. «Унесенные ветром» привели ее в полный восторг, она решила, что их судьбы с героиней необыкновенно схожи, и, одевшись а'ля «самая красивая женщина Южных штатов», разыгрывала соответствующие сцены. Ева даже убедила Гитлера посмотреть этот фильм, и он под впечатлением эпизодов войны между Севером и Югом с отчетливо выраженной расистской тенденцией дал разрешение на его показ в Германии.

Какое-то время Ева говорила только о Кларке Гейбле: «Какой мужчина, настоящий герой, а какая внешность!» Она хранила у себя его фотографии и потребовала, чтобы фильм ей показывали не реже одного раза в неделю. Гитлер приревновал ее к актеру, в ярости отменил свое предыдущее указание и распорядился отослать фильм обратно на киностудию «Метро-Голдвин-Майер». Обосновал он это необходимостью экономить валюту.

Ева потребовала, чтобы для нее лично провели телефонный кабель, соединяющий квартиру на Гогенцоллернштрассе с рейхсканцелярией. Установку телефонного аппарата в спальне она объяснила отцу тем, что, дескать, постоянно должна созваниваться с Гофманом. Но Фриц Браун никак не мог понять, почему никому, кроме Евы, не разрешалось пользоваться этим телефоном и почему, услышав звонок, его дочь спешно запирала дверь или даже забиралась под одеяло.

То обстоятельство, что Ева после рабочего дня далеко не всегда возвращалась домой, также крайне возмущало родителей. Мать жаловалась обеим дочерям: «Почему Ева не говорит, где она и с кем встречается?» Отец бил кулаком по столу: «В кино — в такое время! Молодая девушка должна быть дома не позже десяти часов вечера! Что, она ночует у подруги? Ну это вы кому-нибудь другому расскажите!»

В Берхтесгадене Гитлер обычно поселял Еву сперва в отелях «Пост» или «Берхтесгаденер Хоф», а затем в расположенной неподалеку от его виллы горной гостинице «Илагтерхоф», в которой потом размещалась Центральная база отдыха американских войск в Германии.

В это время из монастырского пансионата вернулось младшая сестра и в квартире Браунов стало довольно тесно. К тому же тайные телефонные разговоры с Берлином требовали уединения. Поэтому однажды Ева неприятно поразила своих близких, заявив: «Я решила переехать в собственную квартиру, Я

совершеннолетняя и располагаю достаточным количеством денег, Ильзе и Гретль могут жить у меня».

Ильзе уже о многом догадалась и отвергла предложение сестры, боясь, что ее заподозрят в пособничестве любовной связи Евы с Гитлером. Гретль же вообще еще ничего не подозревала и с радостью согласилась.

Идея поселить Еву с кем-либо из ее сестер или даже с обеими принадлежала Гитлеру. Где-то в глубине души он сохранил психологию мелкого буржуа и потому требовал внешнего соблюдения приличий. Арендную плату Гитлер тайно вносил через официального работодателя Евы и своего старого друга Генриха Гофмана. Трехкомнатная квартира, в которую Ева, согласно записи в регистрационном журнале полицейского участка, въехала 9 августа 1935 года, находилась на Виденмайерштрассе. Мебель пришлось купить в рассрочку, на стенах не висело ни одной картины, а белье и посуду Еве пришлось одолжить у матери. Для обслуживания сестер Гофман нанял пожилую венгерку.

К величайшему разочарованию своей возлюбленной, явно рассчитывавшей на нечто большее, Гитлер довольно редко появлялся у нее. Не желая, чтобы служанка или соседи случайно увидели его, он всегда приезжал очень поздно. Но даже в этих случаях большое количество полицейских, сразу же бравших дом в кольцо, привлекало всеобщее внимание, и Гитлер вскоре перестал посещать Еву.

Поэтому ей в новой, гораздо более комфортабельной квартире приходилось заниматься тем же, чем и на старой, — ждать любимого. Целыми днями она сидела у телефона, боясь пропустить его звонок.

Как-то ее родители отправились на прогулку к австрийской границе и с удивлением увидели там Еву.

«Папа, мама, какой сюрприз! Тут снимают фюрера, поэтому я тоже рядом с ним. Я непременно должна представить вас ему».

Американский юрист, также написавший книгу о Еве Браун, делает из этого инцидента некое подобие греческой трагедии. Оказывается, матери стало безумно стыдно, а отец, оправившись от неожиданности, отвел Гитлера в сторону и предъявил ему ультиматум: «Или вы женитесь на моей дочери, или…» Фриц Браун опроверг это и заверил, что все было совершенно не так. К тому же он терпеть не мог обсуждать свои семейные дела в присутствии посторонних, а уж тем более в кафе, где они встретили дочь. Франциска также заявила, что подобного рода утверждения — чистейшей воды абсурд.

Их встреча была недолгой, и Гитлер произвел на родителей

Евы довольно приятное впечатление. Он говорил о том, какая сегодня прекрасная погода, сказал, что у четы Браун замечательная дочь и в заключение поцеловал Франциске руку.

Однако прошло совсем немного времени, и у Фрица Брауна открылись глаза. Узнав о подлинных отношениях между его дочерью и Гитлером, он написал письмо, представляющее определенную историческую ценность. Оно свидетельствует, что даже в условиях тоталитарного режима в Германии нашелся человек, осмелившийся открыто выступить против Гитлера. Вот текст этого письма:

Мюнхен, 7 сентября 1935 года.

Глубокоуважаемый господин рейхсканцлер!

Мне крайне неприятно обременять Вас своими личными проблемами, а именно трудностями, возникшими передо мной как перед отцом семейства.

У Вас, как у фюрера германской нации, разумеется, совсем иные, гораздо более важные, чем у меня, заботы. Но поскольку семья является пусть самой маленькой, но зато и самой надежной ячейкой, на которой зиждется благополучие, благоустроенность и достоинство государства, я чувствую себя вправе просить Вас о помощи.

Моя семья в настоящее время фактически распалась, так как две мои дочери, Ева и Гретль, переселились в предоставленную Вами квартиру, а меня как главу семьи просто поставили перед совершившимся фактом.

Конечно, я и прежде часто выговаривал Еве, когда она после работы слишком поздно возвращалась домой, ибо я считал и считаю, что молодая особа после напряженного восьмичасового трудового дня ради сохранения собственного здоровья непременно должна отдохнуть в семейном кругу.

Кроме того, я придерживаюсь, наверное, уже несколько старомодного морального принципа: дети должны покидать отчий дом и уходить из-под опеки родителей только после вступления в брак. Таковы мои представления о семейной чести. Я уже не говорю о том, что очень тоскую без моих девочек.

Я был бы Вам в высшей степени признателен, глубокоуважаемый господин рейхсканцлер, если бы Вы с пониманием отнеслись к моей просьбе и в дальнейшем не стали бы поощрять склонность моей, пусть даже совершеннолетней дочери Евы к самостоятельной жизни,

а побудили бы ее вернуться в лоно семьи.

С величайшим уважением Фриц Браун.

Это письмо — яркое доказательство дипломатических способностей отца Евы. Будучи человеком предельно осторожным и очень расчетливым, он прекрасно понимал, что нельзя направлять его непосредственно адресату, ибо тогда оно может быть перехвачено лицами из ближайшего окружения Гитлера или просто вызвать бурную реакцию самого диктатора. Поэтому он попросил Генриха Гофмана передать письмо лично фюреру. Но тот был не менее осторожен и вручил его Еве Браун, которая порвала послание на мелкие кусочки. Отца же она сумела убедить в том, что Гитлер просто решил не отвечать на его письмо.

Фриц Браун, привыкший все делать основательно, на всякий случай снял с письма копию. Разумеется, он даже представить себе не мог, что эта копия станет однажды интересным историческим документом.

Двор в Оберзальцберге

Согласно одной из версий, Гитлер подростком купил в Линце лотерейный билет, твердо убежденный в том, что именно на него выпадет крупный выигрыш. За несколько недель до розыгрыша он уже представлял себе, как купит роскошную виллу, а затем внутри все перестроит и обставит заново. Однако билет оказался пустышкой, и Гитлер впал в депрессию и разозлился на весь мир. Впоследствии, получив сообщение о проигранной битве, он вел себя точно так же. Франц Етцингер, знающий историю детства и юности Гитлера, сидел с автором в одной из камер Венской тюрьмы, именуемой в просторечии Елизаветинской прогулкой. При обсуждении этого эпизода он усомнился в его достоверности, но автору он представляется вполне правдоподобным. Ведь любой из нас хоть раз в жизни строил воздушные замки. Гитлер, разумеется, с годами получил возможность осуществить свою мечту и выбрал местом своего обитания Берхтесгаден.

Правда, историю этой местности Гитлер и его приближенные полностью игнорировали. Редко и Ева Браун ходила здесь за покупками или сопровождала в церковь свою подругу Марион Шёнеман.

Резиденция Гитлера находилась на восточном склоне возвышавшейся к югу от Берхтесгадена горы Высокий Гелл на окраине деревни Оберзальцберг. Ее название произошло от расположенного у подножия горы огромного соляного рудника, где в годы войны от непосильного труда тысячами умирали заключенные концлагеря Дахау. Сам Гитлер называл свою огромную виллу «Бергхоф», остальные предпочитали говорить просто «Берг»[36].

В прошлом тут жили преимущественно бедняки, нанимавшиеся зимой работать на соляной рудник, дровосеки, браконьеры, а позднее контрабандисты, постоянно вступавшие в конфликт с законом. В 1877 году некая энергичная женщина, Маурициа Майер, приобрела в этом месте заброшенный надел с полуразвалившимся домом, отремонтировала его и открыла трактир «Платтерхоф». Его завсегдатаями стали чиновники среднего ранга, построившие поблизости небольшие виллы. На месте лачуги ветерана австро-турецких войн был воздвигнут отель «Тюркенхоф».

Ходили упорные слухи, что именно Маурициа Майер послужила прототипом Юдит Платтер, героини популярного романа Рихарда Фоса. Она вступила в запретную любовную связь с местным дворянином, рукоположенным в члены одного из

монашеских орденов. Несмотря на угрозу отлучения от церкви, Юдит осталась верна греховной любви и отказалась вернуть обручальное кольцо, полученное в обмен за ночь, проведенную с этим дворянином. В конце концов она бежала из Оберзальцберга в Доломитовые Альпы и там бросилась со скалы. Кольцо все же решили снять, но выяснилось, что оно не поддается, и пришлось отрезать палец. Ева Браун наверняка слышала эту легенду и, вероятно, даже прочла эту книгу, но могла ли она предположить, что ее судьба будет в чем-то схожа с судьбой героини романа?

В нескольких метрах от «Тюркенхофа» на северовосточном склоне горы коммерции советник Винтер в 1916–1917 годах построил виллу и назвал ее «Дом Вахенфельд». В 1925 году Гитлеру удалось убедить руководство партии и ее покровителей в необходимости снять для него эту виллу, чтобы он смог там «вести жизнь отшельника». Он как раз освободился из Ландсбергской тюрьмы и после отмены запрета НСДАП даже намеревался провести ее съезд в Берхтесгадене.

Местность он знал превосходно. Еще до Первой мировой войны он часто приезжал сюда по выходным, и именно здесь Дитрих Экарт свел его со стоявшим у истоков создания Национал-социалистической партии Антоном Дрекслером и одним из самых верных будущих соратников Гитлера, отстраненным, правда, потом на задний план, — Германом Эссером[37].

На гонорары за «Майн Кампф» — нельзя отрицать, что книга имела довольно большой успех, хотя сам автор был почти неизвестен, — и постоянно увеличивавшиеся субсидии из партийной кассы Гитлер не только смог купить «Дом Вахенфельд», но и перестроить и отделать его внутри в соответствии с собственными вкусами. Его сводная сестра Анжела Раубаль стала домоправительницей и после трагической гибели своей дочери Гели окончательно поселилась в Берхтесгадене. Она люто ненавидела Еву и иначе как «глупой гусыней» не называла. Впрочем, поначалу столь же неуважительно о ней отзывались многие из окружения Гитлера. Да и как иначе можно было относиться к девушке, буквально преследовавшей годящегося ей в отцы политического деятеля и своими чересчур демонстративными попытками самоубийства ввергавшей в смятение собственную семью?

Анжела Раубаль постоянно натравливала сводного брата на Еву и всегда находила повод унизить ее, К ее приезду в Оберзальцберг все комнаты вроде бы случайно оказывались занятыми, и Еве ничего не оставалось, как ночевать в «Платтерхофе» или в другой местной гостинице. Примыкавший к

вилле Гитлера отель «Тюркенхоф» в 1933 году был немедленно конфискован. В нем разместились сотрудники местного отделения гестапо и офицеры Имперской службы охраны.

Анжела всячески старалась не обмениваться рукопожатиями с Евой и упорно называла ее просто «сударыней», а не «милостивой государыней», стремилась не замечать Еву и под любым предлогом не давала ей уединиться с Гитлером.

Руководствовалась она, естественно, отнюдь не моральными соображениями. Ее совершенно не интересовали прогуливавшиеся вокруг виллы девушки, которым ее сводный брат или его адъютанты уделяли повышенное внимание. Обычно их приглашали на чашку чая с приготовленными Анжелой пирожными, фюрер нежно поглаживал их руки, и они, счастливые и вдохновленные, возвращались домой. Ежедневно тысячи людей стекались к «Дому Вахенфельд», ставшему для них эдакой «священной горой». Часами они стояли под палящим солнцем или по колено в снегу в надежде увидеть фюрера. Своей настойчивостью они напоминали паломников, по воскресеньям собирающихся в Риме возле собора Святого Петра в ожидании благословения папы. Особое упорство проявляли женщины, уходившие только с наступлением темноты.

Рядовые немцы от души восхищались не только доступностью Гитлера, но и его нарочито простым образом жизни. Его вилла на первых порах не поражала роскошью. Она представляла собой обычный загородный дом в баварском стиле с кладкой из тесаного камня на первом этаже, деревянной верхней частью и круговой галереей. Позднее к нему была пристроена терраса.

Гитлер выбрал для своей обители северо-восточную сторону горы, потому что именно оттуда открывался изумительный вид на Зальцбургскую долину и заснеженные вершины Австрийских Альп. Неподалеку над пропастью парили коршуны и орлы, а с другой стороны горы отчетливо виднелись серебристые воды озера Кёнигсзее, где можно было купаться и плавать на парусной лодке.

Но у этой местности был один существенный недостаток. В сумерки дом накрывали огромные тени гор и сразу становилось очень холодно. Поэтому даже летом приходилось разжигать камин. Красноватые отблески дрожащего пламени магнитом притягивали к себе женщин. «Наши задницы уже на жаркое похожи», — шутливо заметила как-то Ева Браун.

Гитлер любил изображать из себя страстного защитника природы. Он тщательно следил за тем, чтобы при возведении даже небольшого строения не пострадало ни одно дерево, и приказал снести несколько домов, заслоняющих ему вид на не

столь уж далекую родину. Он очень заботился о сохранности местной фауны, и Борман, чтобы угодить ему, запретил окрестным жителям держать кошек и собак. Гитлер также пожелал, чтобы одна из гор носила название Мольтке, так как ее очертания напоминали ему профиль знаменитого военачальника времен франко-прусской войны. Отвесная скала прямо напротив горы Кельштейн носила название Мавзолей, ибо Гитлер хотел, чтобы его похоронили именно в ней. В начале 1936 года Гитлер решил перестроить свое скромное имение. Теперь он располагал колоссальными финансовыми ресурсами и понимал, что ему — главе имперского кабинета министров — проводить дипломатические переговоры надлежит в соответствующей обстановке. Он стремился как можно реже бывать в Берлине, однако испытывал потребность в общении с большим количеством людей. Поэтому ему захотелось сделать их пребывание в глуши комфортным. Во всяком случае, именно такие аргументы он приводил Гессу и Борману. На самом деле он просто получил возможность претворить в жизнь заветную мечту своего детства. Но Гитлера нельзя сравнивать с Фридрихом Великим, построившим восхитительный дворец Сан-Суси. В душе он по-прежнему оставался неимущим мелким буржуа.

Осуществив свою мечту, Гитлер незамедлительно удалил из Берхтесгадена Анжелу Раубаль, даже не предоставив ей ради приличия хоть немного времени на сборы. С тех пор после своего поспешного отъезда из Берхтесгадена она больше практически не виделась с братом, провела остаток жизни в Вене и была вынуждена довольствоваться небольшой пенсией. Разумеется, она объявила себя жертвой интриг, но на самом деле сводный брат просто отплатил Анжеле за унижения, которым в свое время его подвергли сестра и ее муж. В конце концов Анжела Раубаль вышла замуж за дрезденского архитектора, погибшего на Восточном фронте.

Избавившись от мешавшей ему сводной сестры, Гитлер лично спроектировал спальню, будуар и ванну для Евы. Когда отделка новых помещений закончилась, он официально предложил Еве стать хозяйкой на его вилле в Оберзальцберге.

У Евы, правда, были ключи только от ее комнаты. Ее совершенно не интересовало, что происходит на кухне, она никогда не указывала обслуживающему персоналу, что ему надлежит делать, так как терпеть не могла заниматься домашним хозяйством. Эти заботы целиком легли на плечи Маргариты Митльштрассер, которая была по-собачьи предана Еве. Деринг и его жена решали все административные вопросы, одна из кухарок. Лили, раньше работала в «Остерии», другая, госпожа

Шафлиц, превосходно готовила для Гитлера диетические блюда, и у Евы хватало ума не вмешиваться в их деятельность.

Во время проведения Гитлером оперативного совещания или совещания с участием видных партийных руководителей, при появлении каких-либо важных особ Ева должна была немедленно удалиться в свои апартаменты. Это в каком-то смысле ставило ее в довольно унизительное положение. Тем не менее все лица из ближайшего окружения Гитлера относились к ней с подчеркнутым уважением. Даже Борман боялся раздражать ее. В 1936–1945 годах она фактически, за редкими исключениями, не выезжала из «Бергхофа» и смогла настоять на том, чтобы Герда и Гретль в любое время могли приехать и поселиться рядом с ней. Кроме того, она регулярно приглашала к себе своих друзей и знакомых.

«Бергхоф» достаточно подробно описан во многих известных произведениях. До сих пор перед глазами стоит фотография двух эсэсовцев в касках, неподвижно, словно статуи, застывших возле наружной лестницы. Отметим только, что все строительные работы проводились под руководством берлинского архитектора профессора Роберта Фика с использованием таких дорогих материалов, как каррарский мрамор, богемский кирпич и изысканные породы деревьев. Разумеется, после их закупки и без того не слишком большие валютные резервы Германии сильно уменьшились. Сверстница Евы, секретарша Гитлера Траудль Юнге, следующим образом описывает свои впечатления от «Бергхофа»: «Моя комната находилась под самой крышей бывшего «Дома Вахенфельд». Из нее по винтовой лестнице можно было спуститься в застекленную прихожую, напротив которой располагался огромный салон с выложенным поразительно красивой зеленой плиткой камином. Столовая представляла собой вытянутый зал, посредине стоял длинный стол и 24 кресла. На облицованных панелями из соснового дерева стенах висели лампы в плафонах из кованого железа. Колоссальных размеров стенной шкаф и роскошные вазы несколько скрашивали довольно однообразный стиль обстановки.

В холле мне особенно нравились развешанные на стенах зеленые ковры. Ева Браун, всегда хотевшая произвести впечатление сведущей в искусстве женщины, говорила, что это настоящие гобелены.

Перед демонстрацией фильма ковры автоматически поднимались к потолку, сверху спускался экран, на противоположной стороне сдвигалась облицовка и из отверстия чуть-чуть высовывался объектив проектора. Холл был обставлен в готическом стиле. Про камин Ева сказала, что это подарок

Муссолини.

На втором этаже, где жил фюрер, царила мертвая тишина. Меня всегда заставляли снимать туфли. Но как бы я ни старалась ступать бесшумно, лежавшие у дверей спальни Евы скотчтерьеры Штази и Негус при моем приближении тут же поднимали головы. Спальня их хозяйки соединялась со спальней Гитлера огромной туалетной комнатой с ванной из мрамора и позолоченными кранами. Комнаты напротив предназначались для шофера Гитлера и его камердинера».

Судя по фотографии, комната Евы была обставлена не слишком изысканно. На стене висела картина с изображением голой женщины. По слухам, ее писали с самой Евы. Напротив — портрет Гитлера. Рядом с кроватью на туалетном столике телефонный аппарат цвета слоновой кости.

В спальню Гитлера мало кто имел доступ, обстановка в ней была подчеркнуто скромная: шкаф в баварском стиле, небольшой столик и самая обычная кровать. Повсюду разбросаны книги. На широкий балкон имела право выходить только Ева. Утверждали, что Гитлер по ночам подолгу смотрит с этого балкона на звезды.

Траудль Юнге поведала автору, что в Берхтесгадене чувствовала себя довольно неуютно. «Там была какая-то гнетущая атмосфера. Нельзя было расслабиться. Нормально я себя чувствовала только в библиотеке на втором этаже. Она была обставлена в крестьянском стиле. Всем обитателям виллы разрешалось пользоваться книгами. Здесь имелось множество произведений мировой литературы, которые, по-моему, никто не читал, мемуары знаменитых и не очень путешественников, альбомы и, конечно же, великое множество переплетенных в сафьяновую кожу экземпляров «Майн Кампф».

Вначале земля в Берхтесгадене стоила довольно дешево. Когда же после назначения Гитлера рейхсканцлером цены на нее резко возросли, многие владельцы тамошних земельных участков, поначалу не скрывавшие своей антипатии к новому соседу, сразу резко изменили свое отношение к нему. Но ненадолго. Гитлеру не хотелось, чтобы кто-либо из посторонних нарушал его уединение. Он поручил Рудольфу Гессу позаботиться о докучливых соседях. Заместитель фюрера по руководству партией скупал на деньги из партийной кассы земельные угодья по ценам, назначаемым их хозяевами. Затем этим занялся Мартин Борман, который славился тем, что никогда не упускал своей выгоды. Угрожая судебным преследованием, он принуждал владельцев домов и земельных участков продавать их по заниженным ценам. Правда, услугами судей и судебных исполнителей он пользовался довольно редко, предпочитая расправляться с непокорными с

помощью эсэсовцев. Они могли, к примеру, внезапно перекрыть вход в деревенский ресторан, в доме неожиданно погасал свет — в конце концов несговорчивому хозяину приходилось соглашаться на предлагаемые условия. Борман затем продавал участки, но уже по необычайно завышенным ценам высокопоставленным деятелям Третьего рейха. Подобно придворным Людовика XIV, они также хотели наслаждаться жизнью и обитать неподалеку от своего повелителя. Особенно внушительное впечатление производила вилла Геринга, но сам он появлялся там крайне редко. Геббельс, любивший изображать из себя бедного родственника, удовлетворился бывшим загородным домом четы Бехштейн. В его главном строении обычно жил Муссолини во время своего пребывания в Берхтесгадене. Борман выбрал себе виллу, внешне выглядевшую довольно скромно. Зато ее внутреннее убранство было весьма изысканным. Именно сюда перебиралась Ева Браун, если в «Бергхоф» прибывал какой-нибудь видный зарубежный государственный деятель. По соседству Борман приобрел крестьянский надел с сохранившимся вплоть до наших дней домом и снабжал «Бергхоф» молоком, маслом и овощами. По совету профессора Морелла он также разводил там шампиньоны, стоившие тогда баснословных денег. Морелл настоятельно рекомендовал Гитлеру грибную диету, но тот наотрез отказался из-за боязни отравления.

Жажда уединения отнюдь не помешала Гитлеру предоставить своим почитателям возможность за символическую плату — одна рейхсмарка в день — поселиться неподалеку от него в весьма комфортабельном отеле. Борману поручили восстановить «Платтерхоф». Несмотря на его почти безграничные возможности доставать дефицитные материалы, восстановительные работы сильно затянулись и не были завершены даже к началу войны. А провозглашенная высокая идея предоставить отель в распоряжение простых людей просто игнорировалась: в нем останавливались, помимо гауляйтеров и сотрудников аппарата НСДАП, только подруги Евы Браун. В конце войны в «Платтерхофе» открыли военный госпиталь. Американцы устроили там базу отдыха для своих военнослужащих с непременной площадкой для гольфа. Допуск же в него имели только офицеры и известные политики. Колесо истории вращается, но все, в сущности, остается по-прежнему…

Накануне Второй мировой войны попасть в Оберзальцберг без специального пропуска было практически невозможно. Виллу Гитлера с прилегающими строениями окружили метровой оградой из колючей проволоки и объявили запретной зоной. В дальнейшем колючая проволока опоясывала уже всю местность.

Снаружи территорию охраняла местная полиция, внутри — сотрудники уголовной полиции и Имперской службы охраны под руководством генерала СС Раттенхубера. Позднее в Берхтесгадене построили просторные казармы для прибывшего из Берлина пресловутого военизированного формирования «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Его регулярно сменяемые солдаты и офицеры носили нарукавные повязки с соответствующей надписью и по ночам с автоматами патрулировали местность. Им было дано указание при малейшем подозрении стрелять без предупреждения, а уже потом задавать вопросы. Они руководствовались зловещим призывом Бормана, во всеуслышание заявившего: «Министерский мундир еще не повод разгуливать здесь». Любопытно, что в пропуске Евы Браун было написано «секретарша», а ее сестры и подруги считались «гостями фюрера».

Чем хуже становилось положение на фронтах, тем сильнее ужесточался режим обеспечения безопасности. Были приняты поистине драконовские меры. Правда, для них имелись вполне определенные основания. Примерно за год до знаменитого покушения на Гитлера 20 июля 1944 года аналогичную попытку предприняли в окрестностях Берхтесгадена. На учениях при личном досмотре в ранце одного из солдат обнаружили бомбу. Борман, превративший Оберзальцберг в одну сплошную стройплощадку, был вынужден отослать обратно всех иностранных рабочих, которых одно время насчитывалось здесь не менее пятисот. Чехи, поляки, позднее украинцы, а на завершающей стадии итальянцы жили в ужасающих условиях и фактически не получали никакой платы.

Многие настойчиво убеждали автора в том, что на строительстве различных объектов в Оберзальцберге никогда не использовался труд узников концлагерей. Волею случая автор еще во время войны убедился в обратном. В декабре 1944 года его везли под конвоем после многочасового допроса в Вене обратно в Дахау в купе обычного пассажирского поезда, который из-за внезапного воздушного налета вынужден был остановиться неподалеку от Берхтесгадена. Ранее они проехали горящий Мюнхен с заваленными трупами улицами, и потрясенная увиденным попутчица во время вынужденной остановки внезапно разговорилась. Она доверительно сообщила, что ее муж служит в СС и что их часть дислоцирована в Оберзальцберге. «Там много заключенных из концлагерей. Им приходится проводить взрывные работы для прокладки туннелей в скалах и возводить фундамент. А СС для того, чтобы внушать страх заключенным и иностранным рабочим. Они ведь беспощадны к тем, кто опаздывает или

работает с ленцой. За малейшие упущения тут же отправляют обратно в концлагерь». Она рассказала также, что часто видела Еву Браун. «Она одевается, как дама из высшего света. Но в горах это выглядит довольно смешно. С нами она редко разговаривала и вообще держалась очень надменно. Мы прозвали ее Веселой вдовой».

Эсэсовцы жили в Оберзальцберге в весьма комфортабельных условиях. Продукты, напитки и табачные изделия только формально выдавались по карточкам. На самом деле их потребление никак не ограничивалось. В распоряжении эсэсовцев были весьма комфортабельные общежития, спортивные площадки и даже детский сад. Гитлер позаботился буквально обо всем. Но ему даже в голову не пришло создать в Оберзальцберге территориальное отделение НСДАП.

Один день в «Гранд-отеле»

«Подожди в библиотеке, я сейчас представлю тебя», — сказала Ева. Она ушла, а мне стало очень стыдно за свое платье с кружевами, отороченное мехом крота. Обычно я надевала его перед выступлениями на танцевальных конкурсах, но в этот момент оно показалось мне слишком коротким. Кроме того, я не знала, куда девать руки, и хотела курить, а Ева строго-настрого запретила даже думать об этом». Так Ильзе Браун описала автору свой первый визит в Оберзальцберг. Она приехала туда в сочельник — в единственный праздник, торжественно отмечавшийся в «Бергхофе». Только тогда Еве разрешалось появляться на людях в экстравагантном вечернем платье, из-за которого она нервничала и великое множество раз ездила на примерки. Правда, огромная сумма в рейхсмарках ее совершенно не смущала.

Однако сестры даже не предполагали, что последний раз празднуют сочельник в мирное время.

Рождество Гитлер никогда не отмечал. Как правило, в эти дни он находился в отъезде, встречался с единомышленниками или просто уединялся в своей мюнхенской квартире.

«Гитлер вышел во фраке, чтобы все видели, насколько серьезно он относится к предстоящему торжеству. В свое время Ева с большим трудом уговорила его уделять гораздо большее внимание внешнему виду. «Посмотри на Муссолини, — говорила она, — у него снова новая форма, а ты все никак не расстанешься с этой дурацкой фуражкой. Ты же в ней на почтальона похож!» Она попросила его никогда больше не носить темные галстуки и темные ботинки и заставила камердинеров ежедневно гладить ему костюмы. Вплоть до начала войны Гитлер носил в Оберзальцберге только штатскую одежду. Ева постоянно попрекала его тем, что он не умеет причесываться (его прядь ей не нравилась) и в очередной раз порезался во время бритья. Гитлер обычно отвечал: «Да при бритье проливается больше крови, чем на полях сражений».

Гитлер взял меня за руку, поднес ее к губам и проникновенно сказал: «Все сестры Браун — красавицы».

Он извинился за то, что предоставленная в мое распоряжение комната далеко не самая удобная в «Бергхофе», и попросил меня чувствовать себя как дома. Признаюсь, я думала, у него гораздо более выразительная внешность. Уж больно много повсюду выставлено его медных бюстов, и сравнение с ними оказалось не в его пользу. Движения его были порывистые, резкие, очень

нервные, не слишком мужские, но, в общем-то, красивые. От его взгляда меня бросило в пот. Я даже не осмелилась сказать «спасибо».

За немногими исключениями все гости принадлежали к числу приближенных Гитлера. Помимо адъютантов, секретарш и подруг Евы и нашей сестры Гретль, в этот круг входили бывший чемпион мира по боксу Макс Шмеллинг с женой, известная чешская актриса Анна Ондра, терапевты доктор Морелл и доктор Брандт, зубные врачи Блашке и Рихтер, имперский руководитель печати Дитрих со своими сотрудниками Лоренцом и Берндтом, Мартин Борман и его брат Альберт, о котором тогда мало кто знал. Он был одним из адъютантов Гитлера и не разделял взглядов Мартина, при всех обращавшегося с ним как с мальчиком на побегушках. Но Гитлер, подобно римским императорам, придерживался принципа «Разделяй и властвуй» и потому продолжал держать его при себе.

Я хорошо помню, как Гитлер с жадностью поглощал большие порции икры. Шампанское было исключительно немецкое. На посуде и столовых приборах выгравированы две большие буквы «А» и «Г». После праздничного ужина устроили фейерверк. Для этого из Берлина специально пригласили заведующего всем обширным хозяйством Гитлера Вилли Канненберга. Под большим секретом он сообщил мне, что на запуск в небо цветных огней потрачено свыше девяноста четырех тысяч рейхсмарок. Но, на мой взгляд, сумма была явно завышена, и две жалкие хлопушки уж точно не стоили таких денег. Как объяснила мне потом Ева, ни о каких танцах даже речи быть не могло, ибо Гитлер терпеть их не мог и она напрасно пыталась научить его хоть немного вальсировать. После фейерверка Гитлер вышел в прихожую и встал между светильниками. Гости и обслуживающий персонал поочередно подходили и поздравляли его. Затем он вместе со всеми занялся традиционным отливом из свинца фигурок людей и животных. Однако собственные изделия пришлись ему явно не по душе. Он тяжело опустился в кресло возле камина, нехотя и односложно отвечал на вопросы и весь остаток вечера неотрывно смотрел на огонь. Ева была очень встревожена его состоянием.

После их ухода атмосфера несколько разрядилась. Можно было без стеснения пить шампанское или коньяк. Канненберг довольно хорошо играл на аккордеоне. (Даже в Сочельник в «Бергхоф» никогда не приглашали оркестр.) Я спустилась в подвал, где стоял кегельбан. Моя сестра обожала эту игру, Гитлер же один раз попробовал, ни разу не попал ни в одну лунку, и с тех пор его нельзя было заставить даже прикоснуться к кеглям».

По словам Ильзе Браун, по утрам в «Бергхофе» царила полная

тишина. «Сестра попросила меня не принимать в эти часы ванну, поскольку плеск воды гулко отзывается в бетонных стенах, Гитлер же в первой половине дня особенно нуждался в покое, так как очень поздно засыпал. К завтраку он спускался крайне редко».

Лишь к полудню, когда солнце уже стояло высоко над горой Кельштёйн, «Гранд-отель» — так Ева называла «Бергхоф» — постепенно оживал. Перед роскошной лестницей, визжа тормозами, останавливались автомобили, часовые в форме войск СС лихо брали на караул, в холле толпились высокопоставленные чиновники и партийные деятели, которых в годы войны постепенно оттеснили на задний план генералы всех родов войск.

Никто из ближайшего окружения Гитлера — и уж тем более Ева Браун — не имел права присутствовать на оперативных совещаниях или обсуждении политических проблем. Четко установленного срока окончания этих совещаний не существовало. Они заканчивались только тогда, когда этого хотел сам Гитлер. «Этот человек никогда не испытывал чувства голода, — отмечает чрезвычайно наблюдательная Траудль Юнге, которую автор считает своим самым надежным источником. — Очень часто он садился за стол лишь после четырех часов».

Гитлер иногда посмеивался над двумя черными собачками Евы, называя их «огородными пугалами». «А твоя Блонди, — парировала Ева, не терпевшая, когда ее публично высмеивали, — чистейшей воды корова». С принадлежавшими Еве скотчтерьерами действительно были шутки плохи. Интересно, что Гитлер запретил фотографировать его с ними. В свою очередь, Ева не любила Блонди, и овчарку приходилось оставлять в спальне или в загоне. Но иногда по вечерам в атмосфере всеобщего благодушия Гитлер, подарив Еве какое-нибудь украшение и пообещав еще одну поездку в Италию, делал ее более сговорчивой.

«Надеюсь, Ева, ты не будешь против, если несчастная Блонди на полчасика спустится к нам?» Ева с улыбкой кивала головой и жестом приказывала лакею запереть Штази и Негуса в ее комнате. Другой лакей приводил Блонди, и овчарка, радостно повизгивая, ложилась у ног своего хозяина.

При одной только мысли о том, что едва ли не самый жестокий из европейских тиранов смиренно просит у почти никому не известной женщины разрешения пообщаться со своей любимой собакой, а за четверть часа до этого он может приказать своим войскам перейти границу иностранного государства или росчерком пера отправить в концлагерь несколько тысяч человек, — создается ощущение полного абсурда. Но ведь вся жизнь в «Гранд-отеле» в Берхтесгадене была в сущности

бессмысленной и нелепой.

Гейнцу Линге, одновременно выполнявшему обязанности метрдотеля и личного камердинера Гитлера, было поручено сообщать какой-либо из дам, что сегодня именно ее Гитлер поведет к столу. Один из ординарцев подробно инструктировал присутствующих, как им надлежит рассесться за столом. Наконец Линге голосом профессионального мажордома громко объявлял: «Мой фюрер, кушать подано!»

Гитлер лично следил за расположением блюд и столовых приборов, и не дай Бог, если, например, вилки лежали неровно. На обоих концах стола стояли солонки и перечницы из богемского стекла. В свою очередь, Ева проверяла, правильно ли расставлены цветы. Перед тем как разложить аккуратно сложенные салфетки по конвертам, на них писали имена гостей.

Гитлер требовал, чтобы суп был непременно горячим и чтобы гости съедали все до конца. Тарелки с остатками еды он запрещал убирать.

К столу Еву всегда вел Мартин Борман, как бы подчеркивая тем самым ее истинное положение. Она сидела справа от Гитлера напротив окна, спиной к которому обычно садился какой-нибудь почетный гость. На закуску подавали салат, а затем уже остальные блюда. Один из лакеев учтиво осведомлялся, какие именно напитки предпочитает тот или иной гость. Гитлер недовольно морщился, но никогда не мешал приглашенным пить пиво или рейнские вина. Он и Ева ограничивались минеральной водой или яблочным соком. В Хольдкирхене для Гитлера варили особое пиво с двухпроцентным содержанием спирта, хотя заказывал он его крайне редко. Однако нельзя утверждать, что Гитлер напрочь отвергал алкоголь. Иногда он заявлял, что сильно замерз, и подливал в чай немного коньяка.

По приказанию Гитлера в меню не употребляли ни одного иностранного слова. Еда была довольно скромной, но зато отменного качества. Овощи выращивались в специальной оранжерее, где ростки поливались водой из горных родников. Для Гитлера готовили отдельно: он был ярым вегетарианцем и говорил, что люди, употребляющие в пищу мясо, столь же жестоки и беспощадны, как и дикие звери. Больше всего Гитлер любил обильно политую растительным маслом печеную картошку с творогом… Ева подтрунивала над ним, а сама постоянно сидела на диете и очень заботилась о своей фигуре. Гитлер любил поддразнивать ее: «Когда мы познакомились, ты была такая славная, такая пухленькая, а сейчас ты на сушеную сардину похожа. Женщины заявляют, что хотят нравиться мужчинам, а затем делают все вопреки их вкусу. Сперва они прилагают

огромные усилия, чтобы завоевать их сердца, а потом становятся рабынями моды. У них только одно на уме — возбудить в подругах ревность».

За столом говорили о чем угодно, только не о политике — Гитлер отпускал дамам комплименты и подшучивал над личным представителем Риббентропа Хевелем, которого он любой ценой хотел женить на одной из сестер Евы. Больше всего он любил разговоры о красивых женщинах. Так, например, Гитлер неоднократно подчеркивал, что герцогиня Виндзорская почти не пользуется косметикой (он терпеть не мог женщин с «боевой окраской»), но Ева не слушала его, ярко красила губы и покрывала лицо толстым слоем пудры. Гитлер также откровенно восхищался платьями с глубоким вырезом, которым отдавала предпочтение знаменитая киноактриса Зара Леандер, и мог без конца обсуждать внешние данные супруги болгарского царя Бориса, сравнивая ее с женами кого-либо из своих министров. Ева же старалась перевести разговор на другую тему. Ей больше нравилось обсуждать модные фильмы или спектакли.

Известно, что Гитлер не терпел возражений, однако с пониманием относился к претензиям хорошеньких молодых особ. Например, Ильзе чаще, Гретль реже пытались доказать ему, что никотин не так уж вреден для здоровья. В ответ он лишь снисходительно покачивал головой. Без последствий остались также дерзкие слова приехавшей из Вены подруги Евы Марион Шёнеман, проявившей неслыханную по тем временам смелость.

Как-то в воскресенье она вернулась из церкви, и Гитлер с усмешкой спросил: «Наверное, многие пришли лишь для того, чтобы полюбоваться вашей шляпой?» Марион, не обращая внимания на его тон, спокойно ответила: «Внутри яблоку негде было упасть. Как только партия начала убеждать людей не ходить в церковь, народу там все больше и больше».

В другой раз она без тени смущения сказала: «Люди недовольны, в магазинах ничего нет. А вы невесть чем занимаетесь. Зачем вы изгоняете монахинь из монастырей? Слушайте, господин Борман, перестаньте наступать мне на ногу, мне больно… Понимаете, мой фюрер, мало того, что несчастные вынуждены обходиться без мужчин, так вы еще норовите у них последнее отобрать… Нет, господин Борман, хватит, а то вы мне своими сапожищами новые туфли испортите…»

Гитлер улыбнулся. Никакой реакции с его стороны не последовало, и Марион по-прежнему регулярно приглашали в «Гранд-отель».

Застолье обычно продолжалось не более часа. Затем все присутствующие собирались на прогулку. Гитлер набрасывал на

плечи клеенчатый плащ, надевал фетровую шляпу, брал в руки трость, приказывал привести Блонди, брал ее на поводок и вместе с гостями направлялся к «Чайному домику». Его не следует путать с воздвигнутым на вершине Кельштейна величественным строением, которое офицеры занявшей Берхтесгаден французской дивизии метко окрестили Орлиным гнездом.

«Чайный домик» представлял собой расположенный напротив «Бергхофа» на холме Моссланеркопф небольшой павильон, состоявший из двух смежных комнат, прихожей и отдельной комнаты для дам, из окон которой открывался великолепный вид на Зальцбург с его домами-башенками в стиле барокко.

Зимой в домике было приятно сидеть у камина, смотреть на потрескивающие в огне поленья и мелкими глотками неторопливо пить кофе с ликером и пирожными. Гитлер, правда, не любил кофе, предпочитая ему заваренный на яблоках чай. Говорили о чем угодно, только не о политике. Ева, заметив в углу кипу одеял, предложила дамам сшить из них лыжные костюмы. Борман рассказывал, как трудно разводить пчел. Оказывается, он вознамерился обеспечить медом весь Берхтесгаден, но пчелиные матки, как назло, то и дело улетали. Гитлер заводил разговор о своих планах на будущее.

Он постоянно жаловался на бессонницу, тем не менее часто начинал дремать в своем кресле.

Однажды уютную атмосферу «Чайного домика», с такими ее типично буржуазными атрибутами, как сон после еды и неторопливая беседа ни о чем, нарушило появление одного из адъютантов, сообщившего о бегстве Рудольфа Гесса в Англию. Гитлер в ярости распорядился немедленно вызвать случайно оказавшегося в Берхтесгадене адъютанта Гесса и пригрозил расстрелять его на месте. Он хотел бросить в концлагерь жену Гесса Ильзе и их сына Вольфа Рюдигера. Но тут вмешалась Ева и убедила Гитлера отменить свое решение, хотя, как она сама призналась, Рудольф Гесс «производил очень странное впечатление».

Отношения Евы Браун с женами паладинов Гитлера[38] не отличались теплотой. Аннели фон Риббентроп вообще не замечала её и обычно с величественным видом проходила мимо. «От рождения несчастная женщина», — говорила о ней Ева. Эмми Геринг, считавшая себя «первой дамой Третьего рейха», принадлежала к числу тех, кто руководствовался девизом «Еву Браун нужно убрать». В своих мемуарах она утверждает, что сблизиться им не позволил Гитлер. В действительности же Гитлер совершенно не вмешивался в личную жизнь Евы и только настаивал на уважительном отношении к ней. «Ева еще слишком

молода и неопытна, чтобы быть первой дамой, — недвусмысленно подчеркнул он в разговоре с Герингом, — но это единственная женщина в моей жизни, и, когда я после войны отойду от дел и удалюсь в Линц, она станет моей женой».

Эмми Геринг с этим категорически не соглашалась, поскольку на дух не переносила соперниц. Как-то она пригласила к себе на виллу всех проживавших в Берхтесгадене женщин, включая секретарш и даже парикмахершу Милли Шелмор. В составленном в алфавитном порядке списке приглашенных фамилия Браун почему-то оказалась в самом конце. Такого оскорбления Гитлер не стерпел. Он немедленно позвонил Герингу и заявил, что запрещает его жене даже приближаться к Еве Браун. В дальнейшем Эмми никогда больше не видели в «Бергхофе» и не удивительно, что Ева всякий раз недовольно кривила рот, когда о ней заходил разговор.

К Магде Геббельс Ева просто ревновала Гитлера. Она не могла простить красавице жене министра пропаганды чрезмерного внимания к ней Гитлера. Особенно Еве не понравилась ситуация, когда муж Магды увлекся чешской актрисой Лидой Бааровой, а оскорбленная жена попросила у Гитлера прибежища и потребовала развода. Гитлеру удалось успокоить ее. Магда довольно часто выражала свое презрение Еве, подчеркивая, что гораздо умнее и образованнее ее. Однажды она заявила, что «воспитывалась в аристократическом пансионате» и выучила там несколько фраз по-французски.

«Но в нашем монастыре, дорогая госпожа Геббельс, — перебила ее Ева, — мы постоянно говорили на французском». В доказательство она, к большому неудовольствию Магды, четверть часа говорила по-французски. Гитлер, хотя ничего не понимал, однако слушал с довольным видом.

В одном из своих писем Ева написала: «Госпожа Геббельс передала мне благодарность за цветы через секретаршу. По-моему, это очень невежливо».

Позже Ильзе Браун рассказала: «Как-то вечером Ева беседовала с госпожой Геббельс в ее комнате. Магда была в положении и внезапно, прервав беседу, сказала: «Фрейлейн Ева, будьте любезны, завяжите мне ботинки, я не могу наклониться». Вместо ответа Ева позвонила и, когда горничная вошла, приказала: «Лизль, завяжите, пожалуйста, шнурки госпоже министерше». Затем Ева вышла из комнаты».

Напротив, с женами Шпеера и Бормана у нее установились очень хорошие отношения. Последнюю она даже называла своей подругой. Герда Борман была почти постоянно беременной, она родила 10 детей и, естественно, не имела свободного времени.

Еве с трудом удалось сфотографировать ее в нормальном состоянии. Она неоднократно обвиняла Бормана в жестоком обращении с женой и детьми и даже пожаловалась на него Гитлеру. Борман как-то при всех выпорол одного из своих сыновей. Он бегал чуть ли не за каждой юбкой в Берхтесгадене и его окрестностях. Сестры и подруги Евы заверили автора, что она ненавидела Мартина Бормана. Правда, его никто не любил, и тут Ева не была исключением, но она была достаточно проницательной и прекрасно понимала, Борман — «deus ex machina»[39] Гитлера и что он своим умением плести интриги может даже погубить ее. Вплоть до самого конца она не прекращала борьбы за усиление своего влияния на Гитлера, однако никогда не прибегала к крайним средствам. Сестры Браун утверждают, что при желании Ева сумела бы убрать Бормана, хотя автор в этом сомневается.

Около шести часов Гитлер в своем «фольксвагене» с Блонди на переднем сиденье возвращался в «Бергхоф». Ева и остальные проделывали тот же путь пешком.

Перед ужином все собирались в холле. Ева обычно выглядела элегантнее всех. Она переодевалась от шести до семи раз в день и выходила всегда с полным набором украшений: ожерелье, брошь, браслет и украшенные бриллиантами часы. Предпочтение она отдавала темным тонам, обувь заказывала во Флоренции и не носила модные тогда высокие каблуки, находя их нелепыми.

Впрочем, Гитлер не любил, когда она меняла свою внешность: «С новой прической я не узнаю тебя» или: «У тебя же есть очень красивое платье, зачем ты каждый день надеваешь новое». Он всегда замечал у женщин новую сумочку или новую прическу и вечерами каждые четверть часа отпускал комплименты дамам и целовал им руки. Как и за обедом, за ужином также говорили о пустяках.

— У тебя вся салфетка в помаде, — раздраженно отмечал Гитлер, — чем ты красишься?

— Парижской помадой, — отвечала Ева.

— Знали бы, дорогие дамы, что парижская помада изготавливается из кухонных отходов…

Но дамы лишь улыбались и продолжали приходить с накрашенными губами. Только Герде Борман муж строжайше запретил пользоваться любой косметикой.

После ужина Гитлер обсуждал политические, а с началом войны — военные проблемы. Он заявлял присутствующим, что «это не займет много времени». Выйдя из столовой, он из любезного и обходительного хозяина дома превращался в вершителя судеб миллионов солдат, с угрюмым видом

взирающего на оперативную карту и готового ценой любых потерь добиться победы.

После его возвращения все отправлялись в кинозал. Приглашали также обслуживающий персонал. Программу фильмов составляла Ева, ибо Гитлеру по душе были только вестерны. А при демонстрации запрещенных в Третьем рейхе американских кинофильмов зал обычно оказывался переполненным.

Ближе к полуночи Гитлер усаживался у большого камина вместе с Евой и кем-либо из ее сестер. Свет выключали, горели только несколько стоявших на столе свечей. Гитлер пил чай, Ева — шампанское, подавали также коньяк и ликер.

Гости разговаривали полушепотом друг с другом, иногда Гитлер, подхватив какую-нибудь фразу, начинал один из своих бесконечных монологов, которые могли продолжаться едва ли не до рассвета. Уловив момент, Ева брала его за руку, заставляя замолчать, и заводила разговор со своей подругой Гердой и постоянно находившимся в «Бергхофе» фотографом Вальтером Фрицем. Гитлер тем временем насвистывал одну из своих любимых серенад.

— Ты фальшивишь, — утверждала Ева.

— Ну уж нет, — возражал Гитлер, и они спорили до тех пор, пока она не вставала и не ставила нужную пластинку.

— Вот видишь, вот видишь, ты не прав, — с ликованием заявляла Ева.

— Это композитор ошибся, — упрямствовал Гитлер, и все, кроме него, начинали смеяться.

Вообще в «Бергхофе» часто слушали пластинки. Собственноручно пронумерованные Гитлером, они хранились в черной коробке. Подбирал их Борман, он же заводил проигрыватель. Репертуар не отличался разнообразием. Предпочтение отдавалось Штраусу, Ференцу Легару, Рихарду Вагнеру и Гуго Вольфу. Время от времени Ева ставила пластинки с записями современной американской музыки, и все присутствующие тут же начинали подпевать.

— Превосходно, — замечал Гитлер.

— Ага, — горячилась Ева, — вот видишь, а твой друг Геббельс ее запретил.

После кофе Гитлер прощался с гостями и поднимался на второй этаж. Через несколько минут Ева Браун также уходила к себе. В окнах один за другим гас свет. Последними скрывались во мраке окна спальни Гитлера, и вновь в «Бергхофе» воцарялась абсолютная тишина.

Дом на Вассербургерштрассе

Из документов Центрального бюро прописки Мюнхена явствует, что 30 марта 1935 года — то есть прямо в разгар ремонтных работ в Берхтесгадене — Ева и Гретль поселились в небольшой вилле на Вассербургерштрассе. Дом сохранился почти в прежнем виде. Только улица называется теперь Дельфштрассе. Почтальон Георг Оттер — единственный, кто еще помнит прежние времена, все остальные в округе переехали, пропали без вести или ушли в мир иной.

«Это были совершенно очаровательные молодые дамы, они никогда не скупились на чаевые, а иногда дарили сигару. Я носил им огромное количество писем, которые часто приходили также из Берлина. Официальную корреспонденцию с изображением орла и свастики на конвертах мне не доверяли. Младшая из сестер иногда ждала меня прямо у садовых ворот, выгуливая двух отчаянно лаявших маленьких собачек. Старшая порой, просматривая письма из Берлина, тяжко вздыхала: «Ах, опять эти счета!» Она часто вручала мне письма для отправки. Я хорошо помню голубые конверты с буквами Е. Б».

О продаже построенного в 1925 году дома было объявлено в газете. Заведующий отделом сбыта фирмы Гофман Бауэр и Ева Браун уже на следующий день осмотрели его. Ева пришла в полный восторг. Дом располагался в спокойном, уединенном квартале, почти в предместье, однако сам район считался одним из наиболее престижных. К тому же до дома, в котором раньше проживал Гитлер, было всего полчаса езды на трамвае вдоль правого берега Изара. Еве этого и не требовалось, ибо Гитлер сразу же подарил ей «мерседес» за номером «II A 52500». Он стоял в одном из гаражей концерна «Даймлер-Бенц» на Дахауэрштрассе.

Первоначально вилла была записана на Генриха Гофмана, который тут же выписал чек на 30000 рейхсмарок, перечисленных с его личного банковского счета. Лишь в 1938 году ее нотариально переоформили на Еву Браун. В телефонной книге в графе «профессия» было указано «секретарша».

Вплоть до конца войны официальное жалованье Евы составляло 450 марок в месяц. Ее сестры утверждают, что фотографии, сделанные Евой, гораздо лучше всех остальных снимков, произведенных в фотоателье Гофмана. Поэтому покупка дома есть якобы не что иное, как плата за ранее оказанные услуги. Это верно лишь отчасти. Просто Гитлер зачастую с похвалой отзывался о фотоснимках, сделанных его возлюбленной. Однажды он сказал: «Отличный снимок, стоит не

меньше 20000 марок». Для Гофмана, благодаря своему другу ставшего миллионером, его слова прозвучали как приказ, и он немедленно выплатил Еве соответствующую сумму.

Двухэтажная вилла на окраине Мюнхена с архитектурной точки зрения не представляла ничего особенного. Никому бы даже в голову не пришло, что в ней проживает возлюбленная одного из самых могущественных людей Европы.

Высокие стены полностью скрывали жилище Евы от постороннего глаза. Автор неоднократно бывал в нем, а вот визиты Гитлера можно пересчитать по пальцам. Благодаря принятым мерам предосторожности, соседи никогда ничего не знали о его присутствии. Иногда Гитлер приносил с собой картину или фарфоровую статуэтку. Гретль тут же оставляла их одних, но Гитлер всегда уходил до наступления ночи. Поэтому дом никак нельзя было назвать «любовным гнездышком». Ева называла его «мой славный маленький домик».

По мнению Герды Остермайер, Ева была очень несчастлива в семье. Отец никогда не дарил ей подарков, запрещал выезжать куда-либо на каникулы, запирал среднюю дочь в комнате и вообще перечил ей, где только мог. Ильзе вела себя по отношению к ней довольно высокомерно, а родители к тому же постоянно доводили Еву до отчаяния из-за ее отношений с Гитлером. Мать надоедала ей вопросами: «Что этот человек от тебя хочет? Он обращается с тобой, как со шлюхой, так? Когда он наконец женится на тебе? Похоже, ты беременна? На кого ты тратишь свою молодость?» В ответ Ева много раз угрожала: «Мама, если ты не прекратишь, я уйду от вас».

Ева старалась бывать почаще в семье Герды, считавшейся по тогдашним меркам довольно зажиточной. В дальнейшем до переезда на Вассербургерштрассе письма Гитлера поступали на адрес Герды. По телефону она также говорила с возлюбленным всегда из ее квартиры.

Правда, Герду, в 1936 году вышедшую замуж за офицера, тоже весьма тревожила любовная связь ее подруги детства с человеком, который по возрасту годился ей в отцы. К тому же он явно не собирался жениться на Еве. Она пыталась отвлечь Еву, знакомила ее поочередно с друзьями и сослуживцами мужа, брала с собой на танцы, приглашала съездить куда-нибудь, звала в гости, но все было напрасно. Ева предпочитала в одиночестве ждать, когда же Гитлер даст о себе знать.

Только один раз, по словам Герды (автор проверил их подлинность), Ева заинтересовалась другим мужчиной. Это произошло летом 1935 года после второй попытки самоубийства, когда она с матерью и младшей сестрой отдыхала на Бодензее,

неподалеку от Линдау. Коммерсант Петер Шиллинг был гораздо моложе Гитлера и очень понравился Еве. «Это была любовь с первого взгляда, — рассказывает Герда. — Они не отходили друг от друга и представляли собой прекрасную пару». Однако в конце концов Ева сообщила подруге, что в ее жизни есть только один мужчина и другого уже не будет. «Слишком поздно». Она внезапно прекратила всякое общение с Шиллингом и отказывалась даже подходить к телефону, когда он звонил.

Перебравшись в собственный дом, Ева совершенно изменилась. Она стала более спокойной и уравновешенной, почти не грустила, поскольку Гитлер доказал ей свою любовь, и перед родителями и друзьями она предстала в новом качестве. Теперь к ней часто приходили гости, засиживаясь порой до полуночи. «Я почти все время провожу с Лизерль, Георгом, Пеппо, Тони и Рёзхен», — писала она весной 1937 года. В другом письме говорится о приглашенных к ней «господах профессорах». Позднее, после примирения с родителями, часто у нее дома отмечались семейные торжества.

Гитлер подарил Еве также постоянного спутника — овчарку Баско из того же помета, что и его собственные собаки. Ранее она получила от него в подарок маленькую собаку «со шкурой медведя». Их яростный лай звучал практически целый день, так как живущие по соседству дети очень любили дразнить собак. Тогда Ева решила заменить изгородь кирпичной стеной, сохранившейся и поныне. Позднее ко дню рождения Гитлер подарил ей Негуса и Штази. Первый погиб в Берлине от осколков советского снаряда, а оставшийся в Оберзальцберге Штази во время всеобщего смятения сбежал. Никто так и не понял, как скотчтерьеру удалось преодолеть несколько сотен километров и добраться до Вассербургерштрассе. Там он обнаружил лишь американских солдат и грабивших дома иностранных рабочих, которые забросали несчастную собаку камнями. Один из соседей кинул ему кость, после чего Штази навсегда исчез в ночи.

Вилла Евы была обставлена со вкусом. Столовую с обилием мебели из экзотических пород дерева проектировал по приказу Гитлера лично профессор Троост. В завещании Евы перечисляется множество картин, из которых она отдавала предпочтение акварели А. Гитлера «Церковь в Азаме», портрету Гитлера кисти Боненбергера, верхнеитальянскому ландшафту работы Бамбергера и преподнесенному ей Борманом ко дню рождения скульптурному изображению головы девушки. Она также очень любила картину одного из учеников Тициана, написанную масляными красками. Гитлер получил ее в подарок от Муссолини и тут же передал Еве. Из ценных предметов, находившихся в

доме, следует назвать и самаркандский ковер, и гобелен, видимо, представлявший собой искусную подделку.

Иногда к дому подходили незнакомые сестрам люди, непонятным образом выяснившие их адрес. Под громкий лай они бросали письма или прошения в почтовый ящик. Как правило, они просили о помощи. Редко, но встречались просьбы посодействовать в занятии какой-либо должности.

Достопочтенный член одного из монашеских орденов Барнабас Либиш поведал автору, что накануне Рождества 1943 года он позвонил в ворота виллы на Вассербургерштрассе и, когда Гретль открыла ему, сообщил, что его прислала госпожа Палмерия, член Третьего Ордена францисканцев и попечительница Института Диллингера в Мария-Мединген, где когда-то воспитывалась младшая сестра возлюбленной Гитлера. Ее родственник, некто Ганс Вольф из Бамберга, был арестован гестапо по подозрению в пораженческих настроениях и оказался в крайне неприятной ситуации. Гретль пообещала «попытаться что-либо сделать…» Но 10 мая 1944 года Ганса Вольфа приговорили к смертной казни и 3 июля обезглавили во дворе Бранденбургской тюрьмы.

Гретль Браун подтвердила правдивость происшедшего, добавив, правда, что по совету Евы она передала просьбу монаха Борману.

Интересно, что на вилле находился один из первых в Германии телевизоров. Она была также оборудована бомбоубежищем, которое спроектировал лично Гитлер. Оно и теперь производит довольно сильное впечатление, ибо оснащено вентилятором, насосом для нагнетания воздуха и мощной бронированной дверью, ведущей непосредственно в коридор с железными полом и покрытием.

Строительство бомбоубежища началось в 1938 году, когда Судетский кризис угрожал ввергнуть мир в войну…

Было ли покушение в Неаполе?

Ева никогда не была настроена слишком воинственно и тем не менее от души радовалась, когда вскоре после Судетского кризиса смогла предъявить Чехословакии свой собственный счет.

Вообще-то основания у нее были. С отцом она теперь виделась крайне редко и поэтому очень удивилась, когда он вдруг заявился к ней с пылающим от гнева лицом. Оказывается, один из друзей Фрица Брауна купил в Праге чешский журнал и потом в кафе показал его всей компании. В журнале была опубликована сделанная в Берхтесгадене фотография Евы с подписью: «Гитлеровская маркиза Помпадур». Естественно, отец обрушился на Еву с упреками. Сама она совсем недавно вернулась со съезда в Нюрнберге, где напрасно ждала приезда родителей в надежде, что грандиозное зрелище убедит их в правильности её выбора. Поэтому она прислала им почтовую открытку с изображением Гитлера в партийной униформе. Любое другое появление ее возлюбленного в родительском доме было совершенно невозможно. Уже поэтому она отличалась от миллионов других девушек.

Итак, отец и дочь обменялись взаимными упреками. Как смела она так запятнать честь семьи! В ответ Ева гордо заявила: «Нас может разлучить только смерть!» фриц Браун запретил дочери появляться в его доме, и несколько месяцев они вообще не поддерживали никаких отношений.

Все это время отец упорно отказывался вступать в НСДАП, ставя тем самым под угрозу свою карьеру. В одном из писем Ева с обидой писала, что его обошли производством в следующий чин, хотя должны были сделать это в конце года. После бурного спора с дочерью Фриц Браун пришел к директору училища и заявил, что готов немедленно уволиться с работы. Он рассказал ему о публикации в чешском журнале и закончил сумбурную речь словами: «Человек, утративший авторитет у собственных детей, не вправе исполнять обязанности учителя». Директор не замедлил подробно описать инцидент в официальном документе и обратился за советом в вышестоящую инстанцию. Разумеется, руководство поспешило успокоить Фрица Брауна. Отныне он твердо знал: никто не осмелится уволить человека лишь за то, что его дочь — возлюбленная самого фюрера. Пусть это нигде не подтверждено, однако уже одно только предположение гарантировало отцу почти полную неприкосновенность.

Гитлера известили о конфликте по телефону. Он посоветовал Еве немедленно помириться с отцом и угрожающе сказал

Гофману: «Если еще хоть одна фотография фрейлейн Браун появится в продаже…» Режим секретности был ужесточен до крайности, «Что бы ни происходило в моем доме, — заявил Гитлер обслуживающему персоналу, — это ни в коем случае не должно стать достоянием гласности». За нарушение запрета полагалась суровая кара.

Публикация в чешском журнале не вызвала в Германии никакого отклика. Вплоть до недавнего времени имя Евы Браун практически ни разу не упоминалось в дипломатических отчетах и сообщениях аккредитованных в стране иностранных корреспондентов. Это отнюдь не означает, что за рубежом о ней совершенно ничего не знали. В Британском музее в Лондоне хранится копия секретного донесения одного из агентов «Интеллидженс Сервис» с перечислением женщин, заподозренных в интимной близости с Гитлером. Среди них упоминается также и Ева Браун. Кто-то уверял, что Второе бюро при французском генеральном штабе также располагало сведениями о ней, как, впрочем, позднее и американское ОСС[40], составившее на Еву Браун целое досье. По неподтвержденным данным, эта организация даже разработала план ее похищения. Но поскольку доступ к архивам ОСС до сих пор почти полностью закрыт, невозможно проверить достоверность этих сведений. Аллен Даллес, в 1942–1945 годах представлявший ОСС в Европе, в ответ на вопрос автора лишь загадочно улыбнулся и тут же перевел разговор на другую тему. Известно также, что корреспондент ТАСС в Берлине всячески пытался окольными путями получить информацию о Еве Браун.

Курт Шушниг утверждал, что в здании на Балльхаусплац в Вене не имели ни малейшего представления о существовании Евы Браун, хотя в жизни самого бывшего федерального канцлера Австрии она сыграла определенную роль. Во время последнего перед аншлюсом[41] визита Шушнига в Берхтесгаден Гитлер запретил подавать еду и напитки, рассчитывая, что ледяная атмосфера приема запугает австрийца и лишит его воли к сопротивлению. Но находившаяся тогда в «Бергхофе» Ева игнорировала это указание и приказала прислуге сервировать стол. Сама она лично проследила за приготовлением овощных блюд, так как, по ее словам, «фюрер дол жен регулярно питаться, и вообще по отношению к политическим деятелям, неважно, кто он, нужно вести себя вежливо». Таким образом, Ева время от времени отваживалась преподать своему возлюбленному урок хороших манер.

Позднее приговоренный к пожизненному заключению Шушниг попросил у своих тюремщиков разрешения жениться на

графине Вере фон Чернин. Услышав от Геринга об этом весьма щекотливом деле, Ева попросила Гитлера удовлетворить просьбу поверженного противника. «Я бы также последовала за тобой в тюрьму, лагерь или даже на смерть… Тут уж ничего не поделаешь». Гитлер дал свое согласие, а Шушниг потом еще долго, до тех пор, пока его не переубедили, полагал, что этим он обязан вмешательству папы римского или своего бывшего друга Муссолини.

У Евы был свой повод воспринимать аншлюс как великое событие. Ведь он дал ей возможность впервые съездить вместе с Гитлером за границу. Фюрер отправился в Австрию не без некоторых опасений и потому был просто потрясен видом ликующей толпы, заполонившей улицы его родного города Линца. По мнению Фрица Видемана, Гитлер сперва совсем не собирался включать Австрию в состав Германии, намереваясь установить своего рода федеративные отношения между ней и Рейхом. Бурное ликование австрийцев побудило его пересмотреть свои взгляды, ибо он убедился, что большинство населения на его стороне. Теперь ему потребовалось присутствие рядом любимой женщины. Без ее преданных глаз он не смог бы в полной мере ощутить вкус победы.

Он позвонил Еве из Линца и настоятельно попросил встретиться с ним в Вене. В поездке ее сопровождали только мать и подруга Герда. Их поместили в отеле «Империал». Они, правда, считались «официальными лицами, входящими в состав «эскорта фюрера», но во всеобщей суматохе никто не обращал на них особого внимания. «Более величественного зрелища даже представить себе невозможно», — восторженно писала Франциска Браун своей Ильзе. Ева же выразила отношение к историческому событию короткой фразой на почтовой открытке: «Я просто обезумела».

Обезумела от чего: от гордости, от чувства полного удовлетворения? Или от того, что попала в совершенно безумный, в чем-то даже ирреальный мир? Город, где Гитлера всячески унижали и где он влачил жалкое, полуголодное существование, встретил его так, как ранее не встречал ни одного из австрийских императоров. Десятки тысяч венцев всю ночь напролет пели перед отелем, в котором остановился Гитлер. Никто не принуждал их прийти сюда и радостно смеяться. Среди них находились не только нацисты, и делали они это вовсе не из страха перед гестапо. У тайной полиции просто еще не было времени обосноваться прочно в бывшей столице Австрии. А ведь совсем недавно отец Евы и ее сестра Ильзе в один голос утверждали: немцы, дескать, в большинстве своем уже

раскаиваются в том, что дали Гитлеру власть, на прессу надет намордник, она ничего не пишет ни о концлагерях, ни о преследовании евреев, люди лишены возможности свободно выражать свое мнение, за рубежом фюрера люто ненавидят… А тут вдруг Гитлер пересекает границу покоренного им без единого выстрела соседнего государства, где его встречают как божество, внезапно спустившееся с Олимпа на землю.

В отеле Еве предоставили номер, лишь узким коридором отделенный от спальни Гитлера. В тот вечер он долго стоял на балконе с вытянутой рукой, приветствуя ликующую толпу, которая, естественно, даже не подозревала о присутствии рядом с новым кумиром его возлюбленной.

В Германии о Еве тоже, разумеется, почти никто не знал, за исключением узкого круга высокопоставленных особ и обслуживающего персонала. Ничего другого нельзя было ожидать в условиях режима, подвергшего печать и радиовещание строжайшей цензуре» тщательно контролировавшего любую информацию о частной жизни Гитлера, жестоко каравшего за любые вольные рассуждения о ней и заполонившего страну потоком публикаций, призванных убедить широкие массы в том, что высший государственный пост занимает человек, день и ночь пекущийся о благе Рейха и ни о чем другом даже и не думающий.

Усиливающаяся изоляция Гитлера, за исключением заранее тщательно подготовленных мероприятий, старавшегося не появляться на публике и все чаще предпочитавшего уединяться в недоступном обывательскому глазу Берхтесгадене в тиши Баварских Альп, и, наконец, война, наглухо отгородившая фюрера от остального мира, — все эти обстоятельства способствовали превращению Евы в своеобразную «фигуру умолчания».

Правда, Германию, как, впрочем, и целый ряд других стран, захлестнула волна слухов и сплетен. Многие, в том числе, естественно, журналисты, охотно припадали к этому мутному источнику, но такого рода Vox populi[42] не только не удовлетворял, но, напротив, еще больше разжигал любопытство. Выбрать из этого набора версий наиболее реальную было делом почти безнадежным. Даже если бы тогда кто-либо упомянул в присутствии автора имя Евы Браун, он, несомненно, никак бы не отреагировал на него.

Нельзя забывать, что люди, рискнувшие распространять слухи, содержавшие в себе зерно истины, рано или поздно попросту бесследно исчезали. На нацистском официальном жаргоне публичное несогласие с официальной точкой зрения называлось «отравлением колодцев народного сознания». Наиболее эффективным методом борьбы с такого рода

преступлениями считался арест с последующей отправкой в концлагерь. Не следует упускать из виду и такой фактор, как уязвленное женское самолюбие. Светские дамы — актрисы, жены промышленных магнатов, генералов, знаменитых профессоров и даже принцессы, — одним словом, женщины, привыкшие к успеху, вряд ли в душе примирились бы с тем обстоятельством, что их затмила какая-то секретарша. Слишком уж они были высокомерны, слишком привыкли побеждать, и потому вполне возможно, что те из них, кто знал об истинной роли Евы Браун, предпочитали о ней молчать.

Если глава государства пользуется широкой популярностью и располагает достаточными средствами, будь то войска СС или миллионы долларов, его личная жизнь в любую эпоху и в любой стране всегда вызывает жгучий интерес, однако об истинном положении вещей, как правило, остается только догадываться. Достаточно вспомнить бесчисленные слухи о любовных похождениях Джона Кеннеди — любимая тема разговоров в те годы в светских кругах Вашингтона. Говорили даже, что одна из его любовниц оказалась в Далласе в момент убийства Кеннеди в ноябре 1963 года. Тем не менее в эпоху телевидения, спутниковой связи и многолюдных пресс-конференций широкие круги американской общественности так и остались в неведении относительно закулисной стороны жизни их президента.

По приказу Гитлера степень информированности едва ли не каждого немца была строго ограничена рамками служебной компетенции. Проще говоря, никому не рекомендовалось интересоваться тем, что его непосредственно не касалось. Сам фюрер, прощаясь с Евой перед отъездом, никогда не сообщал ей о конечной цели своего визита. Так после высадки немецких войск в Дании и Норвегии она только из газет узнала о поездке Гитлера в северную часть Германии, а о том, что ее возлюбленный перебрался в ставку, расположенную неподалеку от советской границы, — из сообщения по радио.

В результате общаться с Евой разрешалось только крайне ограниченному кругу лиц из ближайшего окружения Гитлера, который вообще не выносил присутствия рядом незнакомых людей. Туда входили доктор Морелл, доктор Брандт, Борман, адъютанты, Гофман, еще несколько давних знакомых Гитлера и, естественно, сестры и подруги Евы. Все причастные к этой клике были намертво связаны между собой, прекрасно сознавая, что болтливость одного из них немедленно повлечет за собой его «отлучение от двора». Как известно, для «придворного» нет худшей кары, чем лишиться благорасположения «повелителя». В Берхтесгадене обслуживающий персонал подбирался особенно

тщательно и большей частью состоял из фанатично преданных фюреру эсэсовцев, не испытывавших никакой потребности в собирании, а уж тем более в распространении светских сплетен.

После всего написанного про Третий рейх с трудом верится, что такие столпы режима, как Геринг, Гиммлер и Кейтель[43], отнюдь не принадлежали к ближнему окружению Гитлера. И все-таки это факт. Их визиты в Берхтесгаден всегда носили более или менее официальный характер. Гиммлера вообще крайне редко приглашали в «Бергхоф». «При виде него у меня мурашки по коже бегут», — призналась однажды Ева. Гесс почти не появлялся в личной резиденции Гитлера, а о встречах фюрера с Розенбергом, Тодтом[44], Риббентропом[45], фон Нейратом[46], фон Папеном[47], гауляйтерами и другими партийными руководителями высшего звена в домашней обстановке не могло идти даже речи. Гитлер предпочитал снимать напряжение общением с женщинами. «Как приятно немного расслабиться, — говорил он, — невыносимо слушать целый день громкие мужские голоса. Мне они ужасно действуют на нервы».

Кроме того, ему было довольно затруднительно расслабиться в тесном кругу соратников. Так, например, Геринг терпеть не мог Геббельса, и стоило министру пропаганды войти в комнату, как министр авиации тут же покидал ее через другую дверь. В свою очередь, Геббельс платил Герингу взаимностью и весьма искусно плел интриги за его спиной. При встречах с Риббентропом он не скрывал презрения, не без оснований полагая, что тот не вправе занимать такой ответственный пост. Гиммлера никто не любил: его все боялись. Гитлер же не только не пытался помирить своих паладинов, но, похоже, всячески разжигал между ними вражду, достаточно широко применяя знаменитый древний метод «разделяй и властвуй». Именно на нем основывалась созданная им система сдержек и противовесов. Разумеется, Геринг, Геббельс и им подобные знали об отношениях Гитлера и Евы Браун, но они прекрасно умели держать язык за зубами. Гиммлер, вероятно, даже располагал обширным досье на Еву — его агент в «Бергхофе» периодически сообщал ему даже мельчайшие подробности, однако рейхсфюрер СС предпочитал ждать своего часа. Самое удивительное, что Гитлер так и не поручил ему проверить арийское происхождение Евы, и выполнение не слишком приятной обязанности в 1930 году тайно взял на себя Борман. В этом вопросе Гитлер был непреклонен и не шел ни на какие уступки: вся подноготная Евы, ее родителей, сестер и подруг была досконально изучена. Гитлер даже в мыслях не мог допустить, чтобы в жилах его возлюбленной, а уж тем более ее потенциальных детей текла бы хоть капля еврейской крови. Горя

желанием отомстить за столь бесцеремонное вторжение в область, которую он по праву считал своей вотчиной, Гиммлер представил документы, свидетельствующие о причастности старшей сестры Евы к довольно темной истории.

Вот что писала об этом сама Ильзе: «В 1935 году я решила принять участие в Европейском конкурсе бальных танцев и в связи с этим отправилась в Италию и Югославию. Какое-то время я находилась в Рапалло, а в Ла-Специи познакомилась с офицером военно-морского флота. Мне всегда нравились именно итальянские офицеры. У нас завязался легкий флирт, я довольно быстро забыла о нем, но по возвращении в Мюнхен вдруг обнаружила за собой слежку. Письма начали приходить со значительным опозданием, потом я узнала, что с них снимали копии. Я пожаловалась Еве, но она только сказала: «Да ты совсем спятила, старуха». Затем меня вызвал к себе Брюкнер и подверг длительному допросу. Удовлетворенный моими ответами на довольно каверзные вопросы, он в результате раскрыл мне следующую тайну: оказывается, Гиммлер обвинил меня в шпионаже в пользу итальянцев. Когда Гиммлеру объяснили, в чем тут дело, он извинился передо мной, заметив: «Сообщи вы мне об истинном положении вещей, фрейлейн Браун, ничего подобного бы не произошло. Здесь чистейшей воды недоразумение».

В таких ситуациях роль посредника Гитлера всегда брал на себя Борман, который тогда был почти никому не известен в Германии. Гитлер потребовал от него принять все меры для того, чтобы не допустить в официальных документах хоть малейшего намека на особый статус Евы, В удостоверении личности, дающем ей право доступа в рейхсканцелярию и в «Бергхоф», в графе «должность» было указано: «секретарша». Именно так ее и представляли в случае необходимости. Она, правда, могла бесплатно ездить по железной дороге, но таким же правом пользовалось и множество членов партии. Деньги она тайно получала от Гофмана или непосредственно из партийной кассы. Разумеется, ей был предоставлен целый ряд льгот, к примеру, возможность купить фотоаппарат (во время войны он считался одним из наиболее дефицитных товаров). Для этого всякий раз приходилось обращаться к адъютантам Гитлера или рассчитывать на снисхождение того или иного высокопоставленного чиновника в государственном или партийном аппарате. Фриц Видеман рассказывает, что перед войной купил в Париже в подарок Еве духи и, пользуясь своей дружбой с принцессой фон Гогенлоэ, сумел раздобыть в Венгрии для фаворитки фюрера воротник из черно-бурой лисицы. Даже в страшные часы в рейхсканцелярии она не расставалась с подарком.

Раньше Ева называла возлюбленного «Шеф» или «господин Гитлер», но потом он настоял на общепринятом обращении «мой фюрер». Боязнь раскрыть их истинные отношения неосторожным словом побудила ее называть Гитлера так даже наедине.

Камердинер Гитлера Гейнц Линге рассказывает в своих мемуарах, что однажды утром застал Гитлера и Еву в одной постели. Здесь нет ничего неожиданного. Удивительно даже, что Линге лишь один раз стал свидетелем подобной сцены. А вот что сообщил Фриц Видеман, вплоть до 1939 года выполнявший обязанности личного адъютанта Гитлера: «Как-то утром я был вынужден постучать в дверь спальни Гитлера, так как поступила крайне важная телеграмма. Каково же было мое удивление, когда я увидел туфли Евы Браун, а рядом сапоги Гитлера, выставленные, словно у порога гостиничного номера. Целыми днями разыгрывать комедию, а потом так небрежно выставить свою обувь… Я невольно вспомнил басню Лафонтена и, с трудом сдерживая смех, спустился по лестнице».

В случае приезда государственных деятелей или просто знаменитых личностей Еве — как уже было сказано — предписывалось оставаться в своей комнате. Правда, однажды в Берлине она познакомилась с Чарльзом Линдбергом и его женой, которая совершенно очаровала ее. Ева очень страдала от запрета присутствовать на встречах Гитлера в Берхтесгадене с такими высокими гостями, как бывший американский президент Гувер, регент Венгрии адмирал Хорти, Чемберлен, царь Болгарии Борис, брат трагически погибшего короля Югославии[48] Павел, лорд Ротермир, Ага-Хан, кардинал Пачелли (избранный в 1939 году папой римским), король Швеции, французский генерал Гамелен и многие другие. Такие визиты Ева всегда рассматривала как свою личную победу над отцом, утверждавшим ранее, что Гитлер — узурпатор и что за границей ему объявлен бойкот. Даже те, кто сегодня осуждают Еву за ее политическую слепоту, должны признать, что такой наплыв знаменитостей в Берхтесгаден произвел бы впечатление и на гораздо более искушенных в политике людей.

Однажды Ева попросила Гитлера представить ее герцогине Виндзорской, приехавшей вместе с мужем в «Бергхоф». Потом Гитлер сожалел, что выполнил ее вполне понятное желание, ибо Ева изрядно надоела ему восторженными рассказами о бывшем короле Англии, «пожертвовавшем» роди любимой женщины целой империей[49]. Она как бы намекала, что Сара Симпсон — своего рода английская Ева Браун и что Гитлер, если он действительно любит ее, в отличие от Эдуарда, должен жертвовать не короной, а лишь немного поступиться своим

незыблемым партийным авторитетом. Гитлер делал вид, что не понял откровенных намеков на женитьбу, и, не желая ухудшать ситуацию, заявил, что, согласно протоколу, ее присутствие на таких встречах недопустимо.

Столь же непреклонным он оставался и во время визитов Галеаццо Чиано — первый раз потому, что итальянец оказался чересчур разговорчивым, а второй — потому, что попросту ревновал Еву к зятю Муссолини, давно слывшему покорителем женских сердец. Ева по наивности своей не скрывала, что красавец Чиано ей очень симпатичен. Ева собирала его фотографии, а щеки ее ярко пылали всякий раз, когда она заводила разговор о его молодости и неотразимой внешности. Она даже выразила сожаление, что Гитлер не так элегантно одевается. Ранее Гитлер сделал ей роскошный подарок, выделив деньги на поездку в Италию и предоставив в распоряжение Евы, ее матери, сестры и подруги Герды «мерседес» из гаража рейхсканцелярии. Ева вернулась в полном восторге и во всеуслышание объявила страну на Апеннинском полуострове своей второй родиной.

Во время пребывания Чиано в Берхтесгадене Ева сфотографировала его из окна. Чиано, заметив красивую молодую женщину с фотоаппаратом в руках, без малейшего стеснения спросил у Риббентропа ее имя. Немецкий министр иностранных дел имел все основания дать довольно уклончивый ответ, а Гитлер послал к Еве эсэсовца с приказом немедленно закрыть окно. Этот эпизод был запечатлен на одном из рисунков, хранящихся в альбоме Евы.

Таким образом, Чиано дружными усилиями удалось сбить с толку. Во всяком случае, в своем знаменитом дневнике он ни словом не упоминает Еву Браун, зато достаточно подробно пишет о Зигрид фон Лафферт. Это обстоятельство заставляет задуматься над происшедшим позднее довольно странным инцидентом.

В мае 1938 года Гитлер прибыл в Италию с ответным визитом. Первый и последний раз он съездил за границу по официальному приглашению главы другого государства и, судя по записям застольных бесед, сохранил приятные воспоминания об этой поездке, хотя номинально правившие Италией представители Савойской династии ему изрядно наскучили, а нелепые правила дипломатического протокола страшно раздражали. Особенно сильное впечатление произвел на него кабинет Муссолини в гигантском зале Маррамондо в Венецианском дворце. По возвращении он тотчас же приказал, чтобы в строящемся здании Новой рейхсканцелярии его кабинет был бы таких же размеров. Он также решил перенять итальянские

методы боевой подготовки и распорядился, чтобы отныне на маневрах атакующие воинские соединения применяли боевые патроны.

Ева потребовала, чтобы Гитлер взял ее с собой в Италию. Как можно было не разрешить ей принять участие в «триумфальном шествии» своего возлюбленного? Да и кто в данном случае осмелился бы лишить ее такой радости? Поэтому Гитлер в конце концов пошел Еве навстречу с условием, что сопровождать ее будут достойные, с его точки зрения, люди. Поскольку Фриц Браун настойчиво возражал против новой поездки жены, Гитлер остановил свой выбор на владелице «Рейнского отеля» в Годесберге госпоже Дрезен, чья семья когда-то оказала будущему фюреру существенную помощь на заре его политической карьеры. В знак благодарности Гитлер отправил эту женщину со своей любовницей на торжества в Италию. Таким образом, Ева, госпожа Дрезен, ее сын Фриц, доктора Морелл и Брандт (последний тогда занимал должность личного врача Гитлера) образовали группу, неотступно следовавшую по пятам за сопровождающими Гитлера официальными лицами. Правда, во время визита Ева практически не общалась с Гитлером, ее не приглашали на официальные приемы и лишь позволяли присутствовать на митингах и демонстрациях.

В преддверии грандиозного парада итальянского флота в Неаполитанском заливе — это зрелище произвело на Гитлера неизгладимое впечатление — Еву Браун, согласно одной из версий, неожиданно посетил высокопоставленный сотрудник итальянской службы безопасности. О данном эпизоде достаточно подробно рассказал Фриц Дрезен, который, конечно же, лично не присутствовал при разговоре в номере римского отеля «Экзельсиор», где временно проживала Ева Браун. Об этой беседе ему якобы поведала его мать. По ее словам, представитель итальянской тайной полиции попросил Еву и ее спутников не присутствовать на параде и вообще воздержаться от поездки в Неаполь. Дескать, его служба получила анонимное сообщение, согласно которому некие антиправительственные силы — то ли итальянцы, враждебно настроенные по отношению к режиму Муссолини, то ли иностранные агенты — твердо решили воспрепятствовать налаживанию германо-итальянских отношений и потому замыслили совершить покушение на кого-либо из сопровождающих Гитлера лиц, так как его самого слишком хорошо охраняют. Таким образом, жизнь Евы Браун в опасности.

В ответ молодая женщина равнодушно пожала плечами и твердо заявила; она не намерена отказываться от поездки в Неаполь, даже если бы знала, что является объектом

готовящегося покушения. Офицер поспешил заверить Еву, что его служба просто хотела предупредить ее, и попросил ничего не говорить Гитлеру, дабы понапрасну не тревожить «великого фюрера немецкого народа».

В архиве итальянской тайной полиции не обнаружено никаких записей этой беседы или хотя бы документов, косвенно упоминающих о ней. Так и непонятно, знал ли ее сотрудник, с кем он имел дело?

На следующий день Ева и ее спутники взошли на борт торпедного катера. Гитлер, король и Муссолини уже стояли на палубе флагманского корабля. От трапа маленькую группу отделяла собравшаяся на пирсе толпа. Неаполитанцы вообще обожали по поводу или без повода устраивать митинги. Невольно втянутая в людской водоворот, Ева оказалась одна. Ее друзья остались далеко позади. Внезапно госпожа Дрезен страшно закричала. Выяснилось, что ее сильно прижали к ограждению. Доктор Брандт немедленно осмотрел владелицу отеля и обнаружил небольшую ссадину на плече. Чтобы не привлекать внимания, было решено во время парада оставаться на борту торпедного катера, где Брандт с помощью корабельного врача перевязал рану. По возвращении в «Экзельсиор» Брандт известил Гитлера о происшедшем, и фюрер, разволновавшись, немедленно послал к возлюбленной другого своего личного врача. Успокоился он, лишь убедившись, что с Евой ничего не случилось. Инцидент не повлек за собой никаких дипломатических осложнений.

Можно ли считать это происшествие попыткой покушения? Гретль Браун полагает, что нет, хотя сама она находилась достаточно далеко от места происшествия. Тем не менее сестра Евы считает: в данном случае у сына госпожи Дрезен просто разыгралась юношеская фантазия, и он неверно истолковал присущую итальянцам повышенную эмоциональность и полное отсутствие у них дисциплины. Ведь все ограничилось ушибленным плечом его матери. Не исключено, правда, что в толчее ее перепутали с Евой Браун. Так и не установлено, что же в действительности произошло на пирсе Неаполитанского порта.

Ева восторженно писала родителям: «Военно-морской парад совершенно изумительное зрелище. Мы все просто поражены им. К сожалению, меня очень сильно продуло, я подхватила простуду, сел голос. Завтра мы уезжаем в Таормину, а не на Капри…» Но почему она не вернулась обратно вместе с официальными лицами и почему с ней остались Брандт и Морелл, также поставившие свои подписи на почтовой открытке? Они захотели продлить свой отпуск или были вынуждены и дальше ухаживать за госпожой

Дрезен?

Сама она написала на открытке, отправленной из отеля «Квизизана» на Капри: «Мы наконец добрались до острова, поездка в Таормину отняла бы у меня много сил. Я похудела и очень ослабла…»

Эти ее слова совершенно непонятны и опровергаются фотографиями из альбома Евы. На них изображена цветущая женщина, ласково поглаживающая осла на одной из узких улочек Капри или легко взбирающаяся по склону Везувия. Может быть, Ева просто хотела успокоить родителей? В регистрационном журнале отеля отмечено пребывание там Евы Браун, но ничего не сказано о том, что одна из сопровождавших ее женщин нуждалась в особом уходе.

Покушение или несчастный случай — как бы то ни было, но Ева, видимо, быстро забыла о данном инциденте. Во всяком случае, она совершенно не упоминает о нем в своем альбоме. Свое описание визита Ева завершила словами: «Итальянцы от нас без ума, они непрерывно ухаживали за мной и называли только «очаровательной блондинкой».

«Я — не личная жизнь»

У его превосходительства Герберта фон Дирксена в папке лежало личное письмо британского премьер-министра Чемберлена. Граф Иоганн фон Вельчек прибыл из Парижа, чтобы передать Гитлеру письмо Даладье[50]. Из Вашингтона спешно прилетел Ганс Дикгоф с посланием от президента Рузвельта. Но Гитлер никогда не любил читать послания глав иностранных государств и принимать своих собственных послов. В Нюрнберге они целыми днями ждали, пока он наконец закончит любоваться маршем своих военизированных формирований на огромной, обнесенной бетонными заграждениями площади, именуемой «Партийным стадионом». Судетский кризис вынудил весь мир затаить дыхание. На политическом горизонте сгустились облака, послы смертельно устали от ожидания, но даже Риббентроп не осмелился замолвить за них слово.

Как и в предшествующие годы, Ева также приняла участие в этом празднестве штыков и штандартов со свастикой. Как и послов, ее также поместили в «Гранд-отеле». Через какое-то время она сразу же обратилась к Гитлеру со следующей просьбой: «Пожалуйста, шеф, не заставляйте этих людей ждать, ведь они прибыли издалека, чтобы увидеть вас. Ведь каков поп, таков и приход…» Ева очень любила подкреплять свои аргументы поговорками, делая их более образными.

Гитлер успокоил Еву, вызвал Видемана и, дождавшись ее ухода, сказал: «Ладно, пригласите этих засранцев».

Автор рассказывает об этом инциденте вовсе не для того, чтобы доказать, будто Ева активно вмешивалась в политику и сыграла пусть даже незначительную роль в подписании Мюнхенских соглашений. Нет, она не являлась ни Дюбари[51], ни королевой Пруссии Луизой и уж тем более ни Марией-Антуанеттой[52].

Можно ли отсюда, как Тревор-Рупер, приходить к поспешному выводу и заявлять, что «Ева Браун сильно разочарует историков»? Гитлер не был распутником, подобно Людовику IV, у него, в отличие от Людовика XVI, был по-настоящему мужской характер, и уж тем более у него никогда не было желания уподобиться Фридриху Вильгельму III и спрятаться за женской юбкой. На Гитлера с юных лет никто никогда не оказывал никакого влияния, и из разговоров в ставке видно, что он отвергал многие предложения своих паладинов, а над некоторыми даже откровенно издевался. Даже Борман мог лишь незначительно повлиять на его решения и являлся только

исполнителем его приказов. Роль Евы Браун заключалась в беспрекословной демонстрации своей верности Гитлеру и готовности служить ему опорой в любой ситуации. Ведь, в сущности, он доверял только ей.

«Как вам понравилось мое обращение с дипломатами?» — спросил он Еву, и услышанное в ответ слово «поразительно» вдохновило его гораздо больше, чем подпись под текстом Мюнхенского соглашения. Подробности частной жизни Гитлера открывают нам другую, еще неизвестную страницу истории, резко отличающуюся от той, что представлена в сборниках документальных материалов. Так, например, во время войны он заявил в узком кругу, что считает Мюнхенское соглашение не победой, а чуть ли не крушением своих тогдашних планов. Своих представителей за рубежом Гитлер совершенно не воспринимал всерьез и вообще относился к дипломатам с нескрываемой антипатией. «Наши послы — сплошь бездари, они ничего не знают, ничего не понимают, не хотят изучать нравы и обычаи народов тех стран, где они временно проживают», — непрерывно внушал Гитлер Еве.

Однажды в присутствии Евы Гитлер рассказал следующую историю, подлинность которой подтверждает не только присутствовавшая при разговоре Ильзе, но и то обстоятельство, что о ней упоминается в «Застольных беседах Гитлера в ставке»[53]. В ней говорится о некоем советнике посольства и друге Хевеля[54], который как-то оказался на куполе собора Святого Петра вместе с одной американкой, сотрудницей аппарата Белого дома. Она купила в газетном киоске несколько открыток, окинула взглядом прилегающие улицы и безапелляционно заявила, что они очень грязны и что их даже не сравнить с «нашими великолепными вашингтонскими аллеями…». Немецкий дипломат был настолько возмущен ее словами, что, не прощаясь, бросил ее одну у перил, а сам устремился вниз по лестнице, так как лифт тогда в соборе не работал. «Этот дипломат очень плохо воспитан, — подчеркнул Гитлер, — он достоин отправки в самые отдаленные районы Китая. Наши дипломаты должны сперва научиться хорошим манерам, а уже потом заниматься политическими науками. Красивая женщина вправе говорить все, что ей в голову взбредет. Ей не нужно, чтобы мужчины воспринимали ее всерьез, она просто хочет нравиться им…»

В ответ Ева сказала: «Все, видимо, произошло так, как вы рассказали, мой фюрер. Наверное, наш дипломат слишком уж настойчиво ухаживал за американкой — сами понимаете, итальянское солнце и чудесное вино, — и она дала ему

пощечину, во всяком случае, в фильмах американки ведут себя именно так…»

Вне всякого сомнения, в 1938 году Гитлер уже настроился на войну с Чехословакией. Именно тогда он составил свое первое завещание, датированное восьмым мая 1938 года. Это произошло на следующий день после окончательного решения вопроса о конфликте с Чехословакией. Завещание, о котором и тогда, и сегодня мало кто знал, было отдано на хранение в рейхсканцелярию под личную ответственность министра Ламмерса[55]. Гитлер распорядился передать все свое состояние — он, правда, не указал его размеры — Национал-социалистической партии, оговорив необходимость выделить из него определенное количество легатов[56]. Еве Браун назначалось пожизненное ежемесячное жалованье в 100 марок[57].

Аналогичные суммы предназначались также обеим сестрам Гитлера и его брату Алоизу, однако первой была указана Ева. Совершенно очевидно, что к маю 1938 года она прочно заняла место в его сердце и никакой другой женщины у него в жизни уже не существовало. В завещании — первом официальном документе, где упоминается имя Евы Браун, — нет даже намека на какого-либо ребенка или фаворита, которого можно было бы счесть таковым. Из этого следует вывод, что все слухи о наличии у Гитлера сына лишены всяких оснований, ибо он как человек, познавший трудное детство, наверняка позаботился бы о его будущем.

Ева ничего не знала о завещании, но даже если бы это было не так, в их отношениях с Гитлером ничего бы не изменилось. Гитлер теперь постоянно оказывал ей знаки внимания и разве можно сравнивать указанную в завещании смехотворную сумму с тем обстоятельством, что он распорядился при строительстве Новой рейхсканцелярии непременно оборудовать в здании для нее отдельные апартаменты. Сюда можно добавить также поездку в Прагу сразу после объявления Чехии протекторатом Третьего рейха. Была ли Ева в Градчанах[58]? «Она никогда ничего не рассказывала об этом, — уверяет Ильзе Браун. — Впрочем, Гитлер никогда бы не позволил Еве поехать в занятый войсками город. Он хотел избежать даже малейшего риска». Данное утверждение ни на чем не основано. Достаточно вспомнить поездку Евы в Вену. Кроме того, есть сделанная Евой фотография с изображением Гитлера у одного из окон Пражского града. Значит, она точно побывала в Чехословакии.

Как известно, президент Чехословакии Эмиль Гаха во время бурного объяснения с Гитлером упал в обморок, и доктор Тео Морелл вколол ему им же самим разработанный лекарственный

препарат. В 1937 году он стал одним из личных врачей Гитлера, благодаря — об этом еще нигде ни разу не упоминалось — Еве Браун, дружившей с его женой Фанни. Добродушного толстяка, специализировавшегося на лечении в Берлине и Мюнхене больных миллионеров, прозвали поэтому «доктором с Курфюрстендамм»[59]. Ранее он служил врачом на корабле береговой охраны. Однако, по мнению Гитлера, основной причиной популярности Морелла в определенных кругах было изобретение им специфического порошка, избавившего немецких солдат от блох и прочих паразитов. Ева познакомилась с ним и его женой через семейство Гофманов, и ее мать, пройдя у Морелла курс лечения, считала его настоящим волшебником. Поэтому Ева устроила доктору приглашение в Берхтесгаден. Гитлер тогда очень страдал от кишечного заболевания, причину которого Морелл устранил с помощью порошков и инъекций.

Из писем Евы Браун следует, что чета Морелл не только сопровождала ее в Италию, но и постоянно присутствовала вместе с ней на партийных съездах в Нюрнберге. Ева даже предложила Ильзе пойти к Мореллу работать. К этому времени доктор Маркс сам предложил старшей сестре Евы уволиться. Он смог эмигрировать в Нью-Йорк, не прибегая к содействию семьи Браун, и никогда нигде не обмолвился о тайне их средней дочери. Он словно наложил на себя обет молчания.

Но у Ильзе были другие планы. Не исключено, что отказ от предложения Евы спас ей жизнь. Ведь Гретль почти безвылазно находилась в Берхтесгадене и флиртовала там едва ли не с каждым из особ мужского пола. Она выражала готовность выйти замуж за любого из них, пока, наконец, не заключила брак с Фегелейном, прозванным «оком Гиммлера». Стань Ильзе ассистенткой Морелла, это могло иметь непредсказуемые последствия, ибо Геринг вроде бы в шутку уже однажды назвал пребывание сестер в «Бергхофе» «вторжением армии Браунов». В ответ Гитлер сурово нахмурился и настоятельно порекомендовал ему не вмешиваться в чужие дела.

В конце августа 1937 года Ева писала, что если «Морелл хочет лечить фюрера, он должен поторопиться, так как вскоре у того совершенно не будет времени».

Оказавшись в Берхтесгадене, Морелл тут же принялся плести интриги и в результате сумел оттеснить своего соперника доктора Брандта. Ева никогда не скрывала своего восхищения им и немедленно попыталась смягчить последствия немилости Гитлера. Но изгнанию Брандта из Берхтесгадена уже ничто не могло помешать. Вполне возможно, что Гитлера давно раздражали знаки внимания, которые Брандт оказывал Еве.

Правда, ее отношение к Мореллу быстро изменилось. В конце концов она окончательно потеряла доверие к новому лечащему врачу Гитлера и открыто обвинила его в том, что он своими лекарствами отравляет кровь ее возлюбленного. Морелл закончил жизнь в американском лагере для интернированных. Брандта же по приговору Международного трибунала повесили в Ландсбергской тюрьме.

В начале 1939 года Ева въехала в квартиру в Новой рейхсканцелярии. Гитлер предоставил в ее распоряжение бывшую спальню Гинденбурга, основными достопримечательностями которой были колоссальных размеров камин и не менее огромный, занимавший почти всю стену портрет Бисмарка. Прислуге строжайше запрещалось хоть немного приподнимать наглухо закрывавшие окна тяжелые шторы. Комната и будуар примыкали к библиотеке Гитлера. В квартиру Ева входила через служебный вход, она и здесь официально числилась секретаршей, была вынуждена обедать вместе со своими коллегами и не имела права свободно передвигаться в той части рейхсканцелярии, где размещались высшие государственные и партийные инстанции. Рядом с Гитлером ее видели крайне редко, но по ночам она, видимо, посещала его, так как он однажды сам признался, что «меня всего трясет от ужаса при одной только мысли о ночном одиночестве». Из-за этого в отсутствие Евы Гитлер старался лечь как можно позже и часто не смыкал глаз до рассвета.

Если он обедал с Евой, то только в библиотеке и всегда в обществе двух секретарш. В ответ на все просьбы Евы взять ее с собой на один из роскошных приемов, устраиваемых кем-либо из высших чинов рейха, или просто отпустить на сезонный бал он неизменно отвечал: «Ты не создана для светской жизни, Эви… Ты слишком дорога для меня… Я просто обязан беречь твою чистоту и непорочность… Берлин — это греховный Вавилон… Пойми, окружающий мир грязен и подл».

Ева согласно кивала головой, но продолжала ныть. Ее страшно раздражала Эмми Геринг, повсюду расхваливаемая как «первая дама рейха». Когда Геббельс публично заявил, что «Гитлер всецело занят судьбой нации и у него нет личной жизни», Ева с издевкой сказала: «Я, оказывается, не личная жизнь».

Ева, естественно, обижалась на такое пренебрежительное отношение к ней. Чтобы хоть как-то забыться, она покупала любую качественную и дорогую вещь, попадавшуюся ей на глаза. Ильзе рассказывает, что Ева однажды оделась, как обычная секретарша, отправившаяся в обеденный перерыв за покупками, и в таком виде появилась в знаменитом на всю Европу фирменном магазине кожаных изделий, чтобы подобрать себе сумочку. Все

предлагаемые продавщицей дешевые товары она с презрением отодвигала в сторону.

«Принесите мне с витрины вон тот набор кожаных изделий», — потребовала она. «Но ведь это натуральная крокодиловая кожа, — возразила продавщица, с удивлением посмотрев на нее. — Набор очень дорогой. Собственно говоря, он не продается и выставлен лишь для эффекта, так как никто не может позволить себе купить его». «А я вас о цене не спрашиваю, — холодно ответила Ева. — Немедленно принесите сюда набор». Продавщица смущенно молчала, и тогда Ева высокомерным тоном герцогини, обращающейся к служанке, велела ей привести управляющего, а когда тот появился, приказала; «Этот гарнитур сегодня в первой половине дня должен быть доставлен в рейхсканцелярию. Счет пришлите в личную канцелярию фюрера».

Не успели управляющий и продавщица опомниться от шока, как Ева вышла из магазина и села в черный «мерседес», за рулем которого сидел рослый шофер в эсэсовской форме. Управляющий тут же лично доставил набор, состоящий из чемодана, сумочки, зонтика и дорожных предметов в рейхсканцелярию, присовокупив к нему от себя огромный букет цветов.

Ева очень любила рассказывать эту историю, и какое-то время ее даже называли «фрейлейн Крокодил».

Помимо «мерседеса», у Евы был еще один автомобиль. К двадцатисемилетию Гитлер подарил ей один из первых «фольксвагенов». Он лично приказал начать в Германии массовое производство этих малолитражных машин с целью доказать американцам, что он способен пойти по стопам Форда. Однако в дальнейшем выяснилось, что автомобиль слишком бросается в глаза, и почти всю войну он простоял в гараже «Бергхофа».

Ева Браун теперь даже отдаленно не напоминала ожидавшую поезд девочку в клетчатом пальто и хлопчатобумажных чулках. Теперь она шила платья у фрейлейн Гейзе, считавшейся одной из самых дорогих портних Берлина. Белье она получала из Парижа, туфли и сапожки — из Флоренции, а спортивные костюмы покупались для нее в лучших магазинах Вены. На примерках она вела себя невыносимо, ее чрезмерно роскошные туалеты подчас граничили с безвкусицей и, наверное, могли вызвать только усмешку у истинного знатока моды, но Гитлер чрезвычайно гордился ее манерой одеваться.

«Нет, вы только посмотрите, как элегантна фрейлейн Браун…» — замечал он иногда. Тем не менее, завидев Еву в очередном супермодном платье из Парижа, он считал нужным упрекнуть ее в чрезмерной тяге к роскоши.

«Вы приобрели это платье на черном рынке? Нам так не хватает твердой валюты, а вы себе такое позволяете… Женщинам непременно нужно покупать платье за границей, они никак не желают понять, что в Германии делают вещи не хуже. Вы хотите именно французские духи? А кто изобрел одеколон[60]? Мы!»

Ева оставалась глуха к такого рода упрекам. Если дело касалось приобретения модных вещей, она всегда умела настоять на своем. Гитлер безропотно подписывал ее счета, а она затем передавала их Аксману или Борману. Но часто Гитлер выдавал ей нужную сумму наличными, он просто вытаскивал из кармана толстую пачку стомарковых банкнот и небрежно засовывал ее в сумочку Евы, которая никогда напрямую не просила у него денег.

До окончания строительства Новой рейхсканцелярии Ева по настоянию Гитлера во время своих нечастых визитов в Берлин жила в одном из номеров отеля «Адлон». Сам Гитлер отдавал предпочтение отелю «Кайзерхоф», куда иногда заезжал по вечерам послушать легкую музыку. Разумеется, там всегда толпилось множество красивых женщин, издали бросавших на него восхищенные взгляды. По слухам, метрдотель «Кайзерхофа» неслыханно разбогател, получая от поклонниц фюрера щедрые чаевые и усаживая их за это как можно ближе к его столу. Вполне понятно, что Гитлер выбрал для временного проживания Евы в Берлине другой отель. Ведь она ревновала Гитлера к любой особе женского пола, осмелившейся приблизиться к нему.

Застолье в библиотеке на Вильгельмштрассе Гитлер использовал для разглагольствований на самые разнообразные темы и зачастую нес полную чепуху. Черчилля он называл «хроническим алкоголиком», Рузвельта — «настоящим преступником», про Кемаля Ататюрка говорил, что в его жилах течет германская кровь, ибо он голубоглазый курд. Никто из секретарш — среди них встречались достаточно образованные женщины — не осмелился сказать ему, что тогдашний президент Турции родился в Салониках, а его отец, как и отец Гитлера, — таможенный чиновник. Гитлер также полагал: преимущество рекламных текстов заключается в их непрерывном повторении, и неоднократно подчеркивал, что из него вышел бы превосходный управляющий рекламным агентством на Мэдисон-авеню. «Скажите, фрейлейн Браун, почему вы пользуетесь одной и той же зубной пастой?» — «Потому, что она мне нравится», — отвечала Ева. «Неправильно, — возражал Гитлер, — потому, что вы повсюду видите ее название — на плакатах, в театральных программах, в журналах. Вот почему в политике мы также должны повторять одно и то же, только тогда народ поймет, что мы правы».

Однако коньком Гитлера был еврейский вопрос.

Ева Браун выросла в семье, не знавшей расовых предрассудков. Фриц Браун терпимо относился к людям вне зависимости от их национальности и вероисповедания, иначе он никогда бы не позволил своей старшей дочери работать у врача-еврея. Что же касается Евы, то она не питала ни малейшего интереса к расовой теории, с удовольствием читала произведения еврейских авторов и, слушая любимую мелодию, никогда не спрашивала, есть ли в композиторе еврейская кровь. Напрасно Гитлер неустанно повторял: «Евреи — не немцы и никак не могут быть немцами. Они мои личные враги, и ты должна относиться к ним соответственно». Но судьба «врагов» Гитлера совершенно не волновала Еву. Ведь и домохозяйка в Бруклине также не проливает слез по поводу жалкой участи палестинских беженцев. «Даже если бы Ева вздумала вступиться за какого-нибудь еврея, то никак не облегчила бы его участи, скорее наоборот, — защищала сестру Ильзе Браун в беседе с автором. — Я один раз пришла к Борману с просьбой помочь освободить из концлагеря Заксенхаузен одного из моих самых любимых писателей Артура Эрнста Рутру, еврея по национальности. Борман обещал мне в присутствии Евы сделать все необходимое. Через две недели он с ханжеским видом заявил: «К моему сожалению, ваш подопечный мертв. Он убит при попытке к бегству». Мне стало ясно, что любое вмешательство приведет к аналогичному результату и все попытки помочь евреям лишь ускорят их уничтожение».

В 1939 году Ева много путешествовала. Вместе с младшей сестрой и матерью они совершили плавание на прогулочном лайнере по Северному морю. Такого рода туристические поездки устраивались действовавшей в системе Германского трудового фронта организацией «Сила через радость». Гитлер ничего не имел против, так как эти поездки ничего ему не стоили.

Еву также приглашали на кинофестиваль в Венеции. Ее пребывание в отеле «Экзельциор» оказалось, однако, недолгим. Она получила срочную телеграмму и немедленно выехала обратно в рейх. Был конец августа, и в переполненном спальном вагоне говорили только о предстоящей войне с Польшей. Поезд по непонятной причине подолгу простаивал на переездах. Перроны мелькавших за окнами станций были переполнены. Ева даже содрогнулась, увидев, сколько воинских эшелонов стремительно мчится в противоположном направлении. Как и почти все немцы, она так до конца и не верила, что будет объявлена всеобщая мобилизация.

Разумеется, Ева от всей души хотела присоединения Данцига к рейху и даже подарила Гитлеру к пятидесятилетию украшенные

бриллиантами золотые запонки с изображением свастики над гербом «Вольного города». Но сестрам она постоянно говорила, что «все закончится подписанием мирного соглашения и веселыми песнями». Ильзе отправилась вместе с ней в Берлин. По просьбе Евы Альберт Шпеер предложил ее старшей сестре должность своей секретарши. Гитлер несколько смягчил режим секретности, поэтому позволил себе пригласить обеих молодых женщин на полуофициальный ужин в рейхсканцелярию. Когда подали десерт, Гитлер спросил Риббентропа: «Если вы не против, я открою тайну?» Министр иностранных дел только горделиво улыбнулся в ответ. Тогда Гитлер во всеуслышание заявил: «Никакой крупномасштабной войны не будет. Сегодня ночью Риббентроп вылетает в Москву. Мы подписываем с русскими договор».

В эти предваряющие начало величайшей в Новейшей истории войны роковые часы Ева неотступно находилась рядом с Гитлером. Ее альбом содержит поразительные любительские снимки, но еще более ошеломляющее впечатление производят подписи под ними. Гитлер говорит по телефону с Риббентропом, сообщающим ему из Москвы о подписании договора. На заднем плане люто ненавидящие друг друга Геббельс и Борман обнимаются от радости. Далее следующая запись Евы: «…И все-таки Польша не хочет вести переговоры…» Оказывается, Гитлер сообщил ей, что поляки хотят войны, а их неуступчивый посол Липский распространяет в посольствах на Тиргартенштрассе слухи о непригодности немецких танков к боевым действиям и готовности польской кавалерии уже через неделю после их начала торжественно вступить в Берлин.

Ева и Ильзе присутствовали также на приснопамятном заседании рейхстага в опере Кролл, где Гитлер объявил, что германские войска вступили в Польшу.

«Это война, Ильзе, — прошептала Ева. — Он покинет меня… Что с нами будет?»

Когда же Гитлер возвестил, что до победы будет носить только военную форму, а в случае поражения уйдет из жизни, Ева затряслась и закрыла лицо руками. «Если с ним что-нибудь случится, — пробормотала она, — я тоже умру».

Все присутствующие встали и закричали: «Хайль Гитлер!» Затем зазвучали государственный и партийный гимны. Но на улицах у большинства берлинцев лица были мрачными и озабоченными, как на похоронах. Женщины спешили домой, с горечью поглядывая на торопливо семенящих рядом детей.

У выхода из здания оперы доктор Брандт сказал: «Не беспокойтесь, фрейлейн Браун. Фюрер обещал, что через три

недели война закончится». «Да». Ева горько улыбнулась и стиснула зубы, чтобы не разрыдаться.

Вечером она попросила управляющего делами рейхсканцелярии Канненберга зайти к ней. «Я слышала от Геринга, — сказала она, и, пораженный ее приказным тоном, невысокий полный человек удивленно вскинул брови, — что в Гамбургском порту стоят пароходы, битком набитые консервами, шоколадом, кофе, вином и множеством других продуктов. Немедленно пошлите туда кого-нибудь, пусть он заберет часть продуктов и отправит их на «Гору»[61]. Нам нужно сделать как можно больше запасов». Канненберг поспешил выполнить ее желание. Мародеры, в мае 1945 года накануне прихода американских войск грабившие дома в Оберзальцберге, обнаружили в подвалах и амбарах бывшей резиденции Гитлера довольно большое количество этих продуктов.

«Валькирия»

В наши дни «Остерия-Бавария» представляет собой типичный небольшой мюнхенский ресторан. Теперь он носит название «Остерия-Италия». Маленький сад с нишей в форме храма и статуэткой бога виноделия Вакха, до боли напоминающего кого-то из знакомых. В маленьком зале вполне можно занять столик рядом с кухней, за который в свое время так часто присаживался Гитлер. Здесь до прихода к власти он встречался с будущими «старыми борцами»[62] и, дожидаясь, пока ему подадут попеременно солидную порцию спагетти без подливы, тарелку с салатом и огромный стакан виноградного сока, принимал важные решения, отразившиеся в дальнейшем на судьбах многих европейских стран. В «Остерию-Баварию» приходили также его многочисленные почитательницы. Это происходило как до, так и после рокового 1933 года.

Очаровательная английская студентка, светловолосая, изящная, грустным видом напоминающая миниатюру с изображением Марии Стюарт, весной 1935 года регулярно обедала в «Остерии-Баварии». Ни один из завсегдатаев толком не знал, что именно изучает девушка, поскольку она не знала ни слова по-немецки. Но официантку Эллу англичанка вознаграждала воистину по-королевски, давая баснословные чаевые, и та охотно сажала ее как можно ближе к постоянному столику Гитлера.

Молодая красавица студентка часто бывала у принцессы Гогенлоэ и узнала от нее, что Гитлер, с которым она просто жаждала познакомиться, время от времени обедает в «Остерии». Ее настойчивость оправдала себя. Она так долго неотрывно смотрела на Гитлера, что будущий фюрер наконец поднял глаза и мечтательный взгляд совсем еще юного прелестного создания пробудил в нем интерес. Он приказал своему адъютанту, офицеру СС Шаубу, узнать у владельца ресторана, кто она, и через несколько минут услышал: «Англичанка. Как зовут, неизвестно».

Эти подробности автор узнал от дочери бывшего хозяина «Остерии». Она давно продала это заведение, стала детским врачом и настолько увлечена своей профессией, что неохотно говорит о прошлом, ибо оно не представляет для нее никакого интереса. Гораздо больше сообщила автору повариха, позднее исполнявшая те же обязанности в Берхтесгадене. Любопытно, что Гитлер не только подобрал ей жениха, но и дал очень хорошее приданое.

Гитлер пригласил молодую английскую студентку к себе за

стол. Беседа поначалу не клеилась, так как Гитлер тогда еще недостаточно хорошо владел английским языком, а девушка практически не знала немецкого. Позднее она добилась просто поразительных успехов и могла без труда не только беседовать на отвлеченные темы, но и обсуждать серьезные проблемы. Говорила она с легким баварским акцентом.

Гитлер загорелся с первой же минуты; он был поражен ее ослепительной внешностью, ее манерами, светло-золотистыми волосами, но особенно бархатистой мягкостью кожи. «Только у англичанок бывает такая кожа; частые дожди, мягкий климат и долгие прогулки — вот откуда берется такая кожа…» — заявил Гитлер молодой студентке, чья грудь бурно вздымалась, а щеки слегка порозовели. Гитлер увидел в девушке образец истинно германской красоты в подтверждение своей теории о том, что британцы и немцы — единственные представители германской расы, призванной господствовать над миром.

Брюкнер смотрел на вещи гораздо более реалистически и позднее осмелился остудить разгоряченную голову Гитлера вопросом: «А если ее к нам подослала английская разведка? Нужно быть осторожнее, мой фюрер».

Гитлер улыбнулся, но ответ прозвучал довольно резко: «Мой инстинкт меня еще никогда не подводил. Поверьте, Брюкнер, эта девушка чиста, как родник. Она — настоящее золото!»

Так Гитлер познакомился с леди Юнити Валькирией Митфорд. Именно о ней Ева Браун с такой горечью отзывалась в своем дневнике накануне второй попытки самоубийства. Были ли у Евы Браун основания для подозрений? Из всех женщин, с которыми Гитлер поддерживал более-менее близкие отношения, леди Юнити Митфорд бесспорно являлась единственной реальной претенденткой на ее место. Ведь после первой, вроде бы случайной встречи в «Остерии» она уже не расставалась с Гитлером. Их видели вместе повсюду: в Байрейте, Берлине, Мюнхене, на партийных съездах в Нюрнберге и даже в Берхтесгадене.

Дело дошло до того, что капитан Фриц Видеман, наряду с адъютантскими исполнявший также дипломатические обязанности, по возвращении из Лондона, где он встречался с лордом-канцлером Галифаксом и выполнял крайне важное секретное задание, в «Бергхофе», к немалому своему удивлению, узнал, что фюрер очень занят и не может его принять. Что же могло побудить Гитлера отказаться выслушать доклад, касающийся улаживания напряженных отношений между Германией и Англией? Оказывается, Гитлер в это время наслаждался прогулкой с леди Митфорд до живописным

окрестностям Берхтесгадена. Об их истинных отношениях свидетельствует уникальная фотография, на которой она и Ева Браун запечатлены рядом с Гитлером на трибуне Имперского партийного стадиона, предназначенной только для личных гостей Гитлера.

Ева Браун была вынуждена не только неоднократно встречаться с соперницей, но и по приказанию Гитлера провести ее по его дому в Берхтесгадене. Ева вела себя подчеркнуто вежливо и ни разу не позволила себе устроить сцену ревности. Ведь воспитанниц монастырского пансионата приучали вести себя прилично в любой ситуации.

Даже в Берлине Ева не могла расслабиться. Квартира ее, довольно неуютная, к тому же располагалась прямо над кухонными помещениями старой рейхсканцелярии. Доносившиеся оттуда запахи были настолько отвратительными, что даже в каникулярные дни Ева не решалась открыть окна. И в квартире, и за ее стенами Еву донимали секретарши Гитлера и, прежде всего, красавица Герда Дарановски. Им доставляло особое удовольствие изводить ее сплетнями.

Например, они рассказывали, что Гитлер недавно вовсю кокетничал с актрисой Ренатой Мюллер, что на приеме в Доме деятелей германской культуры на Викторияштрассе, куда Еву никогда не приглашали, он увивался вокруг Женни Юго, а в другой раз не отходил от венгерской танцовщицы Марики Рокк.

Говорили также о его любовной связи с дочерью знаменитого певца и сподвижника Карузо Лео Слезака — Маргарет. Якобы она безумно увлеклась Гитлером, а он, в свою очередь, также проявил к ней интерес. Судя по сохранившимся документам, Гитлер содействовал появлению на экране самой Маргарет и ее отца. В 1940 году в коридорах киностудии «Тобис» — в те времена автор бывал там довольно часто — открыто говорили о том, что Маргарет Слезак пыталась покончить с собой, так как Гитлер отверг ее любовь, и что спасти ее удалось буквально в последнюю минуту. Ее брат Вальтер, ставший довольно известным американским актером, написал книгу, посвященную памяти его семьи. В ней он тщательно избегает малейшего намека на закулисную сторону жизни своей сестры.

Сохранился дневник бывшего министра иностранных дел фашистской Италии графа Галеаццо Чиано. В нем содержатся сведения о другой фаворитке Гитлера Зигрид фон Лафферт. Семья этой знатной мекленбургской дворянки разорилась, и Гитлер впоследствии оказывал ей финансовую помощь. С Гитлером семнадцатилетняя Зиги познакомилась в Хайлигендаме — старейшем немецком морском курорте, поблизости от

которого жила ее семья.

По словам ее дальней родственницы, Виктории фон Дирксен, она произвела на Гитлера такое сильное впечатление, что он решил взять ее в Берлин и там превратить в настоящую светскую львицу. Однако, вероятно, она уже тогда пользовалась его благосклонностью. Не потребовалось слишком много времени для того, чтобы в дипломатических кругах Берлина обратили внимание на юную баронессу. «У нее была совершенно восхительная грудь, — вспоминает бывший итальянский посол в Германии Дино Альфиери, — длинные ноги и, наверное, самый маленький рот в мире. Она не пользовалась косметикой, а длинные светлые волосы собирала на затылке на манер короны».

Как известно, у Гитлера было навязчивое желание устраивать личную жизнь близких ему людей. Баронесса не составила исключения. Наилучшей кандидатурой на роль ее мужа Гитлер считал упомянутого ранее посланника фон Хевеля. Но, может быть, он просто хотел успокоить Еву Браун. Как бы то ни было, из его планов ничего не вышло, и в результате Зигрид фон Лафферт уехала в Париж, где вышла замуж за сына германского посла графа Иоганна фон Вельчена.

Согласно Михаэлю Мусмано, после крушения нацистского режима Зигрид фон Лафферт утверждала, что «никогда бы не вышла замуж за тирана». Разумеется, когда тиран потерпел поражение, можно говорить все что угодно.

Фриц Видеман случайно оказался свидетелем беседы, о которой впоследствии рассказал автору. Приглашенный Зиги на чашку чая Гитлер спросил: «А почему вы, собственно говоря, еще не замужем, баронесса?» Зигрид фон Лафферт многозначительно посмотрела на него и тяжело вздохнула: «Мой фюрер, ну вы ведь сами прекрасно знаете, почему».

Одно время в дипломатических кругах широко обсуждался вариант женитьбы Гитлера на дочери итальянского короля принцессе Марии Савойской. Нелепой эта идея кажется только на первый взгляд. Многие полагали, что слухи распускал граф Чиано. Достоверно известно, Гитлер во время визита в Италию на приеме в Квиринале[63] тактично намекнул, что принцесса к нему неравнодушна. Если связать эти слухи с инцидентом в порту Неаполя, то сразу же возникает вопрос, а может быть, действительно, в окружении Муссолини созрела мысль избавиться от немецкой фаворитки Гитлера и затем предложить ему руку королевской дочери?

Гитлер неоднократно говорил в узком кругу, что уж если он решит заключить брак по расчету, то его выбор падет на Винифред Вагнер. Он искренне и не без оснований полагал, что

тем самым приобщается к немецкой культурной традиции.

Винифред родилась в Гастингсе в 1897 году в семье английского журналиста Джона Вильямса и Эмилии Кароп, немки по национальности. С детства она страдала от различных недугов. Накануне Первой мировой войны Винифред перебралась в Германию, где увлеклась музыкой Вагнера и в 1915 году вышла замуж за его единственного сына Зигфрида.

Еще в 1923 году она познакомилась с Гитлером, и с тех пор он стал часто бывать в их доме. Любопытно, что Гитлер в семнадцать лет пытался написать оперу. До 1933 года он никак не афишировал свое присутствие на Вагнеровских торжествах, затем стал их официальным покровителем. Благодаря его поддержке, госпожа Винифред, муж которой скончался в 1930 году, не только снискала всемирную славу, но и получила в свое распоряжение значительные финансовые средства[64]. В Байрейте Гитлер отдыхал душой и старался даже не думать о политике. По его настоянию постоянными гостями Вагнеровских торжеств стали генералы, высокопоставленные чиновники и партийные руководители, он приглашал сюда иностранных государственных деятелей и известных музыкантов. Даже после начала войны в Байрейте какое-то время проводились фестивали.

Гитлер побывал там в 1940 году. В последний раз при нем там исполнили оперу «Гибель богов». Интересно, увидел ли он в этом некое зловещее предзнаменование?

Юнити Валькирия Митфорд уже в 1932 году сумела уговорить своего отца, лорда Редесдейла, встретиться с Гитлером в Байрейте. Ее сестра Дебора, жена крупного промышленника Гинесса, полностью разделяла ее восхищение Гитлером. Другая сестра, Джессика, напротив, открыто симпатизировала большевикам и даже отправилась в Испанию сражаться в составе одной из Интернациональных бригад на стороне республиканцев. По слухам, она попала в плен, и именно поэтому лорд Редесдейл лично обратился к Гитлеру с просьбой помочь его дочери. Гитлер обещал ходатайствовать за нее перед генералом Франко. Говорят, он выполнил свое обещание. По другой версии, Джессика сама сумела освободиться из плена и вернуться в Англию.

После развода Дебора вышла замуж за лидера английских фашистов Освальда Мосли. По неизвестной причине нацисты не поддерживали прямых контактов со своими британскими единомышленниками. Ими занималась исключительно Юнити. Она устроила свадьбу своей сестры в Мюнхене, но, вопреки утверждениям, не в квартире, а в доме одного из своих друзей. Гитлер пригласил новобрачных к себе на ужин. После беседы с Мосли он с оттенком пренебрежения заметил: «Это человек

доброй воли». И Юнити тут же поспешила заявить: «Я убеждена, мой фюрер, что мой зять должен многому научиться у вас».

Юнити в торжественной обстановке вручили значок, хотя в такую ультрашовинистическую организацию, как НСДАП, обычно не принимали иностранцев. Гитлер подарил ей свой портрет в серебряной рамке, с которым она не расставалась даже в дальних поездках. На капоте ее автомобиля флажок со свастикой всегда соседствовал с британским национальным флагом. Юнити повсюду объявляла, что она — Жанна д'Арк современной эпохи и ее цель — добиться союза между «владыкой земли и владычицей морей», то есть между Германией и Англией.

Вопреки мнению перепуганных советников — правда, они высказывали его крайне осторожно и в весьма завуалированной форме, — Гитлер очень серьезно отнесся к юной английской леди. Она много рассказывала ему об Англии — стране, о которой он почти ничего не знал. Ведь он, кроме «Ежегодного справочника ВМФ Великобритании», ничего не читал о ней.

Юнити часто встречалась с Уинстоном Черчиллем, Энтони Иденом, Невиллом Чемберленом и лордом Ротермиром. Она была также представлена королю. Гитлеру Юнити говорила только то, что он хотел услышать. Из ее слов следовало, что британское правительство представляет интересы узкой группы лиц, а отнюдь не всего народа, что в Англии существует мощное националистическое движение, что английская молодежь в восторге от фюрера Третьего рейха, что войны хотят исключительно евреи, что они уже подкупили многих политических деятелей, включая Черчилля — его она называла могильщиком Британской империи, — и что, объединившись, Англия и Германия будут господствовать над миром. Слушая рассказы Юнити, Гитлер все больше и больше убеждался в правильности избранного им пути.

Намеревался ли Гитлер жениться на Юнити Митфорд с целью заложить основы будущей «Объединенной империи»? Или он лишь давал ей повод предаваться иллюзиям? Адольф Гитлер любил Еву Браун или во всяком случае делал вид, что любит ее. В первую очередь он руководствовался собственными представлениями об интересах государства. Вспомним, Наполеон любил Жозефину, но женился на дочери австрийского императора Марии-Луизе. Поэтому автор не исключает, что в один прекрасный день Адольф Гитлер, желая склонить общественное мнение Англии на свою сторону, заключил бы брак с Юнити Митфорд. Как бы то ни было, Юнити публично хвасталась своей причастностью к подписанию англо-германского Договора об ограничении военно-морских вооружений и

Мюнхенского соглашения. На одном из митингов она поспешила успокоить берлинцев, поклявшись, что ее родина никогда не выступит против Германии. И Гитлер искренне верил ей.

Однако наступило 3 сентября 1939 года, и стало ясно, что все планы Юнити Митфорд построены на песке. Этого она не выдержала. На следующий день после объявления Англией войны Германии Юнити передала гауляйтеру Мюнхена Адольфу Вагнеру большой запечатанный конверт с просьбой лично вручить его Гитлеру. В первый день Второй мировой войны у Вагнера были совсем другие заботы, и поэтому он вскрыл конверт лишь после того, как поговорил по телефону с находившимся на фронте Гитлером. В конверте гауляйтер обнаружил партийный значок и письмо, в котором ничего не говорилось о любви, зато ею была проникнута каждая строчка.

«Мне терзает душу необходимость выбора между желанием сохранить вам верность, мой фюрер, и моим патриотическим долгом… Оба наши народа низвергнуты в пропасть… Один потащил за собой другого… Моя жизнь больше не имеет смысла…»

Гитлер, на собственном опыте знавший, как ведут себя впавшие в отчаяние девушки, в особенности если повод для него дал лично он, попросил Вагнера посетить Юнити и успокоить ее. Тут выяснилось, что она исчезла. Только во второй половине дня один из врачей хирургического отделения расположенной на Нусбаумштрассе больницы сообщил в полицию, что накануне в Английском парке[65] была обнаружена раненная в оба виска девушка, личность которой пока не установлена ввиду полного отсутствия документов. При последующем осмотре выяснилось: она два раза выстрелила себе в голову. Одна из пуль засела в голове, парализовав нервную систему. Ее состояние — безнадежное.

Гитлер, узнав об этом, немедленно распорядился, чтобы молодую женщину — Вагнер тем временем уже установил ее личность — перевели в лучшее отделение для четных лиц и чтобы ее лечили лучшие врачи. Все расходы, естественно, взяло на себя государство. Он также приказал своему послу в Берне (Швейцария исполняла роль связующего звена между двумя воюющими государствами) немедленно в тактичной форме сообщить о случившемся родителям Юнити.

Пострадавшую оперировал знаменитый профессор Магнус. Затем, когда жизнь раненой уже была вне опасности, ее навестил Гитлер, неожиданно для всех 10 сентября 1939 года вернувшийся с фронта.

Несколько месяцев Юнити была без сознания, а потом,

казалось, никого не узнавала. С подданной государства, открывшего военные действия против Германии, обращались воистину по-королевски. Таков был недвусмысленный приказ Гитлера, По его желанию Ева Браун послала Юнити в больницу цветы и позаботилась о передаче всех необходимых туалетных принадлежностей и белья. Именно по настоянию Евы доктор Тео Морелл регулярно консультировал врачей отделения.

В палате № 202, двери которой надежно отгораживали Юнити Митфорд от окружающего мира, царила гнетущая атмосфера. Гитлер приказал, чтобы никто из обслуживающего персонала публично даже словом не обмолвился о таинственной пациентке. К счастью, этот персонал состоял из монахинь, прошедших суровую школу религиозного воспитания.

Лишь весной 1940 года у врачей создалось ощущение, что Юнити вернулась в относительно нормальное состояние. Автор не слишком доверяет рассказу жены адъютанта Гитлера Юлиуса Шауба, по его поручению неоднократно навещавшего несчастную англичанку. По ее словам, она разорвала фотографию Гитлера с дарственной надписью и проглотила партийный значок. Только благодаря своевременному вмешательству профессора Магнуса, совершившему настоящее чудо, ей во второй раз удалось спасти жизнь. Но Магнус отказался от любых попыток извлечь пули из головы Юнити. Он прямо сказал своим ассистентам: «Если леди Митфорд умрет на операционном столе, в Англии тут же станут утверждать, будто Гитлер приказал убить ее ради сохранения тайны».

В конце концов Гитлер решил отправить Юнити к родителям. Купе скорого поезда Мюнхен — Цюрих было оборудовано так, что сопровождавшие англичанку доктор Райзер и медсестра в экстренном случае могли прооперировать ее прямо в дороге. На перроне вокзала в Цюрихе Юнити Митфорд уже ждал прибывший из Англии врач. Из Швейцарии через Кале Юнити доставили в Англию, где ей тут же была сделана операция.

Вплоть до окончания войны как в Англии, так и в Германии о ней знал только предельно ограниченный круг лиц, умеющих хранить молчание. Лишь в 1946 году фотографии Юнити появились на страницах британских журналов.

Ее сестра Дебора после очередного развода и последующего брака стала леди Девоншир, получив тем самым доступ в правительственные круги. Джессика, по всей видимости, осталась сторонницей коммунистов.

20 мая 1948 года «Таймс» коротко сообщила о смерти Юнити Митфорд, ни словом не упомянув о ее жизни.

Однако на самом деле Юнити Валькирия Митфорд

прекратила свое земное существование в шесть часов вечера 16 апреля 1940 года, когда скорый поезд отошел от Главного вокзала Мюнхена и двинулся по направлению к Цюриху. Среди провожающих на перроне стояла также Ева Браун. Истинную цель своего появления она замаскировала желанием проститься с доктором Мореллом, который по приказу Гитлера обязан был следить за состоянием Юнити Митфорд на протяжении всего пути. В действительности же ей хотелось в последний раз взглянуть на поверженную соперницу. Ведь подготовленный по дипломатическим каналам отъезд Юнити Митфорд в Швейцарию значил для Евы Браун больше, чем для Адольфа Гитлера взятие Варшавы.

«Чаперль»

Таким взволнованным Ева Гитлера еще никогда не видела. Красные пятна на щеках, слипшаяся от пота пресловутая челка, трясущиеся руки. «Фрейлейн Браун, я еще раз счастливо отделался… — Тут его голос предательски дрогнул, он отвернулся и невидящим взором уставился в зеркальные окна вагона-ресторана спецпоезда. — Только что я узнал, что в «Бюргербройкеллере» взорвалась бомба».

По традиции Гитлер ежегодно произносил речь перед участниками неудавшегося «пивного путча»[66]. 8 ноября 1939 года повод для выступления, казалось, был значительнее, чем обычно, — все-таки первая годовщина первой попытки государственного переворота во время войны. Тем не менее Гитлер был на удивление краток и, фактически скомкав речь, покинул зал раньше, чем это предусматривалось по графику. Из-за его поспешного ухода Ева Браун и Герда Остермайер едва не опоздали на поезд и успели прибежать на вокзал буквально в последнюю минуту. О попытке покушения Гитлер узнал по радио, когда спецпоезд уже подходил к Аугсбургу. Семь высокопоставленных функционеров НСДАП погибли, 63 ранены осколками бомбы замедленного действия. На следующий день старшая сестра позвонила Еве из Берлина и сообщила, что в числе раненых оказался их отец, к этому времени он уже окончательно примкнул к тем, кого сравнительно недавно считал своими противниками. Через два года после того приснопамятного дня, когда Фриц Браун, возмущенный публикацией в чешском журнале «Паненка» фотографии Евы, устроил средней дочери скандал, он вдруг решил вступить в НСДАП и 1 мая 1939 года получил партийный билет № 5021670. Более того, он даже стал функционером среднего звена, а окружное партийное руководство быстро удостоило отца возлюбленной их фюрера звания «доверенного лица, допущенного к партийным секретам», что, естественно, автоматически вынудило его принять своего рода обет молчания, подкрепленный подпиской о неразглашении этих секретов. С Евой он, видимо, помирился, так как наверняка не без ее участия ему выдали новый партийный билет за номером 1488. Отныне он, ранее резко отрицательно относившийся к нацизму, был зачислен в разряд «старых борцов» и получил допуск на ежегодные торжественные собрания в «Бюргербройкеллере». Теперь он в изодранной в клочья, окровавленной партийной униформе лежал на полу знаменитой пивной и тихо стонал. Команда спасателей

извлекла его из-под обломков рухнувшего потолка и немедленно отправила в больницу.

Позднее отец Евы объяснял столь резкую перемену своих политических взглядов необходимостью поддерживать мир в семье и сильным давлением со стороны начальства. Но, безусловно, решающую роль здесь сыграли внешнеполитические успехи Гитлера. Ведь сам Фриц Браун однажды откровенно заявил: «Как я могу придерживаться иного мнения, когда Гитлер присоединил к нам Австрию, Судеты и Мемель[67] и одержал победу над Варшавой, Парижем и Осло».

После вступления отца в НСДАП, влияние Евы в Оберзальцберге еще более усилилось. Привилегированное положение позволило ей теперь регулярно приглашать к себе родителей и сестёр. Гретль разрешили иметь собственные апартаменты. А после отъезда леди Митфорд из Германии у Евы больше не было достойных соперниц.

Летом 1940 года Гитлер в последний раз посетил Байрейтский фестиваль и с тех пор не поддерживал никаких отношений с Винифред Вагнер. С Евой же Гитлер, напротив, еще более сблизился и, чем трагичнее становилась ситуация, тем чаще он искал прибежища в «Бергхофе», где присутствие заботливой возлюбленной позволяло хоть на какое-то время забыть о неотвратимо приближающемся страшном конце.

Обслуживающий персонал в «Бергхофе» именовал теперь Еву не иначе, как «шефиня». Бе так и называли за глаза. Но публично ее имя никогда не произносилось, в лучшем случае шепотом только инициалы. Сплетение начальных букв имени и фамилии возлюбленной фюрера в форме кленового листка — эту монограмму придумала лично она — красовалось почти на всех ее вещах. Гитлера Ева в разговорах по-прежнему называла «шефом», «фюрером» или просто «АГ». Он, в свою очередь, часто ласково именовал ее «Чаперль». Так в Вене принято обращаться к любимым существам.

Ева стала настоящей дамой, изысканностью манер, элегантностью и самоуверенностью затмевающей всех женщин в Оберзальцберге. С годами она сделалась еще красивее.

«Ее никак нельзя было назвать красавицей с обложки модного журнала, — вспоминает Траудль Юнге, впервые увидевшая возлюбленную Гитлера в 1943 году. — Ее туалеты демонстрировали не столько богатство, сколько хороший вкус. Волосы она слегка подкрашивала, хотя была натуральной блондинкой. Обилие косметики уравновешивалось ее удачным подбором. А какая у нее была грациозная походка!»

У Евы была целая коллекция туфель, которые она заказывала

в Италии и которые щедро дарила сестрам и подругам. Но особенно она обожала драгоценности. Часто Ева намеренно надевала подчеркнуто скромное платье, чтобы на его фоне эффектнее смотрелся роскошный браслет или бриллиантовое колье.

В 1944 году Ева попала в категорию «лиц, обязанных нести трудовую повинность», и вернулась на свою прежнюю должность в фотоателье Гофмана. Гитлер был крайне щепетилен в подобных вопросах. Он искренне полагал, что нельзя делать никаких исключений из неукоснительно действовавших для всех правил, и неприятно удивился бы, узнав, что Ева очень редко появлялась на своем рабочем месте. Действительно, едва ли кто осмелился заставить по-настоящему работать возлюбленную Гитлера. Для нее отбывание трудовой повинности являлось простой формальностью.

«Завивку она делала не меньше одного раза в день, — рассказывает парикмахерша Милла Шеллмозер, — и была очень нетерпеливой и раздражительной. На чай давала мало и неохотно». Ее парикмахер Бергард сообщил автору, что каждый день приходил к ней домой около двух часов и что она никогда не говорила ни о войне, ни о политике. Позднее он отправился вместе с Евой в Берлин и там поселился в рейхсканцелярии. А Милла Шеллмозер вышла замуж за личного парикмахера Гитлера Пауля Рота. «Гитлер вызывал меня к себе ровно в полночь. Прическе он придавал очень большое значение. Брился он обычно сам».

С годами хозяйка Берхтесгадена сильно изменилась. «Я не узнавала своей сестры, — уверяет Ильзе Браун. — Чувствовалось, что она полностью попала под влияние Гитлера, У Евы испортился характер, она стала надменной и вела себя порой как настоящий деспот. Близкие были просто поражены ее бестактностью». «Тесное общение с сильными мира сего делает человека эгоистом. Порой он становится очень жестоким. Ева раздает свои старые платья с таким видом, будто она — королева, а мы — презренные слуги». Свои мысли Ильзе тогда, естественно, опасалась высказывать вслух, она только записывала их в дневник. В письме к старшей сестре, постоянно испытывавшей финансовые трудности, Ева обещала ежемесячно посылать ей десять марок. Она прямо заявила, что не собирается досаждать Гитлеру просьбами помочь ее семье. «Я считаю, это неприлично».

Поскольку Ильзе все более откровенно критиковала проводимую Гитлером политику, Ева запретила ей затрагивать эту тему в «Бергхофе». «Если фюрер отправит тебя в концлагерь, не надейся на меня». Вообще на все разговоры на эту тему в

Оберзальцберге было наложено строгое табу. Камердинер Гитлера Ганс Юнге (он женился на его секретарше Траудль, отправился добровольцем на Восточный фронт и там погиб) рассказал о следующем инциденте: «Как-то все собрались за столом, и Генриетта фон Ширах села рядом с Гитлером. Я стоял у них за спиной и слышал их разговор. «Мой фюрер, — сказала госпожа фон Ширах, — недавно в Вене я видела поезд с депортированными евреями. Несчастные выглядели просто ужасно. Наверняка с ними очень жестоко обращаются. Неужели, мой фюрер, вы ничего об этом не знаете, а если знаете, почему терпите?» Гитлер ничего не ответил. После продолжительной гнетущей паузы он встал и, не прощаясь, вышел из столовой».

С тех пор чете Ширахов практически закрыли доступ в Берхтесгаден. Ева, которая терпеть не могла Генриетту, нашла этому другое объяснение. Дескать, она вместе с мужем захотела посетить его родственников в Америке, а Гитлер подумал, что супруги Ширахи решили сбежать.

В результате Ева, ранее никогда не интересовавшаяся политикой, стала фанатичной сторонницей национал-социалистического режима. Ее раздражали даже малейшие критические замечания в адрес фюрера. Теперь она наконец смогла выйти из тени. Ее стали приглашать на торжественные празднования дня рождения Гитлера 20 апреля и приемы в честь Муссолини в Берхтесгадене. Во время пребывания Гитлера на фронте она устраивала различные праздники, пикники, приглашала к себе друзей — Беппо, Георга с сестрой, Кэти и Мици — и чуть ли не весь июль 1942 года провела в Италии. Конечно, она ни разу не съездила на оккупированные территории. С поездкой в Париж также ничего не получилось, хотя Гитлер вначале сам пригласил ее туда. «Ты непременно должна посмотреть здание Оперы, а затем мы устроим триумфальное шествие». Но потом он решил, что пребывание в столице Франции сопряжено с опасностью. Вообще Гитлер очень заботился о безопасности Евы. Он запретил ей ходить на лыжах, так как боялся, что она сломает ногу. На солнце ей также не следовало находиться слишком долго, загар мог обернуться раком кожи. Выезжать она имела право только в сопровождении родственников, или подруги, или сотрудника службы охраны в штатском. Позднее Гитлер настойчиво просил ее не оставаться подолгу в одном месте из-за опасности воздушных налетов. Он потребовал, чтобы доктор Морелл регулярно осматривал ее, поскольку считал, что худоба может стать причиной легочного заболевания.

Ева Браун тоже жила в постоянном страхе, боясь, что Гитлер

не вернется из одной из своих поездок на фронт.

«Мы поехали купаться на Кенигсзее. Ева и я, — рассказывает Герда Остермайер. — Внезапно к берегу подъехал автомобиль. Ева сразу почувствовала недоброе, так как во время войны нас возили только на автобусе. Шофер взволнованным голосом сообщил, что в результате покушения Гитлер легко ранен. Это произошло 20 июля 1944 года. В панике Ева вернулась в «Бергхоф» и попыталась связаться со ставкой фюрера в Восточной Пруссии. У нее долго ничего не получалось. Она уже была на грани нервного срыва, истерически выкрикивала нечто бессвязное, когда, наконец, Гитлер взял трубку и сказал, что с ним все в порядке. Тогда Ева выкрикнула: «Я люблю тебя! Бог спас тебя!» Она прыгала от радости, потом начала танцевать, потом вдруг заплакала. Тут мы вспомнили о гибели генерала Шмундта[68]. Как сообщить о ней его вдове? Через несколько дней Гитлер прислал свой рваный, испачканный кровью китель, при виде которого Ева чуть не упала в обморок. Она взяла китель и заперлась с ним в комнате».

Многие письма Гитлера к Еве украшены рисунками. Свои письма к нему она тщательно переписывала в тетрадь. Что с ними стало, неизвестно. Семья Браунов уверена: их уничтожил кто-либо из специальных уполномоченных Гитлера или его домоправительница Маргарет Миттельштрассер. Многие полагали, что это сделали американские солдаты. Но тут автору помог случай. Неожиданно выяснилось, что сохранились два письма, и он получил возможность прочесть их при условии сохранения полной анонимности нынешнего владельца. Письмо Гитлера напечатано на пишущей машинке, в нем много ошибок, скорее всего, он печатал его сам, а не диктовал секретарше. Вот его текст:

> «Моя дорогая Чаперль!
>
> Не беспокойся, у меня все хорошо, только немного устал. Надеюсь скоро приехать и отдохнуть в твоих объятиях. Мне очень нужен покой, но долг перед германским народом для меня превыше всего. Не забывай, что мои трудности несравнимы с испытаниями, выпавшими на долю наших солдат на фронте. Я очень благодарен тебе за доказательство твоей любви ко мне и прошу тебя выразить твоим глубокоуважаемым родителям мою самую сердечную признательность. Я очень польщен тем, что удостоился чести (пожалуйста, передай им непременно эти мои слова) быть любимым девушкой из очень достойной семьи. Посылаю тебе

китель, который был на мне в тот трагический день. Он еще раз подтверждает, что меня хранит провидение и что нужно опасаться не столько врагов, сколько друзей. Всей душой твой».

Письмо подписано инициалами А.Г. Это неоспоримо доказывает его подлинность. К нему приложен рисунок развалин коттеджа, разрушенного взрывом бомбы 20 июля 1944 года.

Ответное письмо Евы написано на голубом листке бумаги с монограммой ЕБ.

«Любимый,

Я просто вне себя. Я умираю от страха за твою жизнь. Приезжай скорее, иначе я с ума сойду. Погода прекрасная, вокруг такой мирный пейзаж, что мне даже стыдно становится. Очень жаль Шмундта, я пока не решаюсь сообщить жене о его гибели. Я всегда говорила и говорю, что не переживу, если с тобой что-нибудь случится, я пойду за тобой куда угодно, даже на смерть. Ведь я живу только твоей любовью. Твоя Ева».

Tea for two [69]

Гитлер имел весьма смутные представления об американцах. В основном он черпал их из гангстерских фильмов. Хотя читал он запоем, но принципиально игнорировал книги про Америку, считая ее страной бродяг. Гитлер был также твердо убежден в том, что американские солдаты не способны даже правильно держать винтовку. Нанесенные ему союзными войсками после высадки в Нормандии поражения объяснял тем, что в жилах таких прославленных американских генералов, как Эйзенхауэр[70], Спаатс[71], Нимиц[72], текла прусская кровь. Паттон[73] же, как известно, был усыновлен семьей потомков немецких эмигрантов и потому, по мнению Гитлера, также проникся воинственным германским духом. Гитлер, правда, очень сожалел о закрытии в 1942 году Метрополитен-оперы. «Это достойно всяческого сожаления. Это настоящая культурная катастрофа». Известно, что он откровенно презирал Рузвельта, а Сталина считал настоящим монстром, не скрывая, однако, своего восхищения его «гениальностью». Черчилля, как уже говорилось, он называл «главным алкоголиком Британской империи» и уверял Еву, что после победоносного для Германии окончания войны не только не казнит его, но, напротив, предоставит в распоряжение «бывшего премьер-министра» охраняемую резиденцию, где тот сможет «преспокойно себе пачкать мольберты». Часто Гитлер с упоением говорил о том времени, когда он также отойдет от всех государственных дел, станет сугубо частным лицом, будет рисовать и писать мемуары. «Мы с Евой поженимся, поселимся в Линце, в красивом, уютном доме, и я клянусь, что не возьму с собой ни одного из своих кителей. Пусть ничто даже не напоминает мне о войне».

Однако в истории США был период, которым Гитлер откровенно восхищался. Речь идет о так называемом Периоде сухого закона. О нем он говорил, что «лишь молодая нация способна прибегнуть к столь суровым, но необходимым мерам». Как уже было сказано, Гитлер всю жизнь оставался убежденным трезвенником, но никогда не возражал, если Ева и другие лица из его ближайшего окружения потребляли при нем спиртные напитки. Однако у него было много других странностей. Он очень плохо плавал, страдал от морской болезни и потому только при крайней необходимости поднимался на борт корабля. Кроме того, он испытывал панический страх перед лошадьми и насекомыми и поклялся никогда не вставать на лыжи.

Наибольшую антипатию у Гитлера вызывал никотин. Он мог

часами рассуждать о вреде курения. «Перед тем как стать частным лицом, — откровенно заявил он сестре Евы, — я прикажу, чтобы на каждой продающейся в Европе пачке сигарет было крупными буквами написано: «Табак — яд! Курение — причина рака…» Гитлер часто рассказывал, как юности бросил курить, убедившись, что на деньги, потраченные на сигареты, можно сходить в оперу. «На мосту через Дунай я сказал себе: «Все, пора завязывать!» — и бросил сигареты в реку. С тех пор я даже не притрагивался к ним».

Курить при Гитлере было строжайше запрещено. Императивные совещания, долгие беседы у камина, торжественные приемы и неофициальные беседы превращались для курильщиков в настоящую муку. Гитлер распорядился убрать из всех спален в «Бергхофе» пепельницы и даже не стеснялся заходить в женские туалеты с целью удостовериться, что в них никто не курит, Ева тайком покуривала, но после каждой сигареты тщательно полоскала рот, чтобы отбить запах. Как-то вечером, когда Гитлер, пожелав всем «спокойной ночи», поднялся к себе, Ева закурила в присутствии Ильзе, Дитриха и Геббельса. Неожиданно Гитлер вернулся, и стоявшая на нижней ступеньке лестницы Ева мгновенно села прямо на зажженную сигарету. Гитлер ничего не заметил и через пять минут удалился. Ева же прожгла себе платье, нижнюю юбку и потом долго не могла даже присесть: у нее нестерпимо болела ягодица…

Однажды Гитлер пообещал Гретль Браун, которую он как самую младшую из трех сестер называл Колибри, подарить виллу, если она бросит курить.

«Но, мой фюрер, — бросила в ответ Гретль, — такому подарку я очень обрадуюсь один раз, курение же доставляет мне двадцать маленьких радостей в день».

Женщинам, согласившимся месяц не курить, Гитлер обещал подарить золотые часы и драгоценности. Таких вместе с Евой оказалось двадцать, Ильзе, Гретль и Герда Остермайер не получили ничего, «Другим очень не нравилось, — рассказала Герда автору, — что мы не боялись открыто признаться в своих слабостях».

Кое-кто считал резко отрицательное отношение Гитлера к алкоголю, никотину и охоте в сочетании с любовью к животным проявлением величия его души. Однако он любил далеко не всех животных. Лошадей он считал глупыми созданиями, не любил бульдогов, черепах и кукушек. Кошки же вызывали у него настоящую аллергию. Зато был страстно привязан к овчаркам с тех пор, как в 1921 году получил в подарок собаку этой породы.

Помимо разговоров о вреде табака, Гитлер в «Бергхофе»

докучал гостям рассуждениями о своих планах образования завоеванных территорий или долго рассказывал им о «подвигах» своей овчарки Блонди. «Она легко усваивает все команды, ходит за мной как тень, она храбрая, верная и очень внимательная». Он даже вызвал в «Бергхоф» профессора Зауэрбруха, считавшегося лучшим хирургом Европы, чтобы тот прооперировал ее. Целыми вечерами Гитлер говорил только о предстоящей случке своей любимой собаки и пригласил в «Бергхоф» вдову профессора Трооста Герди с кобелем-овчаркой. Но Блонди не подпустила его к себе, и госпожа Троост вскоре уехала. Гитлер был просто вне себя горя.

Если говорить о пристрастиях Евы, то она обожала детей. Об отношении к ним Гитлера есть разные мнения. «Я твердо знаю, — категорически заявила Паула Гитлер автору, — мой брат стремился к общению с ними и любил, когда его ладоней касались их маленькие ручки». Одна из личных секретарш Гитлера утверждала, что он даже намеревался усыновить Гаральда Квандта — сына Магды Геббельс от первого брака. В свою очередь, Траудль Юнге полагает, что все было далеко не так. «Из меня вышел бы плохой отец семейства — откровенно высказался при ней Гитлер, — ибо у потомков гениев, как правило, очень трудная жизнь. Они редко наследуют у своих знаменитых родителей выдающиеся качества. Более того, зачастую они полные идиоты».

В двадцати трех альбомах, оставшихся от Евы, находится более сотни фотографий, изображающих ее и Гитлера вместе с маленькими девочками и мальчиками. Разумеется, Гофман в соответствии с испытанным рецептом политической пропаганды часто фотографировал Гитлера вместе с детьми. Ева же, лишенная возможности иметь ребенка, удовлетворяла свою потребность в материнских чувствах общением с детьми своих подруг и друзей. Так Герда Остермайер убеждена в том, что причиной ее частых приглашений в «Бергхоф» было скрытое желание Евы поиграть с ее маленькими дочерьми Урсулой и Гиттой.

Фотоальбомы Ева составляла вовсе не для того, чтобы убить время, и не из любви к искусству — они стали неотъемлемой частью ее жизни. Ведь она фактически общалась с очень узким кругом лиц и чувствовала себя далеко не свободной из-за множества ограничений. Неудовлетворенное честолюбие требовало гораздо большего, чем просто жизнь в «золотой клетке». Поэтому она сознательно готовилась войти в историю, и фотоальбомы должны были стать неопровержимым доказательством ее причастности ко многим историческим

событиям. В завещании она четко определила, как сохранить эти альбомы. Она даже заказала дубликаты фотографий и при случае дарила их родственникам и друзьям.

Ее родители не заводили больше разговоров о браке своей средней дочери — в сотрясаемой ежедневными бомбардировками Германии это уже не имело никакого значения, — но одна из подруг Евы хорошо помнит, как она страдала из-за двусмысленности своего положения. Выросшая в добропорядочной буржуазной семье и до конца своих дней придерживавшаяся привитых ей в монастырском пансионате принципов, она в душе совершенно не представляла себе жизни без замужества. Оставалось лишь утешать себя тем, что она принесла себя в жертву во имя великих, как ей казалось, целей своего возлюбленного. По словам Видемана, он однажды пригласил ее на прием, устраиваемый принцессой Стефанией фон Гогенлоэ в замке Леопольдскрон близ Зальцбурга. «Нет, я не могу пойти с вами, — со вздохом ответила Ева. — Вы поймите, я ведь не замужем».

С Гитлером Ева никогда не говорила о женитьбе, прекрасно понимая, что бесконечными стенаниями быстро наскучит ему. Она лишь время от времени напоминала возлюбленному о своем сокровенном желании, напевая в его присутствии соответствующие мелодии. Особенно ей нравилось перекладывать их на мотив своей любимой песни «Tea for two». Гитлер слушал их, даже не задумываясь над тем, что авторы текста и музыки отнюдь не являются приверженцами национал-социалистической идеологии.

Портрет Дориана Грея

Вплоть до конца апреля 1945 года Гитлер даже не помышлял о женитьбе на Еве Браун, хотя ему очень нравилось устраивать личную жизнь своих приближенных. После высадки западных союзников в Нормандии это желание еще более усилилось, ибо теперь он прекрасно понимал, что вскоре ему уже будет не до празднеств в Берхтесгадене. Именно поэтому он поспешил выдать замуж Гретль Браун за генерала СС и близкого друга Бормана Фегелейна. Гретль была поражена роскошью свадьбы, ее семья пришла в полный восторг, а Ева растрогалась до слез. Став свояченицей представителя Гиммлера при ставке фюрера, она получила совершенно другой социальный статус. Женить Фегелейна на младшей сестре Евы оказалось делом нелегким. Тут сыграло роль следующее обстоятельство. Молодой группенфюрер СС волочился, правда, чуть ли не за каждой юбкой в Берхтесгадене, но был крайне честолюбив и не хотел упустить шанс стать пусть неформальным свояком фюрера. Уже на следующий день после свадьбы он повел себя настолько нагло, что неприятно поразил даже не отличавшегося деликатностью Бормана. Гретль тоже любила флиртовать и однажды влюбилась в американского дипломата. Гитлер сперва намеревался познакомить ее поближе с другими людьми из своего интимного круга, и в первую очередь с посланником Вальтером фон Хевелем. Это был довольно незаурядный человек, долгое время пользовавшийся неограниченным доверием Гитлера. Похоже, он оставался единственным, кто был по-настоящему предан ему и не ждал от него никаких благ. Во время «пивного путча» Хевель шел на демонстрации рядом с Гитлером, а затем сидел вместе с ним в Ландсбергской тюрьме. Хевель был наделен недюжинными дипломатическими способностями (по его словам, иначе он «не смог бы стать посредником между Гитлером и Риббентропом») и постоянно держал Гитлера в курсе дипломатических событий. Но он совершил непростительную ошибку, когда не пригласил Еву Браун на свою свадьбу. Его враги тут же воспользовались этой оплошностью, раздули инцидент до невероятных размеров, и в результате разгневанный Гитлер надолго отлучил Хевеля от своего двора. Лишь на заключительной стадии войны он вернул себе расположение Гитлера, оставался с ним в Берлине до самого конца и после его смерти покончил с собой.

Отто Герману Фегелейну в момент его женитьбы на Маргарет Анне Пауле Браун было 37 лет. Он родился в Мюнхене в семье владельца скаковой конюшни и всю свою недолгую жизнь

оставался непревзойденным знатоком лошадей. Обитатели «Бергхофа» говорили, что когда-то он работал конюхом и что брачное ложе ему следовало устроить на сеновале. Фегелейн принимал участие во многих скаковых турнирах и выиграл несколько кубков. Затем перспективный молодой человек вступил в ряды СС. За отличавшиеся крайней жестокостью карательные акции против словацких партизан его наградили «Железным крестом» с дубовыми листьями. Впрочем, сам Фегелейн ничуть не обольщался насчет своих подвигов и с обезоруживающей откровенностью признавался, что в душе он трус и очень не хочет принимать участие в настоящих боях.

Бракосочетание состоялось 3 июня 1944 года в ратуше Зальцбурга. Свидетелями были Борман и Гиммлер. Гитлер пригласил семьи Фегелейнов и Браунов, а также еще пятьдесят гостей на праздничный ужин в Оберзальцберг. Ева заявила: «Я хочу, чтобы эту свадьбу отпраздновали так, как будто это моя», и пригласила сводный оркестр эсэсовской охраны. После ужина все поднялись на высокую (1834 м) скалу Кельштейн, где всего в нескольких метрах от вершины находилась еще одна резиденция Гитлера, именуемая «Орлиное гнездо». Правда, в наши дни экскурсоводы называют ее Чайным домиком, хотя Гитлер ни разу не пил там чай. Эта резиденция была построена Борманом на деньги из партийной кассы и подарена им Гитлеру ко дню рождения.

От «Бергхофа» к «Орлиному гнезду» вело семикилометровое шоссе с необычайно ровным покрытием. Его строительство потребовало неимоверных усилий и стоило жизни двадцати сорвавшимся в пропасть рабочим. Шоссе заканчивалось у входа в прорытый в скале 130-метровый тоннель высотой 3 метра с выложенными фаянсом стенами. В тоннеле был установлен лифт, кабина которого выдержана в золотистых тонах. В ней стояло обтянутое красным бархатом личное кресло Гитлера. Сам он, однако, не любил пользоваться лифтом, так как опасался, что трос можно перерезать или он просто оборвется. Этим объясняются его редкие визиты в «Орлиное гнездо». К тому же, по слухам, от горного воздуха у него перехватывало дыхание.

Все комнаты в доме были сравнительно небольшими, за исключением чайного салона, в середине которого находился огромный камин из каррарского мрамора. Здесь же находился кабинет Гитлера, ванная, две кухни и караульное помещение. Энергетическая установка, аналогичная установленным на борту подводных лодок, обеспечивала подачу воздуха. Огромная терраса зимой отапливалась.

Секретарша Гитлера Герда Дарановски, вышедшая замуж за

генерала военно-воздушных сил Эрхарда Кристиана, вспоминает, что на свадьбе Фегелейна и Гретль Ильзе Браун сказала: «Гитлер превратился в собственную тень». Он действительно очень постарел, его волосы сильно поседели («Виной тому не мои враги, а мои генералы»), руки у него дрожали, зрение ослабло. Только Еве Браун удавалось подать ему очки в стальной оправе так, чтобы он быстро успевал их схватывать левой рукой. Для Гитлера пришлось даже изготовить специальную пишущую машинку с необычайно большими литерами, позволившую ему зачитывать документы на совещаниях без очков. Кроме того, у него непрерывно подрагивали веки, а щеки покрылись восковой бледностью.

Встревоженная Ева говорила: «Когда я недавно увидела фюрера, то пришла в ужас. Он превратился в настоящего старика». Она позвонила одной из секретарш и, справившись о здоровье Гитлера, твердо заявила; «Я не доверяю профессору Мореллу. Фюрер никогда не говорит о таких вещах, но я чувствую, что он очень страдает».

После свадьбы на скале Кельштейн Гитлер еще больше сдал. Согласно директиве министерства пропаганды, в газетах публиковались фотографии пышущего здоровьем Гитлера. В действительности же он, подобно герою романа Оскара Уайльда, медленно угасал. Только для этого Гитлеру вовсе не требовалось глядеть на свой портрет.

После покушения 20 июля 1944 года его состояние сильно ухудшилось. («К счастью, — заметил он в беседе с одной из своих секретарш, — голова у меня все еще ясная».) Однако его мучили непрекращающиеся головные боли, потом он вдруг потерял слух. Приглашенный из Берлина один из виднейших специалистов в этой области доктор Эрвин Гизинг установил, что поражены обе ушные раковины. Неизбежная операция прошла успешно, но все эти недели у Гитлера не прекращалась депрессия, он потерял интерес даже к положению на фронтах. Позднее он признался Траудль Юнге: «Я не боюсь больше смерти; она только избавит меня от душевных и физических мук. С молодости у меня есть два вечных спутника: нищета и страх».

Чем ближе вражеские войска подходили к границам рейха, тем невыносимее становилась атмосфера в Берхтесгадене. Каждый вечер Ева слушала радио, чтобы узнать, не угрожает ли им воздушный налет. Все необходимые вещи заранее упаковали в чемоданы и сумки. Всю местность вокруг Берхтесгадена окутали искусственным густым туманом с целью ввести в заблуждение вражеских летчиков и сорвать высадку с воздуха диверсионных групп. Гитлер был твердо уверен, что западные союзники

непременно попытаются похитить его. Приказал же он в свое время похитить Муссолини…

В «Бергхофе» спешно построили бомбоубежище. Прорубленная в скале лестница из шестидесяти пяти ступенек вела из большого салона в огромный подвал с оборудованными ваннами, раздельными комнатами для Евы и Гитлера, и целой системой оборонительных сооружений, включающей в себя траншеи с блиндажами, доты и платформы. Соорудили даже бронированную будку для Блонди. Благодаря целому лабиринту проходов, обитатели бункера смогли бы убежать из него в случае окружения союзными войсками «Бергхофа».

Ева не любила спускаться в бункер. Всякий раз после бомбежки Мюнхена она звонила своим подругам и друзьям и порывалась немедленно отправиться в город, Гитлер запретил ей это, но однажды, узнав о гибели нескольких знакомых, она не выдержала и на автомобиле поехала в горящий Мюнхен. Вернулась с растрепанными волосами, вся в слезах и рассказала Гитлеру о страшных страданиях, выпавших на долю гражданского населения. Гитлер выслушал ее с каменным лицом и пообещал жестоко отомстить, применив «чудо-оружие». Оно якобы способно стереть с лица земли целые города.

Вероятно, страшный облик разрушенного Мюнхена побудил Еву Браун 26 октября 1944 года в своей квартире на Вассербургерштрассе составить завещание на восьми страницах. Приводим выдержки из него:

«Лист 1.

Драгоценности.

Госпоже Гретль Фегелейн:

Кольцо изумрудное с бриллиантами, большое — 1; кольцо изумрудное с бриллиантами, малое — 1; браслет изумрудный с бриллиантами, большой — 1; браслет изумрудный с бриллиантами, малый — 1; заколка изумрудная «бабочка» с бриллиантами — 1; серьги изумрудные с бриллиантами — 1; букет маргариток с рубинами (большой) — 1.

Госпоже Ильзе Браун-Михельс:

Ожерелье бриллиантовое с солитером — 1; брошь — она же кулон, платиновая — 1; кольцо бриллиантовое — 1; часы платиновые (с монограммой фюрера) — 1; букет маргариток бриллиантовый — 1.

Ей также полагались:

1. Дом на Вассербургерштрассе 12 со всей обстановкой, коврами, столовым серебром, фарфором и бельем. 2. Автомобиль «фольксваген» — 1. 3. Половина моих платьев, пальто, шуб,

нижнего белья, туфель с передачей (на выбор) пяти платьев, одного пальто и трех пар туфель госпоже Герде Остермайер. 4. Следующие картины: Боненбергер — «Каштаны, цветы и плоды»; Памини — «Римский пейзаж эпохи античности»; Боненбергер — «Портрет Евы Браун».

Лист 5.

Госпоже Гретль Фегелейн:

1. Все письма фюрера ко мне и черновики моих писем к нему. 4. Половина моих платьев, пальто, туфель, белья и пр. кроме шуб с передачей (на выбор) пяти платьев, одного пальто и трех пар туфель госпоже К. Фишингер. 5. Столовая на двенадцать персон, в настоящее время ремонтируется. 6. Все фотоальбомы. 7. Кинокамера «Сименс» с проекционным аппаратом и экраном — 1. 8. Следующие картины: акварель кисти Адольфа Гитлера — 1; Боненбергер — «Портрет фюрера»; Бамбергер — «Североитальянский пейзаж»; «Голова девушки» (подарок ройхсляйтера Бормана).

Лист 6.

Господину Фрицу Брауну:

1. Автомобиль «мерседес» с гаражом в Оберзальцберге — 1. 2. Бинокль — 1. 3. Картина: Муллей — «На дне долины».

Госпоже Франциске Браун:

1. Половина моих шуб, туфель (на выбор), чемоданы. 2. Следующие картины; а) художник Тициановой школы; «Венера, Эрос и Фавн», 6) Книрр — «Портрет фюрюра»; в) Рейнгарт — «Два цветка». 3. Следующие ковры; гобелен работы Анбуссона — 1; самаркандский ковер — 1. 4. Все наличные деньги за вычетом жалованья госпоже Миттельштрассер и Пауле Миттермайер».

Остальные вещи, картины и драгоценности предназначались подругам Евы и ее сослуживцам.

Ильзе отметила в дневнике, что на Рождество 1944 года в Бреслау видела страшный сон: будто ее сестра стоит, охваченная пламенем, и улыбается, а вокруг все больше и больше крыс; затем столб огня, и она навсегда исчезает… Ильзе проснулась с жутким криком. За окнами грохотали разрывы бомб.

Низвержение в ад

Когда Ева Браун узнала, что Гитлера будет оперировать профессор Эйкен, она была не в состоянии больше дня пробыть в Берхтесгадене. Из-за возникших на голосовых связках небольших опухолей он не мог говорить. Ева непременно хотела вместе с ним провести Рождество. К этому времени Гитлер уже перебрался из ставки в Берлин. В его спецпоезде все окна плотно занавесили, чтобы у него окончательно не испортилось настроение: слишком велики были разрушения.

В Берлине Ева уже полностью осознала всю серьезность ситуации. Она увидела бесчисленное множество разрушенных домов, наполовину рухнувший фасад министерства пропаганды, сильно поврежденное здание министерства иностранных дел. Ее сразу же предупредили, что не следует слишком близко подходить к отелю «Кайзерхоф», ибо он вот-вот развалится, как карточный домик. Но Кейтель твердо обещал вскоре одержать новую победу: «На Рождество мы войдем в Антверпен, и американцы в панике разбегутся», В свою очередь, Гитлер, которого Ева, разумеется, считала самым гениальным полководцем в мире, постоянно уверял: «Еще никогда я не был так близок к победе». Поэтому нет ничего удивительного в том, что Ева вскоре полностью прониклась его оптимизмом.

Миллионы немцев думали и действовали так же, как и она.

Минуло Рождество, и наступил новый 1945 год. Германское наступление в Арденнах не принесло ожидаемого успеха. Уже через несколько дней союзные войска сумели остановить его. Закрепившиеся ранее на рубеже Вислы советские войска начали новое наступление с баранувского плацдарма и быстро прорвали германские оборонительные линии. Все попытки изменить обстановку оказались бесполезными. Ева пришла в ужас, прочтя состоящую всего лишь из одной строчки срочную телеграмму от Ильзе: «Я вынуждена бежать из Бреслау…»

Утром 21 января старшая сестра Евы сошла на Силезском вокзале с переполненного перепуганными, измученными людьми поезда. Она еле стояла на ногах, поскольку не спала три ночи. Почти все свои вещи она была вынуждена оставить в Бреслау. Автомобиль доставил Ильзе в «Адлон», считавшийся самым роскошным отелем Берлина. В нем когда-то жила Ева до своего переезда в рейхсканцелярию. Вскоре позвонила Ева и попросила извинения за то, что не смогла поселить ее в рейхсканцелярии: «У нас все занято военными, нет ни одного свободного места, но вечером мы обязательно поужинаем вместе».

В малой библиотеке стол накрыли на троих, но Гитлер в последний момент не пришел, сославшись на необходимость срочно провести оперативное совещание. За ужином Ильзе, чувствовавшая себя совершенно разбитой, долго жаловалась на войну, на вторжение большевиков и на бросившего ее мужа. «Бреслау нам не удержать. Они захватят всю Силезию, всю Германию. Ты хоть знаешь, что тысячи людей вынуждены бежать по заснеженным дорогам, спасаясь от врага? Твой фюрер тащит тебя в пропасть, а заодно и всех нас…»

«Да ты с ума сошла! — возмущенно воскликнула Ева. — Как ты смеешь говорить так о фюрере. А ведь он оказался настолько великодушным, что пригласил тебя пожить в Оберзальцберге до возвращения в Бреслау…» Она схватилась за грудь и медленно опустилась в кресло. Лицо ее побелело. Вот уже несколько месяцев она постоянно жаловалась на боли в сердце и горько раскаивалась в том, что долго принимала прописанные доктором Мореллом успокоительные таблетки. Постепенно Ева пришла в себя и на прощание холодно кивнула сестре и легонько коснулась губами ее щеки. Разве могла она знать, что больше они никогда не увидятся.

Через несколько дней Гитлер попросил Еву вернуться в «Бергхоф». «Я в любую минуту могу отправиться на фронт, и потом, ты здесь всем мешаешь. Нужно все время принимать жизненно важные решения, и если я еще буду думать о тебе… Возвращайся в «Бергхоф», и я хоть буду спокоен за тебя. Но только не приезжай больше в Берлин… Обещаю, что на Пасху я приеду к тебе».

Еве ничего не оставалось, как подчиниться. В «Бергхофе» она тут же сказала домоправительнице, что собирается отвезти в Мюнхен кое-какие вещи и обеих собак, повидать родителей и друзей и отметить там свой день рождения. Но именно 6 февраля Мюнхен бомбили особенно сильно, и празднование пришлось перенести на следующий день. На небольшой вилле на Вассербургерштрассе, превратившейся вечером 7 февраля в островок благополучия в море бедствий, собралось очень много народу. С трудом передвигавшаяся из-за беременности, Гретль собралась с силами и тоже пришла повидать сестру. На огонек заглянули также несколько работавших когда-то вместе с Евой сотрудниц фотоателье Гофмана и жена доктора Брандта Анни. Ева с гордостью демонстрировала гостям подаренное ей Гитлером бриллиантовое колье с топазом.

Когда ранним утром все уже собрались расходиться, Ева неожиданно заявила, что намерена вернуться в Берлин и при любых обстоятельствах оставаться с Гитлером до конца.

«Ведь ты попадаешь в логово льва! — бурно возражали друзья. — Это же чистейшей воды безумие».

Несколько часов они пытались отговорить ее, но Ева никогда не меняла принятых решений. «Смерти я не боюсь. Я уже год назад знала, какой конец меня ждет. Фюрер запретил мне возвращаться, но я не могу по-другому».

Герда Остермайер выразила готовность разделить ее участь. Ева даже не стала слушать лучшую подругу: «Нет, Герда, твое место рядом с мужем — он ведь когда-нибудь вернется с фронта — и с детьми. А мое место рядом с ним».

Захотевшей сопровождать ее Гретль она спокойно сказала: «Тебе нельзя подвергать опасности будущего ребенка. Непременно роди мальчика, в семье Браунов у девочек несчастная судьба».

В феврале 1945 года добраться куда-либо в Германии было неимоверно сложно. Шоссе и даже проселочные дороги заполонили беженцы, поезда приходили с немыслимым опозданием, повсюду царил полнейший хаос. Ева позвонила Борману, рейхсляйтер наотрез отказался помогать, подчеркнув, что фюрер не желает видеть ее в Берлине. Тогда Ева поехала в штаб-квартиру концерна «Даймлер-Бенц» и потребовала от перепуганных служащих немедленно выделить ей автомобиль: «Фюрер ожидает меня в Берлине. Вам все ясно?» Еве не только выделили выкрашенный в серо-зеленый маскировочный цвет «мерседес», но и предоставили в ее распоряжение шофера. По дороге машину на бреющем полете атаковал английский истребитель, к счастью для них, все обошлось и пулеметные очереди не достигли цели.

При виде Евы Гитлер попытался выразить недовольство, однако по его пепельно-серому лицу было заметно, что он очень рад ее появлению. Весь вечер он, как заведенный, повторял: «Я очень горжусь вами, фрейлейн Браун, очень горжусь… Вы так привязаны ко мне, так привязаны…»

Берлин сильно пострадал от бомбежек. На Вильгельмплац зияли глубокие пробоины, но фасад огромного, занимавшего целый квартал между этой площадью и Герман-Геринг-Штрассе здания Новой рейхсканцелярии сохранял пока прежний величественный облик. В марте 1945 года, как и прежде, возле массивных деревянных ворот, отделанных под медь,[74] стояли, широко расставив ноги, рослые солдаты вермахта, а рядом напряженно всматривались в редких прохожих телохранители Гитлера в черной эсэсовской форме. Получил серьезные повреждения зал для почетных гостей, но крыло, где находились жилые апартаменты Гитлера и его кабинет, уцелело[75]. Здесь

пока проводились оперативные совещания, хотя его хозяин уже перебрался в подземный бункер. Правда, его строительство еще не было завершено. В нем сделали шесть выходов, три из которых вели в вестибюль рейхсканцелярии, а три — в сад министерства иностранных дел.

Бункер фюрера представлял собой несколько соединенных друг с другом подземных галерей, располагавшихся на глубине восемнадцати метров под восьмиметровым железобетонным покрытием. Попасть туда можно было по лестнице из тридцати семи ступеней. Однако основная часть подземного комплекса находилась на уровне двадцать пятой ступени, и толщина железобетонного покрытия в этом месте не превышала трех метров. Поэтому в проходах на стенах после бомбежек вскоре появились трещины, а уровень вылившейся на пол из лопнувших труб воды достигал нескольких сантиметров.

Бункер состоял из жилых комнат Гитлера и Евы, конференц-зала с приемной и ванной. Отдельные помещения были выделены Геббельсу и хирургу доктору Штумфеггеру. Жена Геббельса и их пятеро детей располагались в верхней части. Здесь также находились комнаты Бормана, Фегелейна, Хевеля, представителей трех родов войск, коменданта рейхсканцелярии бригаденфюрера СС Монке и обслуживающего персонала. Бункер охраняло около шестисот эсэсовцев.

В таком своеобразном окружении Ева Браун провела последние дни своей жизни, подобно остальным обитателям бункера всем сердцем ощущая приближение полного краха. Автор не ставил перед собой задачу во всех подробностях описать атмосферу, царившую в бункере накануне, во время решающего наступления советских войск. Это вышло бы за рамки его книги. Но тем, кто интересуется событиями, происходившими в бункере в последние месяцы, автор настоятельно рекомендует прочитать записки ротмистра Герхарда Больдта «Последние дни рейхсканцелярии». В январе 1945 года он был назначен старшим офицером для особых поручений при начальнике генерального штаба и тем самым в силу своего служебного положения оказался рядом с Гитлером. Больдт ранее никогда ничего не слышал о возлюбленной Гитлера и впервые увидел ее 27 апреля перед намеченным, как обычно на полдень, оперативным совещанием, когда уже было ясно, что провалились все попытки генерала Венка пробиться к Берлину.

Вот как он описывает свои первые впечатления от Евы Браун: «Она сидела, закинув ногу на ногу, рядом с Гитлером и несколькими его приближенными в приемной и о чем-то оживленно говорила. Гитлер напряженно слушал ее. Она

внимательно смотрела в глаза тем, к кому обращалась. Меня сразу же поразили ее овальное лицо, сверкающие глаза, классической формы нос и очень красивые светлые волосы. Серый жакет с такого же цвета юбкой плотно облегал хорошо сложенное тело уже довольно зрелой женщины, выгодно подчеркивая его формы. На изящном запястье красовались украшенные бриллиантами не менее изящные часики. Безусловно, Ева Браун была по-настоящему красива, только вела она себя довольно неестественно, я бы сказал, чересчур театрально».

Все эти дни Ева ходила за Гитлером словно тень. Она видела, что он превратился в полную развалину, и умоляла его отказаться от услуг Морелла: «Он отравляет тебя, перестань принимать его лекарства». На предложение с оружием в руках вместе с отрядом солдат попытаться вырваться из почти полностью окруженного Берлина Гитлер с кривой усмешкой откровенно признался: «Я уже не в состоянии держать винтовку. В первые же часы я просто рухну на землю, и кто тогда пристрелит меня, кто избавит меня от страданий?» Ева всерьез опасалась, что даже в случае благоприятного для них поворота событий Гитлер умрет от физического и нервного истощения. Ее теперь не покидала мысль о самоубийстве, так как Гитлер прямо сказал: «Если мы с тобой попадем в плен, нас выставят напоказ в Московском зоопарке».

Тем не менее вскоре с ней произошла разительная перемена. Подруга из Мюнхена, с которой Ева разговаривала по телефону, была поражена ее отличным настроением. Оказывается, сменивший Гудериана на посту начальника Генерального штаба близкий друг Бормана новоиспеченный генерал-полковник Кребс разработал план эвакуации ставки в Берхтесгаден под кодовым названием «Сераль». Но роковой день 13 апреля сорвал осуществление тщательно продуманной акции. Рано утром в министерство пропаганды поступило сообщение о смерти президента Рузвельта. По свидетельству одной из секретарш Геббельса госпожи Хаберцеттель, он едва не сошел с ума от радости, немедленно позвонил Гитлеру и срывающимся голосом прокричал в трубку: «Мой фюрер, я поздравляю вас! Рузвельт мертв! Звезды предсказали, что во второй половине апреля произойдет внезапный и решающий поворот! Сегодня пятница, тринадцатое апреля! Все сходится!» Приближенные Гитлера тут же принялись сравнивать ситуацию с положением, сложившейся после смерти русской императрицы Елизаветы во время Семилетней войны. Ее уход из жизни в прямом смысле спас от гибели уже собравшегося принять яд прусского короля Фридриха II, прозванного Великим. Аналогии были слишком очевидны…

Гитлер всячески пытался подбодрить себя этим примером из жизни своего кумира. Ведь в его комнате в бункере над письменным столом тоже висел портрет Фридриха Великого работы Графа. Но очень скоро выяснилось, что смерть президента США ничего не изменила и что лучше бы Геббельс не внушал им никаких надежд.

16 апреля на позиции вермахта на Одере обрушился мощнейший артиллерийский удар, и советские войска начали неудержимо приближаться к Берлину. Ни на одном из фронтов немецким войскам не удалось остановить наступление противника. Геринг, Геббельс, Риббентроп, Шпеер и даже Борман упорно советовали Гитлеру перебраться в Южную Германию, но он никак не мог заставить себя сделать окончательный выбор. Наконец 22 апреля он принял решение остаться в Берлине и ждать здесь своего конца, разрешив остальным выбираться из столицы кто как может. Однако Геббельсу он приказал немедленно вместе с семьей переехать к нему в бункер. Не зря же он назначил министра пропаганды и гауляйтера Берлина еще и имперским комиссаром по обороне столицы рейха…

Четыре письма, написанные Евой в эти судьбоносные дни в бункере, публикуются впервые. Они гораздо лучше характеризуют ее как личность и ее душевное состояние, чем любые высказывания или сведения. Эти письма — единственные наряду с двумя завещаниями Гитлера подлинные документы, которые удалось в первом случае отослать, во втором — вынести из бункера. Первое письмо датировано 18 апреля. В нем Ева просто делится с сестрой повседневными заботами: «Пока не потеплело… Смотри не простудись… Представляешь, портниха хочет за голубую блузку 30 марок. Она, видимо, совсем спятила, как можно требовать 30 марок за такую ерунду…»

19 апреля Ева вернулась после очередной прогулки по Тиргартену (всех лебедей давно уже съели изголодавшиеся жители Берлина) и сразу же села писать письмо своей задушевной подруге Герде Остермайер.

> «Берлин, 19.IV.45.
>
> Дорогая моя Герталенок! От всей души благодарю тебя за два последних письма. Прими также мои поздравления с днем рождения в письменном виде. Увы, из-за постоянных обрывов на линии и почти полного отсутствия слышимости я не могу поздравить тебя устно. Желаю тебе скорейшей встречи с твоим любимым Эрвином, главное, чтобы он вернулся с фронта целым и невредимым. Надеюсь, ты тоже получила от него письмо

с поздравлениями. Только бы оно не затерялось где-нибудь.

Я очень рада, что ты в конце концов решилась составить в «Бергхофе» компанию Гретль. Вчера по радио передали, что Траунштейн опять бомбили, и я не уверена, что в Гармише вы будете в безопасности.

У нас здесь уже отчетливо слышна артиллерийская канонада. И разумеется, каждый день бомбежки. Теперь вражеские самолеты прилетают не только с западного, но и с восточного направления, как вам это нравится! К сожалению, при каждом сигнале воздушной тревоги приходится вставать и одеваться, поскольку водопровод может выйти из строя и мы окажемся под водой. Но я счастлива, что именно сейчас нахожусь рядом с ним. Правда, он ежедневно уговаривает меня вернуться в Берхтесгаден, но я пока держусь. К тому же с сегодняшнего дня на автомобиле из Берлина выехать не так-то просто.

Брандт поступил невероятно подло. Подробности, к сожалению, не имею права сообщить.

Его секретарши и я каждый день упражняемся в стрельбе из пистолета, и мужчины уже не рискуют состязаться с нами.

Вчера я в последний раз разговаривала с Гретль. С сегодняшнего дня связь прервана. Но я твердо убеждена в том, что все будет хорошо. Он также, как никогда, верит в победу.

Как дела у Аннелизе? Понятно, что нехорошо, когда ты прикреплена к заводу и никуда не можешь уехать, но сейчас всем тяжело. Где Ильзе? Как поживают Кэт, Георг, Беппо и остальные? Непременно напиши мне про них. Может быть, удастся доставить письмо самолетом. Капитан Бауэр[76] постоянно летает в Баварию и обратно.

С наилучшими пожеланиями всем вам.

Твоя Ева.

P. S. Передай, пожалуйста, госпоже Миттельштрассер мой высочайший приказ предоставить девушке из Австрии отпуск, но не дольше чем на две недели. Ей также мои наилучшие пожелания».

Из этого письма можно сделать вывод, что несмотря на целый ряд очень тревожных моментов — гром артиллерийской канонады, отсутствие телефонной связи, непрекращающиеся

воздушные налеты, трудности с выездом из Берлина на автомобиле — в общем и целом Ева еще надеется на поворот к лучшему и постоянно думает о домашних делах. Характерно, что она, словно коронованная особа, отдает домоправительнице в «Бергхофе» «высочайший приказ». Если только это не шутка.

В январе она заявила бежавшей из Бреслау Ильзе: «Ты только не потеряй ключ от дома. Самое большее, через две недели ты вернешься обратно».

Герда Остермайер в беседе с автором сказала, что не поняла намека Евы на «подлый поступок» Карла Брандта. Вряд ли она имела в виду скандал с Мореллом, который без всякого вмешательства со стороны бывшего лечащего врача Гитлера уже в первые дни сбежал из бункера. Многие полагают, что Брандт попытался открыть Гитлеру глаза на истинное положение дел и тем самым страшно разгневал его.

20 апреля Гитлер последний раз в жизни отмечал свой день рождения. Ему исполнилось пятьдесят шесть лет. Еще прошлым летом Ева сделала соответствующий заказ ювелиру и теперь преподнесла возлюбленному картину в украшенной драгоценными камнями раме. В бункере собрались почти все высшие военные и гражданские чины рейха. Они настойчиво убеждали Гитлера покинуть столицу. Риббентроп в отчаянии даже попытался прибегнуть к помощи Евы. «Вы — единственная, кто имеет на него хоть какое-то влияние, — чуть не плача, умолял ее министр иностранных дел. — Если вы ему скажете, что хотите перебраться в безопасное место, он, пусть неохотно, но пойдет вам навстречу». Ева наотрез отказалась разговаривать с Гитлером на такую щепетильную тему: «Решение должен принять только он сам».

Вечером Гитлер ужинал в узком кругу. Присутствовали только Ева и две секретарши. Когда речь в очередной раз зашла об эвакуации в Южную Германию, Гитлер как-то очень отрешенно произнес: «Ничего не получится. Не буду же я бродить там, как тибетский лама с молитвенным барабаном в руках…» Ева проводила Гитлера в его комнату, быстро вернулась и предложила подняться наверх и там втроем отпраздновать день рождения фюрера, А когда они уже сидели за накрытым столом, пришли гости, среди которых были Борман и невесть откуда взявшийся Морелл. В этот вечер сирены воздушной тревоги молчали и только издалека доносился гул орудий. Кто-то принес старый патефон, и Борман, как в былые времена, заводил его. Вот только ставил он до глубокой ночи единственную уцелевшую пластинку с записью песни «Ярко-красные розы».

К утру канонада заметно усилилась. Сталин преподнес

Гитлеру свой подарок: его солдаты вплотную подошли к окраинам Берлина. Начался великий исход: Морелл, Риббентроп, чиновники высшего и среднего звена партийно-государственного аппарата под любым предлогом спешно покидали рейхсканцелярию, и вскоре вереницы машин под жуткие звуки ревущего металла, петляя среди развалин, устремились прочь из столицы. Две секретарши Гитлера также выехали из Берлина.

На очередном оперативном совещании было решено бросить в бой последние резервы под командованием обергруппенфюрера СС Штейнера. Гитлер даже не предполагал, что «армейская группировка» Штейнера в действительности представляла собой небольшой отряд измученных, вконец отчаявшихся солдат. Он приказал перебросить на направление атаки все имеющиеся в северных пригородах Берлина воинские части и грозно предупредил: «Любой командир, осмелившийся не подчиниться приказу, не позднее чем через пять часов поплатится жизнью». Но распоряжения Гитлера уже не имели никакого отношения к реальности. Отряд Штейнера даже не двинулся с места, зато через оставшиеся неприкрытыми участки фронта советские солдаты проникли на северные окраины города.

Узнав об этом на оперативном совещании, Гитлер с поникшей головой, шаркающей походкой вышел в приемную, где его уже ждала Ева. Он велел вызвать сюда своих секретарш Траудль Юнге и Герду Кристиан, а также диетсестру Констанцию Манциарли и, проведя ладонью по нервно подрагивающему лицу, словно снимая с него маску, приказал им через час вылететь из Берлина. Женщины отказались, дружно заявив, что предпочитают остаться с ним. Гитлер возражал, но как-то вяло, потом пожал им руки и глухо, не поднимая глаз, сказал: «Ах, если бы мои генералы были такими же, как вы».

Он тяжело вздохнул, оперся на плечо Евы и направился к выходу, даже не взглянув на пришедших проститься с ним офицеров.

В тот же вечер Ева, отгоняя тревожные мысли о неумолимо сжимающемся вокруг Берлина огненном кольце, написала свое первое прощальное письмо.

> «Берлин, 22.IV.45.
>
> Дорогая моя Герталенок!
>
> Наверное, это мои последние строки, адресованные тебе. Я даже боюсь писать Гретль и очень прошу тебя, объясни ей все сама, только поделикатнее. Я вышлю вам все свои драгоценности, что кому причитается, узнаете из завещания, которое хранится на Вассербургерштрассе.

Постарайтесь по возможности покинуть «Гору», когда здесь все кончится, вам там будет грозить опасность.

Мы решили сражаться до конца, но страшный час уже близок. Если бы ты знала, как я боюсь за фюрера.

Извини за небрежный стиль, но у нас здесь пятеро детей, и все такие беспокойные, все время меня дергают. Что я могу еще сказать? Во всяком случае, в Бога я больше не верю.

Всего тебе самого наилучшего, а главное, любви и счастья, моя самая верная подруга! Попрощайся от моего имени с родителями, передай привет нашим друзьям, а за меня не переживай. Я умру так же, как и жила. Ты же знаешь, мне это совсем не трудно.

Еще раз всех благ. Целую.
Ваша Ева.

P. S. Попридержи мое письмо у себя, пока не узнаешь о нашей гибели. Может быть, все кончится не так уж и плохо, но он уже окончательно потерял веру в победу и, боюсь, все наши надежды напрасны».

В понедельник 23 апреля Ева все-таки передумала и села писать письмо Гретль. Она старалась обойти острые углы и выбирала наиболее обтекаемые выражения, поскольку младшая сестра должна была вот-вот родить.

«Берлин, 23. IV.45.
Дорогая сестренка!

Мне очень больно писать тебе о такого рода вещах. Но в любой момент все может кончиться, и я хочу использовать любую возможность, так как у меня к тебе есть несколько просьб. Германа сейчас нет с нами. Он поехал в Науэн формировать батальон. Я твердо убеждена в том, что ты с ним непременно увидишься. Он обязательно любым способом доберется до Баварии с целью, пусть ненадолго, но продолжить сопротивление. Сам фюрер уже утратил веру в счастливый исход. Но мы все здесь, включая и меня, придерживаемся принципа «Пока живешь — надеешься». Пожалуйста, выше голову и не отчаивайся! Еще не все потеряно. Естественно, живыми мы не сдадимся. Верная Лизль решила остаться со мной. Я хочу подарить ей мои золотые часы. К сожалению, я уже завещала их Мили. Попробуй подобрать достойную замену из моего гарнитура.

Золотой браслет с изумрудом я не сниму до самого конца, а потом, если получится, он достанется тебе. Помни, что тебе принадлежат также бриллиантовый браслет и колье с топазом, которое фюрер подарил мне ко дню рождения.

А теперь я попрошу тебя вот о чем:

Сожги все мои письма и, главное, счета от Хайзе. Их никто не должен видеть. В подвале в сейфе хранится конверт, что в нем — неважно, но на нем адрес фюрера. Его уничтожь в первую очередь и не вздумай вскрывать.

К письму я прилагаю неоплаченные счета фирмы Хайзе. Кажется, я им еще что-то должна. Но в любом случае сумма не превысит 1500 рейхсмарок. Просто ума не приложу, что делать с фильмами и альбомами. Думаю, самое лучшее, если ты их уничтожишь в самый последний момент.

Посылаю тебе с оказией продукты и сигареты. Пожалуйста, дай Линдеру и Катль немного кофе и консервов. Сигареты передай отцу, а шоколад — маме. На «Горе» этого добра полно. Пользуйтесь, не стесняйтесь.

Что я еще могу сказать? В данный момент положение несколько улучшилось, и если вчера генерал Бургдорф[77] считал, что шансов на ограниченный успех у нас не больше 10 %, то сегодня он их увеличил до 50. Так что все не так уж плохо.

Приехал ли Аренд с письмом и чемоданом? Мы здесь слышали, что самолет прилетел очень поздно. Надеюсь, Морелл с моими драгоценностями уже у вас? Боюсь, не случилось ли чего-нибудь. Если получится, маме я напишу завтра.

Желаю тебе, дорогая сестренка, всего наилучшего! И помни:

Германа ты точно еще увидишь.

Целую тебя.

Твоя сестра Ева.

P. S. Только что я говорила с фюрером, и, по-моему, он сейчас гораздо более уверенно смотрит в будущее».

Эти строки также проникнуты слепой верой в чудо. Ева в душе надеется, что в последний момент их спасет какая-то неведомая сила, и потому просит повременить и не сжигать сразу ее письма. Она не хочет снимать бриллиантовый браслет,

искренне полагая, что в случае ее смерти он действительно достанется младшей сестре. Еве даже в голову не пришло, что Гретль может оказаться за гранью нищеты, ей нечем будет кормить ребенка, и она обменяет полученные по завещанию драгоценности на буханку хлеба. А ведь так оно и произошло.

Больше Ева никому ничего не писала. Она понимала, что подвергает серьезной опасности жизнь человека, у которого могли быть обнаружены ее письма. Кроме того, Ева, вероятно, не хотела нарушать распоряжение Гитлера, опасавшегося, что письма, содержащие сведения о его личной жизни, могут попасть в руки противника.

Свадьба

В марте Блонди ощенилась. Самому красивому щенку Гитлер дал имя Вольф[78]. Ведь в свое время, когда до прихода к власти было еще далеко, он взял себе именно такой псевдоним. Остальных четырех щенков Гитлер собирался подарить своим сподвижникам и Гретль. Сперва Блонди и щенкам отвели в бункере отдельное помещение, но Гитлеру захотелось, чтобы они находились рядом с ним. Тогда ящик со щенками и подстилку для Блонди перенесли в его спальню.

Она была обставлена нарочито скромно. Ничего лишнего, только самое необходимое — обычная койка, застеленная солдатским одеялом, небольшой стол и два стула. Спальня Евы казалась чуть более уютной: здесь голые бетонные стены были завешаны шторами. Выход в коридор отсутствовал, и, чтобы попасть в ванную или туалетную комнату, Еве приходилось проходить через семиметровую приемную, украшенную картинами итальянских мастеров, и кабинет Гитлера. Конференц-зал еще меньших размеров, чем приемная, поражал убогостью обстановки — стол-планшет, коричневая скамья и канцелярский стул.

В марте — апреле Ева очень сблизилась с Траудль и Гердой. Они почти не расставались и в промежутках между бомбежками ходили гулять в Тиргартен. Иногда они брали с собой Блонди и щенков. Другой возможности хоть немного развеяться у них не было. 23 апреля, в понедельник, Ева Браун не только в последний раз полюбовалась в Тиргартене склоненными над озерами ивами, в этот день она вообще в последний раз вышла из бункера. 23 апреля Ева попала под обстрел советских орудий, впервые открывших огонь по центральным кварталам Берлина, и, пригибаясь, перебежками добралась до бункера.

События сменяли друг друга с головокружительной быстротой. В то время как почти все высшие должностные лица рейха — к ним, правда, никак нельзя было отнести адъютанта Гитлера Юлиуса Шауба, направленного в «Бергхоф» сжигать наиболее важные документы, — стремились быстрее добраться до Южной Германии, нашелся сподвижник фюрера, захотевший в трудную минуту оказаться рядом с ним. Во всяком случае, именно так восприняла Ева Браун неожиданный прилет в Берлин из Гамбурга 23 апреля Альберта Шпеера. Когда он появился в бункере, у Евы на глазах выступили слезы, она обняла его и радостно воскликнула: «Я знала, что вы придете. Вы ведь не из тех, кто бросит фюрера в беде». Шпеер поспешил объяснить ей,

что намерен еще сегодня вечером вылететь обратно. Шпеер давно уже вел собственную игру, и Ева не знала об этом, В свою очередь, Гитлер, по всей видимости, достаточно спокойно воспринял фактический отказ министра вооружений выполнять пресловутый «приказ Нерона»[79], предписывавший вермахту и частям СС проводить на территорий Германии тактику «выжженной земли», то есть перед отступлением уничтожать объекты не только военного, но также промышленного и социального назначения, транспортные предприятия, узлы связи и т. д. Во всяком случае, Шпеер смог на рассвете 24 апреля беспрепятственно вылететь из Берлина[80]. В беседе с ним Гитлер впервые откровенно заявил, что собирается покончить с собой и что его труп должен быть сожжен. Видимо, Гитлер ничего не сказал Еве о содержании их разговора, так как ее надежда на благополучный исход по-прежнему зиждилась на неверно истолкованной позиции Шпеера.

Но Гитлер, вероятно, сам в душе еще на что-то надеется, поскольку в ночь с 23 на 24 апреля принимает решение оголить Западный фронт и перебросить все имеющиеся там силы на защиту Берлина. Генерал-фельдмаршалу Кейтелю поручается выехать в расположенный близ небольшого городка Визенбург штаб 12-й армии и передать ее командующему генералу Венку приказ Гитлера немедленно выступить на помощь окруженной 9-й армии, чтобы затем вместе с ней деблокировать столицу извне.

По словам Траудль Юнге, в эти часы Гитлер то демонстрировал непоколебимый оптимизм, то вдруг впадал в депрессию. «Он сказал, что залог победы в любом сражении — последний батальон, и привел в качестве примера исход битв при Ватерлоо и Кюнерсдорфе. Если он сумеет удержать Берлин, как в свое время русские — Сталинград, то опять сможет сплотить вокруг себя немцев и вдохновить их на новые подвиги. Кроме того, Гитлер надеялся на разногласия между русскими и англо-американцами и даже на якобы неизбежный конфликт между ними».

Пока Гитлер тешил себя иллюзиями, произошло событие, ставшее знаменательной вехой в цепи других не менее драматических эпизодов. Правда, датируется оно по-разному. Если верить Шпееру, радиограмма, в которой Геринг извещал о своем намерении приступить к исполнению обязанностей главы государства, поскольку фюрер «не свободен в своих действиях», поступила в бункер в ночь с 23 на 24 апреля. По мнению некоторых историков, это случилось 25 или 26 апреля. Наиболее правдоподобной представляется, однако, версия Шпеера, ведь именно 24 апреля командующий 6-м воздушным флотом генерал-

полковник Риттер фон Грейм получил по радио приказ Гитлера немедленно вылететь из Мюнхена в Берлин. Добраться до столицы в условиях ожесточенных боевых действий оказалось далеко не просто. Сперва генеральский «Физелер-Шторх»[81] с несколькими пробоинами в крыльях был вынужден совершить промежуточную посадку на расположенном неподалеку от Берлина и выглядевшем совершенно заброшенным военном аэродроме Гатов, а уже потом с наступлением темноты приземлился поблизости от Бранденбургских ворот на автомобильной магистрали Восток—Запад.

Вместе с Греймом прилетела его жена, знаменитая летчица-спортсменка Ганна Рейч. Когда ее муж был тяжело ранен и потерял сознание — в непосредственной близости от их самолета разорвался бронебойный снаряд, и осколки попали Грейму в правую ногу, — она сама села за штурвал. В бункер Грейма внесли на носилках, но Гитлер, ничуть не смущаясь этим обстоятельством, тут же назначил его вместо обвиненного в измене Геринга новым главнокомандующим военно-воздушными силами. Впоследствии американцы обвинили Ганну Рейч в том, что ее вызвали в Берлин с целью тайно вывезти Гитлера в Аргентину. На допросе 8 октября 1945 года она рассказала офицерам американской разведки, как Гитлер, говоря о предательстве Геринга, не смог сдержать слез. На следующий день он дал ей ампулу с цианистым калием и подчеркнул, что никто не должен попасть к русским живым. Сразу же напомню, что позднее Ганна Рейч отказалась от многих своих слов.

Тем временем советская артиллерия открыла ураганный огонь по правительственному кварталу. Мощное железобетонное покрытие бункера пока еще выдерживало даже прямые попадания снарядов. Напротив, солдаты вермахта уже были почти не в силах сдерживать натиск советских войск, с каждым часом неуклонно приближавшихся к рейхсканцелярии. В бункере больше не упоминали имя генерала Венка.

В день прилета Риттера фон Грейма в столицу командование фактически уже не существующими германскими военно-воздушными силами попыталось наладить с воздуха снабжение Берлинского гарнизона боеприпасами. Но сброс нескольких сотен контейнеров с соответствующим содержимым ничего не дал, нехватка снарядов, мин и патронов могла обернуться катастрофой, и тогда решили задействовать транспортные самолеты. В половине одиннадцатого утра на автомобильной магистрали Восток — Запад неподалеку от Колонны победы приземлились два груженных бронебойными боеприпасами «Ю-52». Они должны были также вывезти из Берлина пятьдесят

раненых. Один «Ю-52» смог взлететь в покрытое грозными черными облаками небо, второй, задев крылом развалины дота, рухнул на вывороченную брусчатку соседней улицы. Когда в ночь с 27 на 28 апреля пилотируемый Ганной «Физилер-Шторх» поднялся в воздух с этой уличной магистрали, по ней уже прямой наводкой непрерывно била советская артиллерия.

Ловкость и смелость Ганны Рейч, безусловно, произвели очень сильное впечатление на Еву. Но она тут же забыла о ней, узнав, что ее свояк Фегелейн попытался бежать. Вечером 26 апреля Ева вместе с Геббельсом и его женой слушала очередной монолог Гитлера, время от времени вставляя короткие реплики. Наконец он выдохся и устало опустил голову. Воспользовавшись паузой, Геббельс неожиданно предложил отвезти Еву, секретарш, свою жену и детей в итальянское посольство. Министр пропаганды мотивировал это тем, что там им предоставят относительно безопасное убежище, в бункере же они рискуют попасть в плен в случае внезапного прорыва советских солдат через внутреннее оборонительное кольцо. Ева удивленно вскинула брови, собираясь возразить, но удивление еще более возросло, когда один из вестовых попросил ее подойти к телефону. Удивление же мгновенно сменилось яростью, когда в трубке прозвучал голос Фегелейна.

— Я еще в Берлине, но в надежном месте, — коротко и отрывисто проговорил он. — Бросай фюрера и уходи. Еще час-другой и из Берлина уже не убежишь. Я еду к Гретль.

— Герман! — в ужасе воскликнула Ева. — Немедленно возвращайся в бункер! Иначе фюрер подумает, что ты предатель… Он хочет с тобой поговорить…

В мембране зазвучали гудки отбоя. То ли опять оборвалась связь, то ли Фегелейн бросил трубку.

Ева ничего не сказала Гитлеру, но это не имело никакого значения. В одном из глухих бетонных отсеков узла связи, опутанном проводами, шнурами и кабелями, внешне ничем не примечательный человек с громоздившимися на голове наушниками устало откинулся на спинку стула. Когда Гитлер увидел предоставленную ему отделом прослушивания телефонных линий запись разговора Евы со свояком, то пришел в неистовство и приказал немедленно арестовать Фегелейна.

Начальник личной охраны Гитлера группенфюрер СС Раттенхубер поручил проведение этой акции своему заместителю Хёгелю. Как и предполагалось, Фегелейн находился в своей квартире на Бляйбтройштрассе. В пять часов вечера следующего дня Хёгель с группой эсэсовцев ворвался в нее. Фегелейн был в штатском. Он явно готовился к бегству. В нескольких огромных

чемоданах эсэсовцы нашли 217 серебряных столовых приборов, дамские часы с бриллиантами, принадлежавшие Еве Браун, три дорогих хронометра, две пары золотых запонок с бриллиантами, несколько браслетов, 50 швейцарских золотых монет «Вренели», 105725 рейхсмарок и 3186 швейцарских франков. Они также застали здесь жену одного из интернированных дипломатов, венгерку по национальности, с которой Фегелейн, видимо, собирался бежать в Швейцарию.

Человек, которого вечером 27 апреля привели в бункер, ничем не напоминал всемогущего генерала СС, открыто похвалявшегося своим родством с фюрером и унижавшего всякого, кто стоял хотя бы на ступеньку ниже его. Куда девалась хамская манера поведения, за которую он даже получил прозвище Флегелейн[82]? Лицо с перекошенным от ужаса ртом и остекленевшими глазами напоминало меловую маску, ноги ежеминутно подкашивались, а глаза, казалось, вот-вот должны вывалиться из орбит. Жалкий вид свояка растрогал Еву, и она попробовала заступиться за него: «Он еще так молод, его жена ждет ребенка…» Гитлер согласился пощадить ее родственника и ограничился сперва лишением его всех званий и отличий и домашним арестом.

Но Фегелейну не удалось избежать кары. 28 апреля в бункер из министерства пропаганды доставили запись сообщения агентства Рейтер, согласно которому Гиммлер за спиной Гитлера вступил в переговоры с президентом шведского Красного Креста графом Бернадоттом с целью установить через него контакты с западными державами. Атмосфера в бункере накалилась до предела. Фегелейна подвергли так называемому допросу с пристрастием[83], ибо уже не только Гитлер, Геббельс и Борман подозревали, что предпринятая им попытка бегства имеет прямое отношение к планам Гиммлера. Наверняка он не просто так намеревался тайно уехать в Швейцарию. «Он изменник, — прямо заявил Гитлер Еве. — По отношению к таким мы должны быть безжалостны. Вспомни, как Чиано предал Муссолини». Ева не стала возражать: «Ты фюрер и должен быть выше родственных связей».

Фегелейн выдал себя своим телефонным звонком Еве. Почему он позвонил ей? Скорее всего потому, что у нее был так называемый пропуск за подписью фюрера, предписывающий всем государственным, военным и партийным инстанциям рейха оказывать всяческое содействие его обладателю. Такой человек мог не только сам беспрепятственно пересечь германо-швейцарскую границу, но и взять с собой кого-нибудь, Фегелейну, вероятно, одному из последних удалось позвонить в бункер из

города. Поздним вечером 26 апреля был перерезан последний подземный телефонный кабель, соединявший Берлин с другими городами…

В бункере с полнейшим равнодушием встретили сообщение об аресте еще недавно всемогущего представителя СС при ставке. Здесь гораздо больше интересовались содержимым пока еще переполненных продовольственных складов. Каждый брал оттуда, сколько хотел, вина, коньяка и продуктов. Во всех помещениях и переходах было душно и смрадно, так как отключилась система вентиляции. Мощные разрывы снарядов и мин, уже пробивших в нескольких местах железобетонное покрытие подземного коридора, ведущего в рейхсканцелярию, создавали в бункере ощущение подземных толчков. Настроение у его обитателей, вынужденных сидеть в полумраке, поскольку использовалось исключительно аварийное освещение, было паническим. Оставалось только накачивать себя до беспамятства спиртным. Вот так описывает Герхардт Вольдт поведение трех приближенных Гитлера:

«Бургдорф, Кребс и Борман провели бурную ночь у себя наверху, потом перебрались в маленькую приемную перед комнатами Гитлера. Они выпили неимоверное количество сладкого вина и теперь громко храпели, развалившись в стоявших у правой стены глубоких креслах и обложив свои чрезмерно упитанные тела одеялами и подушками, В нескольких шагах от них за столом у противоположной стены сидели Гитлер и Геббельс, а слева на скамье — Ева Браун. Гитлер встал. Для него оказалось непросто перешагнуть через вытянутые ноги трех своих паладинов и не разбудить их. Геббельс также был предельно деликатен. Ева Браун лишь грустно улыбнулась».

Но именно в атмосфере вакханалии сбылось ее самое заветное желание. И она прекрасно понимала, что за этим последует. «Сегодня вечером мы будем плакать», — сказала она 28 апреля Траудль Юнге. «Видимо, они уже окончательно решили покончить с собой», — подумала секретарша.

Около восьми часов вечера шеф спросил, в состоянии ли она записать его слова. Он пригласил ее к себе в кабинет, где уже был накрыт стол. Обычно Траудль печатала Гитлеру, но в этот раз он попросил ее сделать стенограмму. «Это очень важно, — подчеркнул он. — Итак: «Мое политическое завещание…» Текст оказался очень длинным. Гитлер с трудом сдерживал нетерпение и чуть ли не каждую минуту выходил из комнаты. Он ничего не исправлял, хотя обычно оттачивал каждую фразу и во время диктовки менял целые абзацы. Затем Траудль начала стенографировать его личное завещание и окончательно поняла,

что имела в виду Ева Браун. В эту ночь Гитлер женится на ней, они устроят свадьбу, но плакать Ева будет вовсе не от радости.

«Если в годы борьбы… — Гитлер на мгновение замолчал, потом резко дернул головой и продолжил: — Я считал, что было бы слишком безответственно с моей стороны создавать семью, то сейчас, когда мое земное бытие подходит к концу, я решил взять в жены девушку, которая долгие годы хранила мне верность и ныне по доброй воле пришла в осажденный город, чтобы разделить мою участь…

Я лично и моя супруга предпочли смерть позору бегства или капитуляции. Наше последнее желание — чтобы наши трупы были сожжены там, где я почти двенадцать лет ежедневно и неустанно трудился на благо германского народа».

Пока Траудль Юнге в небольшом помещении рядом с комнатой Геббельса перепечатывала на машинке оба завещания, министр пропаганды привел невзрачного человечка в потрепанной партийной униформе с повязкой фольксштурмиста[84] на рукаве. Им оказался чиновник управления гауляйтера Берлина Адольф Вагнер. Ему вменялось в обязанность совершить обряд бракосочетания, но в бункере не нашлось бланков и Вагнера отправили за ними на бронетранспортере. Когда он вернулся, в комнате Гитлера и приемной уже толпились гости: Борман, Геббельс с женой, генералы Бургдорф и Кребс, руководитель Гитлерюгенда Аксман[85], Горда Кристиан и Констанция Манциарли. На Гитлере, как обычно, был подчеркнуто скромный партийный китель с неизменным Железным крестом, Ева же надела его любимое длинное, наглухо застегнутое платье из черного шелка. Волосы она заколола бриллиантовой заколкой, на шее у нее поблескивала в тусклом свете золотая цепочка с подвеской из топаза, тонкое запястье украшали золотые часы с бриллиантами.

За несколько минут до полуночи ритуал бракосочетания был завершен. В смятении Ева подписалась на брачном свидетельстве девичьей фамилией, затем опомнилась, зачеркнула букву Б и в первый и последний раз в своей жизни написала: Ева Гитлер. Свидетелями выступили Геббельс и Борман.

Ева Браун и Адольф Гитлер заключили брак 28 апреля. Но Адольф Вагнер, сам того не желая, перенес их бракосочетание на следующий день. Не дождавшись, пока чернила просохнут, он сложил два листка и стер дату. Когда он это заметил, было уже 29 апреля.

Гитлер, подволакивая ногу, пошел в ту комнату, где Траудль перепечатывала его завещания. За ним тоже шаркающей походкой семенил Геббельс[86]. В четыре часа утра Гитлер внимательно по

нескольку раз прочитал оба готовых текста и вместе с Геббельсом вернулся к гостям.

В предрассветные часы, когда Гитлер и Ева уже удалились в ее спальню, двое дюжих эсэсовцев выволокли в сад рейхсканцелярии мужа ее младшей сестры и поставили его лицом к выщербленной осколками стене. Фегелейн отчаянно выкрикнул «Нет!», до хруста в позвонках вывернул голову и бессильно распластался вдоль стены, хватаясь трясущимися руками за шероховатую поверхность. Грохот выстрелов заглушила несмолкаемая канонада советской артиллерии. Никто не знает, о чем в это время беседовал Гитлер с женой, но уж точно не о горькой участи ее родственника, расстрелянного по его приказу.

Гибель

В воскресенье 29 апреля Гитлер в последний раз собрал своих приближенных. Советские солдаты находились уже в пятистах метрах от рейхсканцелярии.

В это же время Лизль Остерман выполнила последнюю просьбу Евы Гитлер. «Когда меня не будет, постарайся добраться до Мюнхена, — попросила она девушку. — Не спеши, подожди, пока все успокоится. Не рискуй понапрасну. Передашь моей подруге Герде обручальное кольцо и ночную рубашку. Спрячь их пока где-нибудь. А это кольцо возьми себе на память. Я доверяю тебе». В коридоре дети Геббельса кинулись к ней с криком: «Поздравляем, тетя Ева!» Перед переездом в бункер родители обещали, что вскоре они все вместе отправятся на их любимые померанские пляжи. Только самая старшая из девочек Хельга — ей вот-вот должно было исполниться двенадцать лет — смутно догадывалась, что отсюда они поедут вовсе не в Померанию. Дети очень любили тетю Еву, которая в последнее время вместе с Траудль Юнге часто пела им колыбельную Брамса «Добрый вечер, спокойной ночи».

Траудль только недавно встала. Лечь ей удалось лишь далеко за полночь, когда Гитлер подписал все экземпляры завещаний. От партии его политическое завещание заверили Борман и Геббельс, от вермахта, соответственно, Бургдорф и Кребс. На личном завещании свои подписи поставили Геббельс, Борман и адъютант от военно-воздушных сил полковник фон Белов. «Как вы полагаете, мой фюрер, — осторожно спросила Траудль, когда Гитлер сделал короткую паузу и минуту-другую в комнате были слышны только непрекращающиеся разрывы снарядов, — национал-социализм переживет нас?» Лицо Гитлера сделалось непроницаемым и жестким, он заговорил быстро, словно боялся, что его вот-вот прервут: «Немецкий народ оказался недостойным возглавляемого мной движения. Может быть, лет через сто новый гений воспримет мои идеи, и национал-социализм, подобно птице Феникс, возродится из пепла».

Неужели он и впрямь верил своим словам? Недавний властелин Европы, вознамерившийся создать тысячелетний Третий рейх, превратился в собственную тень. Пожилой человек в мешковатом мундире с поседевшей челкой, спадавшей на вечно потный угреватый лоб, и заметно трясущейся головой и руками ничем не напоминал прежнего Гитлера. Лишь изредка его глаза под набрякшими веками вновь загорались адским огнем, а весь облик, как в лучшие времена, выражал решимость и

непреклонность. Но обычно он, хотя и старался ступать твердо, шаркал ботинками по бетонному полу, а на оперативных совещаниях и за столом сидел сгорбившись, глядя куда-то перед собой невидящим взором. На изборожденном морщинами лице лежала печать обреченности. У него не было больше армии, еще недавно считавшейся едва ли не самой мощной в мире, и никто больше не мог прийти к нему на помощь. Такими же апатичными и вялыми стали теперь его приближенные, в душе уже смирившиеся с судьбой. «Это был мир призраков», — вспоминает Траудль Юнге.

Днем в бункере узнали о гибели Муссолини. Связь с внешним миром поддерживалась только с помощью двух раций мощностью 100 ватт, что позволяло по крайней мере слушать Стокгольм. Неизвестно, как воспринял Гитлер известие о казни Муссолини и его любовницы Клары Петаччи в окрестностях озера Комо, поскольку не осталось свидетелей, сохранивших в памяти какие-либо его высказывания о бесславной участи итальянского диктатора. Стокгольмское радио ничего не сообщило о том, что поздним вечером 28 апреля партизаны привезли трупы в Милан и повесили их за ноги у бензоколонки на площади Лоретто под ликующие крики толпы. Однако можно с уверенностью утверждать; будь даже эти жуткие подробности ему известны, вовсе не они побудили Гитлера потребовать непременного сожжения его трупа. Он уже раньше настаивал на соблюдении древнего языческого обряда, так как не желал, чтобы над его останками глумились враги.

Около шести часов вечера Борман, Геббельс с женой, Бургдорф и секретарши, откинув плотный занавес из красного бархата, вошли в кабинет Гитлера. Портрет Фридриха Великого все еще оставался над столом человека, напрасно надеявшегося, что его, как и прусского короля, спасет чудо. На противоположной стене висел портрет матери Гитлера Клары.

«Портрет Фридриха Великого нужно сохранить во что бы то ни стало. — Гитлер с силой сжал полы мундира, потянул их вниз и повел подбородком. — Остальные мои вещи — костюмы, галстуки, календари, авторучки — уничтожить. Я не желаю, чтобы врагу достались хоть какие-нибудь трофеи».

Внезапно Гитлер вновь заговорил об армии генерала Венка, из штаба которой по-прежнему не поступало никаких известий: «Если не произойдет чуда, мы погибли. Мы с женой твердо решили уйти из жизни. Я хочу лишь удостовериться, что Лоренцу, Цандеру и фон Белову удалось прорваться и передать копии завещаний Деницу, Шернеру и Кессельрингу. Я не хочу, чтобы после моей смерти начался хаос».

Понимал ли он, что происходит? Отдавал ли он вообще отчет в своих действиях? После спешного переезда 16 января в рейхсканцелярию он только один раз, в свой день рождения выбрался из бункера, чтобы в уже изрядно запущенном саду рейхсканцелярии произнести речь перед наиболее отличившимися в боях членами Гитлерюгенда. От панического бегства их удерживала только надежда на скорый приход американских войск.

Никто не знал, сколько прошло времени и что сейчас — день или ночь. Но никого это уже не волновало. Около восьми вечера в Объединенный штаб в Доббине поступила последняя радиограмма из бункера: «Приказываю немедленно доложить мне: 1. Где передовые части армии Венка? 2. Когда они продолжат наступление? 3. Где находится 9-я армия? 4. В каком направлении ее командование собирается осуществить прорыв? 5. Где передовые части корпуса Хольсте?»

Бургдорф и Кребс нашли свой, достаточно оригинальный способ связаться с Венком. Они отправили к нему двух вестовых на велосипедах с призывом: «Венк, твой час настал!»

В ожидании ответа Гитлер вручил Траудль Юнге и Герде Кристиан ампулы с ядом. «Я предпочел бы на прощание сделать вам другой подарок. — Он по привычке собрал на животе руки в замок и сжал переплетенные пальцы. — Хочу еще раз повторить: ах, если бы я мог положиться на моих генералов так же, как на вас».

Ампула со смертоносным содержимым хранилась у Евы уже давно. О воздействии цианистого калия на человеческий организм ей когда-то подробно рассказал доктор Брандт. Однако она не испытывала страха, и мысли о смерти не мучили ее. Разумеется, как и все в бункере, Ева находилась в подавленном состоянии, но для себя она твердо решила умереть вместе с Гитлером. Когда другие начали оживленно обсуждать, какой из ядов эффективнее, она молча вышла из комнаты и до самой ночи играла с детьми Геббельса.

«Уж лучше пустить себе пулю в рот», — морщась, как от невыносимой зубной боли, произнес генерал Кребс. «Безусловно, — поспешно согласился Гитлер, на секунду, словно запнувшись, замолк, а затем продолжил: — Но кто добьет меня, если рана окажется не смертельной? И я же не смогу потом выстрелить в Еву». Вопрос Геббельса, не утратил ли со временем яд свою силу, очень встревожил Гитлера. Ведь ампулы передал ему не кто иной, как изменник Гиммлер, посмевший тайно вступить в переговоры с союзниками. А вдруг он задумал отдать его живым врагу? И действительно ли в ампулах цианистый

калий? «Немедленно приведите Штумфеггера!» — Лицо Гитлера покрылось красными пятнами, звеневший от возбуждения голос едва не сорвался в крик. Людвиг Штумфеггер предложил попробовать яд на Блонди, Гитлер без колебаний согласился, но тут же вновь заподозрил неладное. Ведь Штумфеггер носил звание штандартенфюрера СС. А вдруг он по приказанию Гиммлера заменил ампулы? «Приведите другого врача. Я…» — Он прервался, нетерпеливо махнул рукой и обессиленно опустился в кресло. Землистого цвета лицо покрылось бисеринками пота. Профессор Хаазе вложил ампулу в пасть Блонди и с силой сжал ей челюсти. Ни в чем не повинная любимая овчарка Гитлера судорожно дернулась и уже через минуту неподвижно лежала на боку с остекленевшими глазами. Адъютант Гитлера от войск СС Отто Гюнше вынес ящик с мертвой Блонди и повизгивающими, хватающими ее сосцы щенками в сад и вынул пистолет. Среди убитых щенков был также любимец Гитлера Вольф, которого он так любил гладить трясущимися руками.

30 апреля в час ночи в бункере приняли радиограмму от Кейтеля: «1. Передовые части Вейка остановлены противником южнее Швиловзее. 2. Поэтому 12-я армия не в состоянии продолжить наступление на Берлин. 3. Основные силы 9-й армии окружены противником. 4. Корпус Хольсте вынужден перейти к обороне». Если у кого-то еще и теплилась последняя надежда на спасение, то теперь она полностью исчезла. Кровавая драма под названием «Последние дни в бункере Гитлера» подошла к своему логическому концу.

«30 апреля началось как обычно, — рассказывает Траудль Юнге. — Правда, Гитлер, вопреки обыкновению, встал очень рано. Ева же до полудня не выходила из комнаты». В десять часов утра Гитлер вызвал к себе командира оборонявшей правительственный квартал боевой группы бригаденфюрера СС Монке. Тот доложил, что подразделения Советской Армии вышли к Вильгельмштрассе. Гитлер выслушал его с каменным лицом. Ни напоминавшие громовые раскаты разрывы снарядов и мин непосредственно в рейхсканцелярии, ни едкий запах гари в бункере — ничто не волновало его. Слова Монке окончательно убедили, что медлить с уходом из жизни больше нельзя.

Ночью Гитлер уже простился со своим окружением. Однако он старался вести себя так, будто 30 апреля 1945 года — самый обычный день. После обеда Траудль Юнге проводила Еву в ее комнату. Внешне она держалась спокойно, но явно испытывала потребность выговориться. «А это вам на память, госпожа Юнге. — Ева распахнула дверцы стенного шкафа и сняла с

вешалки шубу из чернобурки. — Будьте счастливы». Она обняла секретаршу, ткнулась лбом ей в плечо и тихо сказала: «Если вам удастся попасть в Мюнхен, поклонитесь от меня моей прекрасной Баварии». Около трех часов Гитлер и его жена еще раз простились со своими приближенными, секретаршами, диетсестрой, камердинером и адъютантом. Они пожали каждому из них руку и удалились в кабинет Гитлера. У раскрытой бронированной двери приемной немедленно встал Гюнше с автоматом наперевес. Магда Геббельс с криком: «Мой фюрер, не покидайте нас, иначе мы погибнем!» — бросилась было вслед, но наткнулась на твердую, как дерево, ладонь адъютанта. Тогда она, рыдая, выбежала в соседнее помещение, переоборудованное под полевой госпиталь. Спешно прибывший в бункер Артур Аксман также напрасно пытался убедить Гюнше пропустить его в кабинет Гитлера.

Траудль кормила детей Геббельса, когда за стеной глухо прозвучал выстрел. Все были слишком взволнованы, чтобы в этот исторический момент посмотреть на часы, и потому точное время самоубийства Адольфа Гитлера и его жены установить невозможно. Приблизительно оно произошло в половине четвертого. Вбежавшими первыми в кабинет из узкого коридора Борману и камердинеру Линге представилась следующая картина: Гитлер сидел справа, откинувшись на спинку дивана. Из огнестрельной раны величиной с мелкую монету кровь тонкой струйкой стекала на серый мундир. У правой ноги лежал «Вальтер» калибра 7,65 мм, а на маленьком письменном столе возле неповрежденной ампулы с цианистым калием пистолет той же системы калибра 7,65 мм. Из него и был произведен роковой выстрел. В комнате отчетливо чувствовался остро-кислый запах пороха. Рядом с Гитлером, подобрав ноги в черных замшевых туфлях, застыла Ева. Казалось, в последний миг она судорожно дернулась, пытаясь успеть коснуться мужа левой рукой. Ее небольшой пистолет лежал на столе рядом с розовой шалью. На полу валялась надломанная ампула, похожая на тюбик губной помады. Штумфеггер с понурым видом констатировал смерть. Линге расстелил на полу заранее приготовленное серое одеяло и завернул в него еще не остывшее тело своего хозяина. Борман взял на руки труп Евы и передал его шоферу Гитлера Кемпке. Затем они в сопровождении Геббельса, Бургдорфа, Гюнше и двух эсэсовцев из личной охраны направились к запасному выходу. Из-под оказавшегося слишком коротким одеяла торчали ноги Гитлера в черных брюках и такого же цвета носках и ботинках. Пройдя четыре марша лестницы, группа на несколько минут замерла на верхней площадке, не решаясь выйти в сад, где

непрерывно рвались снаряды и с треском горели истерзанные деревья, окутанные клубами черного дыма. Вообще к этому времени Берлин представлял собой почти сплошное море огня. Тела Гитлера и Евы положили в двух метрах от запасного выхода у стоявшей возле недостроенной сторожевой вышки бетономешалки.

Еще утром Гюнше передал Кемпке приказ срочно достать десять бидонов бензина. Сперва штурмбанфюрер СС не понял, зачем его шефу понадобилось такое количество горючего, — ведь все пути отхода были уже отрезаны. Но потом он вспомнил его постоянные разговоры о сожжении трупов и все понял. Раздобыть удалось лишь около 150 литров. Ими щедро полили мертвые тела, однако долго не могли их поджечь, так как из-за вызванного бушующим пожаром сильного ветра постоянно гасли спички. Наконец Гюнше в сердцах швырнул на пропитанные бензином обрывки ткани, когда-то называвшиеся одеялами, зажженную бумагу. Сразу же к небу взметнулся столб огня, опаливший жаром лица стоявших вокруг. Около семи вечера пламя погасло, и трое эсэсовцев, получив от Раттенхубера приказ хранить молчание, под вой проносившихся над самой крышей рейхсканцелярии снарядов «катюш» кое-как закопали обуглившиеся останки в большой воронке от фугасной бомбы.

Послесловие

Нет никаких оснований сомневаться в том, что Адольф Гитлер и его жена 30 апреля 1945 года покончили с собой в бункере рейхсканцелярии. Тем не менее в начале 50-х годов в ФРГ было начато расследование обстоятельств их смерти. В результате суд по административным делам Берхтесгадена в 1956 году своим решением официально подтвердил ее. Были допрошены 42 свидетеля, а в материалах следствия особо подчеркивалось, что через несколько дней после окончания войны группа офицеров советской военной контрразведки допросила ассистентку личного зубного врача Гитлера и зубного техника, изготовившего ему протез. Они подтвердили, что предъявленные им для опознания челюсти действительно принадлежали Адольфу Гитлеру и Еве Браун.

С другой стороны, нигде не упоминается обручальное кольцо Гитлера. Неизвестно также, что стало с любимыми драгоценностями Евы, с которыми она никогда не расставалась. На многие вопросы так и не получено ответа, ибо показания свидетелей, допрошенных в сумятице первых послевоенных дней и месяцев, крайне противоречивы. Не исключено, что на них тогда оказывалось сильное психологическое и физическое давление. Но возможно также, что они подсознательно приукрашивали истинное положение дел в соответствии с собственными представлениями о нем.

«Смерть Гитлера, — заявила Траудль Юнге автору, — избавила нас от состояния массового психоза. Внезапно мы ощутили в себе безумную жажду жизни, страстное желание быть самим собой, просто почувствовать себя человеком. Гитлер нас больше не интересовал».

Смерть тирана и его жены не избавила его приближенных от опасений за свою жизнь. Геббельс и Борман послали к маршалу Жукову генерала Кребса[87] с целью начать мирные переговоры. Но командующий 1-м Белорусским фронтом настаивал на немедленной и безоговорочной капитуляции. Тогда Борман 1 мая ровно без двадцати восемь утра сообщил по радио гросс-адмиралу Деницу, что завещание Гитлера вступило в силу. Около трех часов дня из бункера была отправлена последняя радиограмма главнокомандующему германским военно-морским флотом: «Вчера в половине четвертого фюрер ушел из жизни. Согласно его завещанию, вновь учрежденный пост рейхспрезидента занимаете вы». Попытку прорыва было решено предпринять в девять часов вечера. Свою судьбу большинство

обитателей бункера вручило бригаденфюреру Монке.

Геббельс наотрез отказался покидать Берлин. Его жена до последнего момента надеялась переубедить мужа, но, видя его упорство, объявила во всеуслышание, что пойдет с ним до конца. Лизль Остерман напрасно уговаривала Магду Геббельс отдать ей детей. Она хотела укрыться с ними в Баварии.

Очень трудно понять, что из себя представляла Магда Геббельс. Она не знала, что ее сын от первого брака Гарольд попал в плен к англичанам. Но зато она очень хорошо понимала, какая страшная участь ожидает других ее детей. По свидетельству очевидцев, Магда до самого конца вела себя достойно. Казалось, ей неведомо чувство страха. Роковое решение можно объяснить только ее фанатичным преклонением перед Гитлером, которого она почитала как Бога. За три дня до самоубийства Гитлер лично приколол к ее высокой груди свой золотой партийный значок. В прощальном письме к Гарольду она писала: «Наша великая идея загублена. После смерти фюрера и краха национал-социализма не имеет смысла жить. Поэтому я забираю с собой детей».

Геббельс попросил Штумфеггера дать детям безболезненный, сильнодействующий яд, но хирург отказался. Тогда новоиспеченный рейхсканцлер обратился к одному из укрывшихся в бункере врачей. Имя его так и не удалось узнать. 2 мая вечером Магда Геббельс приняла яд, а ее муж застрелился. Их тела тоже были сожжены.

Кребс и Бургдорф пустили себе пулю в лоб, предварительно осушив несколько бутылок вина и вермута. Группа эсэсовцев перед уходом подожгла бункер, тем самым как бы подводя окончательный итог своему пребыванию в нем.

2 мая около двенадцати часов дня солдаты 8-й армии без единого выстрела ворвались в сад рейхсканцелярии, и вскоре рядовой Чураков обнаружил два обугленных трупа. Это были Йозеф и Магда Геббельс. 4 мая советские солдаты нашли еще два трупа. Попавший в плен Линге опознал в них Гитлера и Еву Браун.

Лишь немногим обитателям бункера удалось выбраться из Берлина. Напоследок Траудль Юнге еще раз зашла в комнату Евы. Шуба из чернобурки висела на спинке стула. Она даже не прикоснулась к ней. В группу под командованием Гюнше вошли Борман, Штумфеггер, Кемпка, Раттенхубер, Аксман, Монке, Хевель, адмирал Фосс[88], Линге, три секретарши, диетсестра и личный пилот Гитлера Бауэр, спрятавший под мундиром портрет Фридриха Великого. Большинство этих людей погибло или попало в плен[89]. Правда, женщин тут же отпустили. По утверждению Аксмана, в ночь с 1 на 2 мая он наткнулся на тело

Бормана в штатской одежде и при лунном свете опознал его[90].

Родители Евы Браун узнали о ее замужестве и смерти по радио. Для Фрица, Франциски и их дочерей наступили тяжелые времена. Им пришлось сполна расплачиваться за то, что возлюбленный и муж их дочери и сестры принес человечеству столько горя и слез.

Снятые Евой любительские фильмы, ее фотоальбомы, письма, драгоценности и другие вещи Гретль Браун и Герда Остермайер спрятали в парке замка, расположенного в австрийском местечке Целль ам Зее. Но Гретль в разговоре случайно сообщила об их местонахождении одному из беженцев, оказавшемуся тайным агентом разведывательного отдела 3-й американской армии. Все кино- и фотодокументы были конфискованы и отправлены в Вашингтон. Там неожиданно выяснилось, что в распоряжении американских властей нет других фотографий Бормана. Они были немедленно размножены и разосланы чуть ли не по всему миру.

Затем об этих уникальных документах надолго забыли. Автор после долгих поисков случайно обнаружил их в одном из далеко не самых известных американских архивов. Именно в них и в дневниковых записях раскрывается истинный облик женщины, горячо любившей Адольфа Гитлера, подобно миллионам немцев, так же слепо доверявшей ему, почитавшей его как Бога и хранившей ему верность вплоть до полного краха, до низвержения в ад.

Иллюстрации

В таком виде Ева Браун сфотографировалась, когда ей еще не было двадцати лет. По этой фотографии вполне можно судить о стиле и моде тридцатых годов нашего века. Ева Браун вообще очень любила сниматься в самых разных позах и жизненных ситуациях.

Первое совместное изображение Евы Браун и Адольфа Гитлера.

Племянница Гитлера Гели Раубаль.

Гитлер среди служащих фотоателье Гофмана. Справа от него в белой блузке Ева Браун. Между ними Генриетта Гофман. Чуть подальше ее отец Генрих Гофман. Снимок сделан в начале тридцатых годов.

Ева очень тщательно следила за перестройкой «Дома Вахенфельда» в Бергхофе. На снимке: она беседует с главным адъютантом Гитлера Гельмутом Брюкнером. Рядом с ней ее сестра Гретль, за столом имперский руководитель печати Отто Дитрих.

В Бергхофе Гитлер всегда здоровался с Евой Браун вежливо и подчеркнуто сдержанно.

Типичное семейное фото из альбома Евы Браун. Слева направо: Ильзе, отец. мать. Гретль и Ева. 1940 год.

Ева Браун любила не только чуть ли не ежедневно менять свои туалеты, но и надевать на себя чужую личину и принимать соответствующие позы. Возможно, это объяснялось тем, что об их истинных отношениях с Гитлером знал лишь ограниченный круг лиц и она не имела права появляться с ним на публике. На этом снимке она представлена в облике молодой светской дамы.

Ева Браун также была страстной кинолюбительницей. Она никогда не упускала случая взять в руки кинокамеру. В кадре Герман Эссер беседует с Гитлером на Большой террасе в Берхтесгадене.

В подвенечном платье прабабушки…

Иллюзия семейного счастья в добропорядочном буржуазном духе. Гитлер позволил себе вздремнуть в кресле после обеда. Рядом неизменно преданная Ева.

Ева Браун несколько лет мечтала о том, чтобы Гитлер подарил ей «маленькую собачку». С его овчаркой Блонди (справа) она так и не смогла подружиться. Два скотчтерьера Негрус и Катушка сильно скрасили ей жизнь. Снимок использован в известном фильме Александра Сокурова «Молох», посвященном

одному дню Евы Браун и Адольфа Гитлера в Бергхофе.

Ева сама сорвала эдельвейс и прикрепила его к фуражке Адольфа Гитлера. Затем она надела «партийную шляпу» — так в народе называли форменный головной убор членов НСДАП на голову дочери своей лучшей подруги Герды Остермайер Уши.

Начальник партийной канцелярии Мартин Борман предпочитал держаться на заднем плане и из-за кулис оказывал огромное влияние на Гитлера.

Ева Браун отнюдь не являлась фанатичной нацисткой. Подобно миллионам своих соотечественников и соотечественниц, она встала под знамя со свастикой, не подозревая, что однажды оно станет ее саваном.

«Три близких Гитлеру женщины». Под таким заголовком одна

чешская газета опубликовала снимок приглашенных на состоявшийся в 1938 году последний съезд НСДАП. Слева направо: Юнити Митфорд. Ева Браун и жена личного врача Гитлера Анни Брандт.

Приезд Евы Браун в Бергхоф в бронированном автомобиле. Для офицеров из личной охраны Гитлера она считалась его личной секретаршей.

В Венеции на площади Святого Марка.

Сестра Евы Браун Маргарет (Гретль) выходит замуж за одного из самых молодых генералов СС, кавалера Рыцарского креста с мечом и дубовыми листьями Отто Германа Фегелейна. Жених и невеста рядом с Гитлером.

Свидетели на свадьбе рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер (слева) и начальник партийной канцелярии Мартин Борман (справа).

Летом 1967 года лучшая подруга Евы Браун Герда Остермайер в очередной раз перечитывает ее последние письма. В них она по-прежнему называла Гитлера «фюрером». В письме, датированном 22 апреля 1945 года. Ева сперва написала про него: «Он вконец отчаялся и на все махнул рукой», но затем зачеркнула эти строки и заменила их более осторожной фразой: «Он утратил веру в победу».

Останки Гитлера и Евы Браун в ящиках для снарядов.

notes

Примечания

1

Нерин Ган — журналист, в годы Второй мировой войны работал в качестве корреспондента ряда печатных изданий нейтральных государств. В 1944 году за чрезмерный интерес к жизни руководителей Третьего рейха был арестован и препровожден в концлагерь Дахау. По странному совпадению, американские солдаты освободили Нерина Гана в тот день, когда состоялось бракосочетание Гитлера и Евы Браун. Именно тогда он и заинтересовался личностью Евы Браун, любовницы и жены Гитлера. Книга «Ева Браун: жизнь, любовь, судьба» его единственная.

2

Альберт Шпеер — придворный архитектор Гитлера, автор проекта здания Новой рейхсканцелярии, в 1942–1945 годах — министр вооружений. Международным трибуналом приговорен к двадцати годам лишения свободы.

3

Бальдур фон Ширах — до 1941 года руководитель Германского Союза молодежи, известного также под названием «Гитлерюгенд», в 1941–1945 годах — наместник в Австрии. На Нюрнбергском процессе приговорен к двадцати годам лишения свободы.

4

В оригинале буквально «убрать голубизну с небес», что означает: врать без стеснения (Прим. пер.)

5

Фён — сухой, теплый ветер, дующий с гор в долины; его особенности обусловлены повышенным давлением.

6

Рудольф Гесс — заместитель Гитлера по руководству нацистской партией, в мае 1941 года тайно вылетел в Англию с целью достичь соглашения с ней на основе разделения сфер влияния, но был посажен под арест. На Нюрнбергском процессе был приговорен к пожизненному заключению, скончался в тюрьме Шпандау в 1987 году.

7

Грегор Штрассер в первые годы существования НСДАП считался вторым человеком в партии. Он возглавлял левое крыло и по многим вопросам солидаризировался с коммунистами. К 1933 году впал в немилость и 30 июня 1934 года был расстрелян вместе с руководителями штурмовых отрядов и несколькими оппозиционными нацистам политическими деятелями.

8

Герман Эссер — журналист, в начальный период существования НСДАП имел партийный билет № 2, а Гитлер — № 7. Позднее Гитлеру заменили его на № 1. Именно Эссер впервые назвал Гитлера «Мой фюрер».

9

Конфидент — доверенное лицо.

10

Гугеноты — сторонники протестантского вероучения во Франции; их борьба с католиками вылилась в XVI веке в ожесточенные войны.

11

Дитрих Эккарт — поэт и журналист, один из первых членов НСДАП, оказавший значительное влияние на мировоззрение Гитлера, был известен чрезмерным пристрастием к спиртному. Умер до прихода нацистов к власти.

12

«Braun» по-немецки означает «коричневый». «Коричневый дом» — штаб-квартира НСДАП в Мюнхене.

13

Книга Гана впервые увидела свет в 1968 году.

14

Капризный ребенок (фр.).

15

Мартин Борман — руководитель партийного аппарата НСДАП и управляющий партийной кассой, постепенно ставший одним из наиболее приближенных к Гитлеру лиц. В 1943 году он даже удостоился статуса его личного секретаря. О его судьбе рассказано в конце книги.

16

Генрих Гиммлер — рейхсфюрер СС и начальник германской полиции. В гитлеровской Германии возглавлял весь карательный аппарат и систему концлагерей, с 1943 года занимал также посты министра внутренних дел, командующего резервной армией и группой армий «Висла». В мае 1945 года был задержан патрулем британской военной полиции и принял яд.

17

Альфред Розенберг — один из наиболее известных идеологов, национал-социализма, считался специалистом по положению в СССР, так как был уроженцем Прибалтики и свободно владел русским языком. После назначения в 1941 году министром восточных территорий последовательно отстаивал идею расчленения СССР на ряд мелких государств, находящихся под протекторатом Германии. Казнен по приговору Международного трибунала.

18

Юлиус Штрейхер — патологический антисемит и извращенец. За чересчур откровенную демонстрацию своих противоестественных наклонностей был даже смещен с поста гауляйтера Франконии. («Gau» — административно-территориальная единица в гитлеровской Германии, соответственно, «гауляйтер» — областной руководитель.) Главный редактор погромного листка «Der Stürmer» («Штурмовик»). На Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни.

19

Йозеф Геббельс — министр пропаганды и гауляйтер Берлина. О его судьбе подробно говорится в конце книги.

20

Герман Геринг — рейхсмаршал и главнокомандующий военно-воздушными силами, занимавший также множество постов в иерархии нацистского государства, В сентябре 1939 года был официально объявлен преемником Гитлера. Приговорен в Нюрнберге к повешению, но накануне казни покончил с собой.

21

Франц Грильпарцер — известный австрийский писатель и драматург второй половины XIX века.

22

Кафе «Größenwahn» — по-немецки означает «мания величия».

23

«Бертольд Брехт со своей знаменитой пьесой» — имеется в виду «Карьера Артура Уи, которой могло не быть».

24

Кристиан Вебер был одним из немногих деятелей НСДАП, обращавшихся к Гитлеру на «ты». Поэтому после прихода к власти Гитлер поспешил отдалить его от себя.

25

Макс Амман — бывший ротный фельдфебель Гитлера, руководитель Центрального издательства НСДАП «Егерферлаг».

26

Трудовой фронт — организация, созданная в нацистской Германии на базе распущенных профсоюзов.

27

Роберт Лей повесился в уборной в здании суда еще до первого заседания Международного трибунала.

28

Госпожа Шауб — жена старшего адъютанта Гитлера Юлиуса Шауба.

29

Цугшпитце — гора в Баварских Альпах.

30

Чарли — подруга Евы Шарлотта.

«Бр». — вероятно, имеется в виду адъютант Гитлера Брюкнер.

32

Верлин — генеральный директор автомобильных заводов «Даймлер-Бенц».

«Г». — видимо, Ева имеет в виду Геббельса.

34

«Ведь сейчас он занят только политикой…» — 16 марта 1935 года в Германии была введена всеобщая воинская повинность.

35

Пауль фон Гинденбург — генерал-фельдмаршал кайзеровской армии, номинально считающийся организатором разгрома двух русских армий в Восточной Пруссии в августе 1915 года; в 1926–1934 годах — президент Германии.

«Берг» («Berg») — по-немецки «гора».

37

Герман Эссер занимал второстепенный пост вице-президента рейхстага.

38

Паладинами в средние века называли рыцарей из королевской свиты.

39

«Deus ex machina» (лат.) — «бог из машины»; в переносном смысле: человек, умеющий разрешать трудные ситуации.

ОСС — Организация стратегических служб; созданный в годы Второй мировой войны в США разведывательный орган, ставший зародышем ЦРУ.

41

Аншлюс — акт присоединения Австрии к Германии в 1938 году.

«Vox populi» (лат.) — «глас народа».

43

Вильгельм Кейтель — генерал-фельдмаршал, начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта, повешен в Нюрнберге по приговору Международного трибунала.

44

Франц Тодт — имперский уполномоченный по строительству автомобильных дорог, в 1940 году был назначен на учрежденный специально для него пост министра вооружений, погиб в авиакатастрофе в феврале 1942 года.

45

Йоахим фон Риббентроп — в 1936–1938 годах — посол в Англии, прославился полным незнанием дипломатического этикета, в 1938–1945 годах — министр иностранных дел. Казнен в Нюрнберге по приговору Международного трибунала.

46

Константин фон Нейрат — предшественник Риббентропа на посту министра иностранных дел, в 1938–1941 годах — имперский наместник протектората Богемии и Моравии.

47

Франц фон Папен — в период Веймарской республики один из лидеров католической партии Центра, в 1932 году занимал пост главы правительства. В 1933–1934 годах был вице-канцлером в первом нацистском правительстве, с трудом избежал расправы 30 июня 1934 года; в 1934–1938 годах был послом в Австрии, затем до конца войны — главой дипломатической миссии Германии в Турции.

48

Король Югославии Александр в октябре 1934 года стал жертвой покушения, организованного хорватскими националистами (усташами) в сотрудничестве с германской разведкой. Вместе с ним погиб министр иностранных дел Франции Барту.

49

Король Англии Эдуард VIII в 1936 году был вынужден отречься от престола из-за женитьбы на разведенной американке Уоллис (Саре) Симпсон. После отречения Эдуард получил титул герцога Виндзорского.

50

Эдуард Даладье — премьер-министр Франции в 1938–1940 годах.

51

Дюбари — имя фаворитки французского короля Людовика XV маркизы де Помпадур.

52

Мария-Антуанетта — королева Франции, казненная в годы якобинского террора.

53

Русское издание книги «Застольные беседы Гитлера в ставке» увидело свет в 1973 году.

54

Вальтер Хевель как представитель министерства иностранных дел входил в ближайшее окружение Гитлера, который долго и безуспешно уговаривал его жениться на Гретль, обещая взамен пост посла.

55

Ганс Ламмерс — руководитель имперской канцелярии.

Легат — в данном случае изложенное в завещании поручение наследнику выплатить какому-либо лицу определенную сумму или выделить долю имущества.

57

Еве Браун назначалось пожизненное ежемесячное жалованье в 100 марок. Эта, как по тогдашним, так и по теперешним меркам, незначительная сумма еще раз свидетельствует о том, что Гитлер в обыденной жизни был крайне непрактичен.

58

Градчаны — официальное название резиденции президента Чехословакии.

59

На Курфюстендамм в центре Берлина проживали только весьма состоятельные люди.

60

Французское слово «одеколон» переводится как «вода из Кёльна».

61

«…пусть он заберет часть продуктов и отправит их на «Гору» — «гора» — по-немецки «Берг», отсюда название местности — Берхтесгаден.

62

«Старые борцы» — члены НСДАП, вступившие в нее до ноября 1923 года.

63

Квиринал — королевский дворец в Риме.

64

По личному распоряжению Гитлера сын Винифред Вилаяд был освобожден от военной службы.

65

Английский парк — огромный парк в центре Мюнхена.

66

«Пивной путч» — предпринятая Гитлером и его сторонниками в ноябре 1923 года первая попытка взять власть; названа так потому, что перед выступлением его участники собрались в огромном зале мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер».

Мемель — немецкое название Клайпеды.

68

Шмундт — генерал-лейтенант, главный адъютант Гитлера.

69

Чай для двоих (англ.)

70

Дуайт Эйзенхауэр — главнокомандующий войсками союзников в Европе, в 1953–1960 годах — президент США.

71

Карл Спаатс — командующий американскими 8-й и 15-й воздушными армиями.

72

Пол Нимиц — главнокомандующий американскими военно-морскими силами в зоне Тихого океана.

73

Джордж Паттон — командующий 3-й американской армией, в годы Второй мировой войны из-за неукротимого наступательного духа заслуживший репутацию едва ли не лучшего генерала вооруженных сил США. В декабре 1945 года погиб в автомобильной катастрофе.

74

В начале 1941 года во время проводимой в Германии широкомасштабной кампании по созданию государственного резерва металлоресурсов Гитлер с помпой сдал в переплавку стоявшие здесь медные ворота, заменив их деревянными.

75

Когда автор через несколько недель после своего освобождения вернулся в Берлин, кабинет уже утратил первоначальный вид. Советские солдаты разнесли в щепки письменный стол и кресла, на засыпанном щебнем полу валялись изорванные документы, на которых отчетливо виднелись грязные отпечатки солдатских сапог. Все попытки прочитать их оказались безуспешными.

Капитан Бауэр — личный пилот Гитлера.

77

Бургдорф — генерал от инфантерии, начальник управления кадров сухопутных войск, в июле 1944 года после гибели Шмундта был назначен также главным адъютантом Гитлера.

«Wolf» — по-немецки «волк».

79

«Приказ Нерона» — его называли так потому, что, согласно преданию, император Нерон приказал поджечь Рим, чтобы потом любоваться пожаром.

Сам Шпеер так писал в своих «Воспоминаниях»: «Возможно даже, он сознательно позволил мне на всех уровнях саботировать выполнение его приказов и тем самым дал еще одно доказательство многогранности и загадочности своей натуры».

81

«Физелер-Шторх» — одномоторный самолет с очень низкой посадочной скоростью.

«Флегелейн» — по-немецки «грубиян».

83

Многие очевидцы утверждают, что его допрашивал лично начальник гестапо Мюллер.

84

Фольксштурм — созданное в октябре 1944 года ополчение, в которое в обязательном порядке зачислялись все лица мужского пола в возрасте от 16 до 60 лет.

85

Артур Аксман — преемник Бальдура фон Шираха на посту руководителя Гитлерюгенда.

86

Геббельс с детства был хромым.

87

Кребс перед войной занимал должность заместителя военного атташе при германском посольстве в Москве и свободно владел русским языком.

88

Адмирал Фосс — представитель командования военно-морских сил при ставке Гитлера.

Многие из приближенных Гитлера были немедленно отправлены в Москву, где оказались сперва в Бутырской тюрьме, а затем в Лефортовской. Характерно, что к ним присоединили также двоюродную сестру Гитлера, Марию Копенштайнер, в последний рад видевшую брата в 1907 году, ее мужа, вообще никогда не встречавшегося с Гитлером, и его сына. К Раттенхуберу, Гюнше, Линге, Бауэру были подсажены офицеры государственной безопасности, свободно владевшие немецким языком. На основании их рассказов о системе охраны Гитлера, его привычках, манере поведения, историй о различных покушениях на него и т. д. возникла книга «О Гитлере», предназначенная исключительно для крайне ограниченного круга лиц из высшего руководства страны. Впоследствии ее материалам разрешили воспользоваться Михаилу Ромму, снимавшему свой знаменитый документальный фильм «Обыкновенный фашизм». Приговоренные к двадцати годам тюремного заключения, приближенные Гитлера были освобождены и отправлены в ФРГ после визита ее канцлера Аденауэра в Москву в 1955 году.

90

Борман переоделся после ожесточенного боя на мосту Вайдендаммер. На Нюрнбергском процессе никаких других доказательств смерти Бормана не представлено, и потому он был заочно приговорен к смерти. В декабре 1971 года в ходе земляных работ в западноберлинском районе Моабит был обнаружен скелет. Бывший зубной техник Фриц Эхтман, в свое время изготовивший для начальника партийной канцелярии мостовидный протез, по челюсти опознал Бормана.